

Журнал по психологическим наукам

Психология.
Историко-критические
обзоры и современные
исследования

Том 7, № 5А, 2018.

С. 1-211.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology

Psychology.
Historical-critical
Reviews and Current
Researches

October 2018, Volume 7, Issue 5A.

Pages 1-211.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 7, № 5А, 2018

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (19.00.01), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, член диссертационных советов по общей психологии и по общей педагогике, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, **Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики** – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (19.00.01), доктор педагогических наук, профессор кафедры технологий обучения, **Новосибирский государственный аграрный университет** – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты оригинальных исследований, проведенные в различных направлениях психологии и смежных дисциплин. Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и смежных наук, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологии. В журнале рассматривается весь спектр современных проблем психологической науки: история, теория, практика, инновации.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (19.00.01)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (19.00.01), доктор педагогических наук
Ответственный редактор	В.В. Галушкин
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректор	Л.Л. Куприянчик, А. Ильина
Переводчики	В.Н. Ермаков, И.С. Злобина, И.А. Маркеева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5477

Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:

43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования»

Цена договорная. Подписано к печати 15.10.2018. Печ. л. 28,5. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7187.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" October 2018, Volume 7, Issue 5A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology, Professor, member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, member of the International Academy for the Humanization of Education, full-fledged member of the European Academy of Natural History (London), recipient of the prize of the President of the RF in the field of education, founder of the scientific school of reflexive psychology and pedagogy of creativity, member of dissertation councils in general psychology and in general pedagogy, *National Research University – Higher School of Economics* (Russia) – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor of Learning Technologies Department, *Novosibirsk State Agrarian University* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal publishes results of original researches conducted in various areas of psychology and related disciplines. The articles are written by leading experts in the field of psychology and related sciences as well as researchers working on dissertations on psychology. The journal covers the full range of modern problems of psychology: history, theory, practice and innovations.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy
Executive editor	V.V. Galushkin
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, F.A. Il'ina
Translators	V.N. Ermakov, I.S. Zlobina, I.A. Markeeva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5426

Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. Passed for printing on 15.10.2018. 28.5 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7187.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

Нургалеев Владимир Султанович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора журнала, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры технологий обучения, Новосибирский государственный аграрный университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, член диссертационных советов по общей психологии и по общей педагогике, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики.

по направлению: 19.00.02 – Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики начального образования и художественного развития ребенка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика

Белоусова Светлана Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского сектора, профессор кафедры психологии, Челябинский государственный университет.

Крук Владимир Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Департамент государственной службы и кадров МВД России, ведущий консультант отдела организации психологической работы управления организации морально-психологического обеспечения ДГСК МВД России, профессор кафедры морально-психологического обеспечения Военного университета, профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет им. В.Я. Кикотя Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 9, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления человеческими ресурсами, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики.

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление», Российский университет транспорта (МИИТ).

по направлению: 19.00.04 – Медицинская психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии, Уральский государственный медицинский университет.

Решетников Михаил Михайлович – доктор психологических наук, профессор, ректор, Восточно-европейский институт психоанализа.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

по направлению: 19.00.05 – Социальная психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миронова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной, общей и клинической психологии, Российский государственный строительный университет.

по направлению: 19.00.07 – Педагогическая психология

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, директор Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 19.00.10 – Коррекционная психология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ коррекционной педагогики, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и комплексной реабилитации, Московский городской педагогический университет.

Никишина Вера Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации, заведующий кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики специальной психологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 19.00.13 – Психология развития, акмеология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры консультативной психологии и психологии здоровья, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Носс Игорь Николаевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет.

Редакционная коллегия

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Языков Константин Геннадьевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии, Томский государственный университет.

Editorial board

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Narcology and Psychotherapy, Ural State Medical University (Russia).

Belousova Svetlana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the research sector, Professor of the Department of Psychology, Chelyabinsk State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Consultative Psychology and Psychology of Health, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific State University (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of psychophysiology of the Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of general and clinical psychology, Khakassian State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology and Psychophysiology, Yelets State University (Russia).

Klayberg Yurii Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Regional University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogics of Primary Education and Child Development, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor at the Department of social and political psychology, Demidov Yaroslavl State University (Russia).

Kruk Vladimir Mikhailovich – Doctor of Psychology, Professor, Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Leading Consultant of the Department for the Organization of the Psychological Work of the Department of Moral and Psychological Support of the DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychological Support of the Military University, Professor of the Psychology Department of the Educational and Scientific Complex psychology of official activity, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department No. 9, National Research University – Moscow Aviation Institute (Russia).

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social, General and Clinical Psychology, Russian State University of Civil Engineering (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Professor at the Department of counseling, Dean of the faculty of practical psychology, Moscow School of Social and Economic Sciences (Russia).

Nikishina Vera Borisovna – Doctor of Psychology, Professor, Dean of the faculty of professional development, Head of the Department of psychology of health and correctional psychology, Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Russia).

Noss Igor' Nikolaevich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Labor Psychology and Organizational Psychology, Moscow State Regional University (Russia).

Nurgaleev Vladimir Sultanovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of pedagogics and professional activity psychology, Siberia State Technological University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy of Special Psychology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Chair of Pedagogy, Psychology and Special Subjects, Stavropol State Medical University (Russia).

Reshetnikov Mikhail Mikhailovich – Doctor of Psychology, Professor, Rector, East European Institute of Psychoanalysis (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy editor-in-chief, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor of Learning Technologies Department, Novosibirsk State Agrarian University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Editor-in-chief, Doctor of Psychology, Professor, member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, member of the International Academy for the Humanization of Education, full-fledged member of the European Academy of Natural History (London), recipient of the prize of the President of the RF in the field of education, founder of the scientific school of reflexive psychology and pedagogy of creativity, member of dissertation councils in general psychology and in general pedagogy, National Research University – Higher School of Economics (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholom-Aleikhem Amur State University (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Sociology, State and Municipal Management, Russian University of Transport (MIIT) (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of acmeology and psychology of management, Ural State Pedagogical University (Russia).

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of bases of correctional pedagogy, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of speech therapy, Institute of Special Education and Comprehensive Rehabilitation, Moscow City Pedagogical University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of professional development psychology of the Institute of Psychology, Russian State Vocational Pedagogical University (Russia).

Advisory Board

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Yazykov Konstantin Gennad'evich – Doctor of Medical Sciences, Professor at the Department of genetic and clinical psychology of the faculty of psychology, Tomsk State University (Russia).

Содержание

Общая психология, психология личности, история психологии

Басов Илья Андреевич Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте.....	5
Коржова Елена Юрьевна Веселова Елена Константиновна Дворецкая Марианна Ярославовна Взаимосвязь стратегий поведения у представителей разных типов субъект-объектных ориентаций.....	15
Кадыров Руслан Васитович Капустина Татьяна Викторовна Садон Елена Владимировна Наркозависимость и детский опыт отношений в семье	26
Коржова Елена Юрьевна Психологические характеристики осетин, идентифицирующих себя с психологическими портретами зрелой личности.....	34
Руденко Андрей Викторович От психофизиологической структуры личности к онтологическому пониманию «Другого».....	45

Социальная психология

Климова Елена Михайловна Гендерные особенности принятия решения в управленческой деятельности	52
Истратова Оксана Николаевна Особенности опыта отношений в родительской семье у молодых людей (на примере полных и неполных семей).....	62
Суслова Татьяна Федоровна Светлакова Ольга Юрьевна Исследование аттитудов родителей в отношении инклюзивного образования детей с расстройствами аутистического спектра в отечественной и зарубежной науке	68
Шанин Николай Михайлович Социально-психологический феномен доверия к информации	78
Жижина Мария Викторовна Динамика социальных представлений студенческой молодежи о массмедиа в период с 2009-2012 по 2017-2018 гг.	87
Цапина Светлана Юрьевна Психологические проблемы семьи ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями	99
Шляпникова Юлия Владимировна Устин Павел Николаевич Попов Леонид Михайлович Психологические факторы репродуктивного поведения представительниц сообщества чайлдфри	107
Банайтис Наталья Георгиевна Исследование взаимосвязи межличностных отношений и ксенофобии	114

Коррекционная психология

Бельшева Оксана Ивановна

Динамика изменения мотивации химически зависимой личности в процессе реабилитации126

Медицинская психология

Леденцова Светлана Леонидовна

Модель психологического развития больного шизофренией как консультативная задача.....133

Эльзесер Анастасия Сергеевна

Люкшина Дарья Сергеевна

Боленкова Елена Федоровна

Концепция ранних дезадаптивных схем в структуре когнитивной психологии144

Демичева Дарья Васильевна

Топчий Мария Владимировна

Чурилова Татьяна Михайловна

Психическая напряженность как проблема психологии здоровья.....150

Педагогическая психология

Капцов Александр Васильевич

Колесникова Екатерина Ивановна

Селезнева Маргарита Викторовна

Плаксина Ирина Васильевна

Диагностика стадий становления субъектности обучающихся.....158

Ревякина Ольга Владимировна

Рашева Ольга Анатольевна

Виниченко Ирина Владимировна

Психологические аспекты и воспитательное значение форменной одежды для учащейся молодежи.....170

Сульчинская Эллина Энерговна

Проблема ценностно-мотивационных конфликтов преподавателей высшей школы: профессиональный аспект180

Психология труда, инженерная психология, эргономика

Лодде Ольга Александровна

Психологическое сопровождение кадрового обеспечения в деятельности по сопровождению программных продуктов187

Люкшина Дарья Сергеевна

Бартковская Наталья Сергеевна

Кондратьева Екатерина Вадимовна

Садон Елена Владимировна

Мотивация у выпускников медицинского вуза с разным уровнем смысложизненного кризиса194

Руднова Наталья Александровна

Профессиональная мотивация и ее вклад в уровень прокрастинации.....201

Contents

General psychology, personality psychology, history of psychology

- Il'ya A. Basov**
The correlation between the meaning of life and subjective well-being in advanced age5
- Elena Yu. Korzhova**
Elena K. Veselova
Marianna Ya. Dvoretzkaya
The interrelation between behaviour strategies in representatives of different types
of subject-object orientations15
- Ruslan V. Kadyrov**
Tat'yana V. Kapustina
Elena V. Sadon
Drug addiction and children's experience of family relations26
- Elena Yu. Korzhova**
Psychological characteristics of Ossetians identifying themselves with the psychological
portraits of a mature personality.....34
- Andrei V. Rudenko**
From the psychophysiological structure of the personality to the ontological understanding
of the “Other”45

Social psychology

- Elena M. Klimova**
Gender peculiarities of decision making in management.....52
- Oksana N. Istratova**
Features of the experience of relations in the parental family of young people (on the example
of two-parent and single-parent families)62
- Tat'iana F. Suslova**
Ol'ga Yu. Svetlakova
Study of parents attitudes in relation to the inclusive education of children with autism
spectrum disorders in domestic and foreign science68
- Nikolai M. Shanin**
Socio-psychological phenomenon of trust in information78
- Mariya V. Zhizhina**
Dynamics of Student Youth's Social Perception of Mass Media in Periods
of 2009-2012 and 2017-201887
- Svetlana Yu. Tsapina**
Psychological problems of the family of a child with severe psychophysical disorders99
- Yuliya V. Shlyapnikova**
Pavel N. Ustin
Leonid M. Popov
Reproductive behavior's psychological factors of the childfree community107
- Natal'ya G. Banaitis**
A study of the interrelation between interpersonal relations and xenophobia114

Correctional psychology

- Oksana I. Belysheva**
Dynamics of changes in motivation of a chemically dependent person in the rehabilitation
process.....126

Medical Psychology

Svetlana L. Ledentsova

The model of the psychological development of the patient with schizophrenia as an advisory task133

Anastasiya S. El'zesser

Dar'ya S. Lyukshina

Elena F. Bolenkova

Concept of early desadaptive schemes in the structure of cognitive psychology144

Dar'ya V. Demicheva

Mariya V. Topchii

Tat'yana M. Churilova

Mental tension as a problem of health psychology150

Educational psychology

Aleksandr V. Kaptsov

Ekaterina I. Kolesnikova

Margarita V. Selezneva

Irina V. Plaksina

Diagnosis stages of development of subjectivity of students158

Ol'ga V. Revyakina

Ol'ga. A. Rasheva

Irina V. Vinichenko

Pedagogical aspects and educative significance of uniform for students.....170

Ellina E. Sul'chinskaya

The problem of value-motivational conflicts of higher school teachers: the professional aspect.....180

Labor psychology, engineering psychology, ergonomics

Ol'ga A. Lodde

Psychological support of personnel support in software support activities.....187

Dar'ya S. Lyukshina

Natal'ya S. Bartkovskaya

Ekaterina V. Kondrat'eva

Elena V. Sadon

Motivation of graduates of medical university with different level of life crisis194

Natal'ya A. Rudnova

Professional motivation as a predictor to the level of procrastination201

УДК 159.9

Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте

Басов Илья Андреевич

Аспирант,
кафедра теоретической и практической психологии,
Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
683032, Российская Федерация, Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4;
e-mail: kamgu@kamgu.ru

Аннотация

Многообразие линий развития, широкая вариативность самоосуществления человека в позднем возрасте требуют особого инструментария и методологической основы, которой может служить экзистенциальная психология. В статье рассмотрено экзистенциально-психологическое содержание и экзистенциальные задачи данного возрастного этапа, «кризиса старения». В пожилом возрасте и старости человек с необходимостью обращается внутрь себя, осмысляя в целостности пройденный путь, открывая новые горизонты и те смыслы, что открываются не столько ментально, сколько сердцем, душой. Впервые в статье представлены результаты исследования взаимосвязи смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте. Представлены основные корреляции субъективного благополучия и счастья с осмысленностью жизни, экзистенциальной исполненностью, категориями жизненных смыслов и дифференциальной рефлексии; выявлены ведущие и игнорируемые категории жизненных смыслов, смыслы, уводящие и ведущие к ощущению счастья в позднем возрасте; дана интерпретация полученных данных на основе экзистенциального подхода.

Для цитирования в научных исследованиях

Басов И.А. Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в позднем возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 5-14.

Ключевые слова

Смысл жизни, счастье, благополучие, исполненность, экзистенциальная задача, пожилой возраст, старость, экзистенциальная психология.

Введение

Целый ряд ведущих психологов, исследователей и мыслителей (С. Кьеркегор, А. Адлер, К.Г. Юнг, Э. Фромм, В. Франкл, А. Лэнгле, К. Ясперс, К.А. Абдулханова-Славская, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, Е.Е. Сапогова и др.) отводили смыслу жизни ведущую роль, отмечая его доминирующее влияние на различные сферы в жизни человека. Так В. Франкл в книге «Доктор и душа» пишет о том, что поиск человеком смысла является первичным побудительным мотивом [Франкл, 1997, 242-243], обозначая его изначальным «стремлением определить и выполнить свое предназначение в жизни» [Франкл, 2015, 18], которое напрямую связывается в логотерапии со свободным выбором человека и неизбежной ответственностью за него.

А. Лэнгле выделяет четыре фундаментальные мотивации:

- бытие-в-мире (сама возможность экзистенции, «занимать жизнь как пространство»);
- ценность жизни (способность ощущать ценности, «стремление к ценности жизни»);
- оправдание Собственного (обнаружение, проживание и воплощение уникальности, «иметь право на свою собственную жизнь»);
- данные три «персональные предпосылки» являются необходимыми для обнаружения четвертой фундаментальной мотивации – Смысла экзистенции. Обнаружение смысла – не просто индифферентная реализация ценностей, пусть и возвышенных, но глубинное внутреннее «Да» человека к тому, что он переживает; как он действует во внутренних и внешних плоскостях бытия; ради чего он живет, как постигает смысл ситуации [Лэнгле, 2009].

К. Ясперс, ставя в пример философов, отшельников и странствующих мыслителей, показывает, как человек, находя опору в себе, возвышается над миром и приходит к трансцендентальной ясности, сознает свое место в целостности бытия. Ясперс считает, что многообразие истории и историчность человека (а значит – жизни каждого) подчинены требованию «некого единого» и все, что обладает ценностью и смыслом, соотносится с ним. Это единство рождается из значимости людей друг для друга, и жизнь людей есть движение к нему, это единство и есть цель, вырастающая из смысла [Ясперс, 1991].

Воплощение смысла жизни, решение жизненной задачи человека Э. Фромм связывал с перманентным выбором между жизнью и смертью, которые он рассматривал не как биологические состояния, а как «состояния бытия, отношения к миру» (жизнь как постоянное изменение и рождение, а смерть – прекращение роста, повторение, окостенение). Большинство людей, как указывал Э. Фромм, находятся в состоянии «подлинного несчастья», поскольку избегают делать данный выбор, они «...ни живы, ни мертвы, жизнь становится для них бременем, бессмысленным предприятием, а деловая активность – средством самозащиты от мучительного пребывания в мире теней» [Фромм, 2011, 245].

Смысл жизни и субъективное благополучие в позднем возрасте

В позднем возрасте смысл жизни приобретает особую роль, поскольку «серебряный возраст» сопряжен с решением ряда внутренних, экзистенциальных задач [Басов, Экзистенциальные задачи..., 2017], стоящих перед человеком (таких как переосмысление жизни, отказ от внешней экспансии и выход на духовные смыслы, поиск ответов на «большие» вопросы и др.). Ответ на «вопрос вопросов» напрямую влияет на то, насколько человек будет способен решить для себя эти задачи и, соответственно, насколько счастливым он будет себя ощущать. Например, Е.Е. Сапогова указывает обязательным условием самовоплощения

человека, а также критерием его зрелости смыслонасыщение, смысловое преодоление и добровольное «смыслоуничтожение» (под которым подразумевается отказ от ранее ассимилированного смысла) «доставшихся» жизненных обстоятельств [Сапогова, 2013, 360-362]. Также необходимо отметить, что мы рассматриваем смысл как основание для счастья, которое порождается открытием и реализацией смысла [Леонтьев, 2007, 504-506].

Возрастные границы в аспекте хронологической периодизации становятся менее значимыми с течением времени [Сапогова, 2013], а все возрастающее значение приобретает критерий зрелости (фаза взрослости, на которой человек, активно участвуя в собственном развитии, воплощается в своей самоидентичности и самобытности, в возможной для него полноте своих сущностных сил), который для конкретного человека может быть достижим на любом отрезке взрослости (и в 30, и в 40, и в 65 лет), а может быть и вовсе не достигнут. Вместе с тем поздний возраст (опираясь на восьмифазовую возрастную периодизацию Дж. Биррене) хронологически мы будем отмерять начиная с 51 года.

В данном исследовании, исходя из проведенного теоретического анализа литературы и обозначенной актуальности экзистенциального подхода к позднему возрасту, нами были выдвинуты следующие гипотезы:

- 1) существует взаимосвязь между осмысленностью жизни и уровнем субъективного благополучия у людей позднего возраста;
- 2) структура смысложизненных ориентаций, категорий жизненных смыслов и экзистенциальная исполненность различаются у людей с различным уровнем субъективного благополучия;
- 3) избегание решения экзистенциальных задач своего возраста, фиксация на смыслах, уводящих от их решения, приводят к низкому уровню субъективного благополучия и ощущения счастья (либо приближающемуся к низкому уровню нормативного спектра шкал);
- 4) обращение человека в позднем возрасте к решению актуальных экзистенциальных задач, принятие установки «Я для мира» (преодоления своего Эго) приводят к высокому уровню субъективного благополучия и ощущения счастья (либо приближающемуся к высокому уровню нормативного спектра шкал) [Басов, Актуальность..., 2017].

Для проверки гипотез были выбраны следующие методики, направленные на изучение уровня осмысленности жизни, структуры смысложизненных ориентаций и категорий жизненных смыслов, экзистенциальной исполненности, уровня субъективного благополучия личности:

- 1) методика «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева (далее – СЖО);
- 2) методика «Система жизненных смыслов» В.Ю. Котлякова (далее – СЖС);
- 3) Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и др. в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (далее – ШУДЖ);
- 4) Шкала субъективного счастья С. Любомирски в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (далее – ШСС);
- 5) Дифференциальный тест рефлексивности Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (далее – ДТР);
- 6) Шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглер (далее – ШЭ);
- 7) мини-сочинение «В чем для меня смысл жизни?».

В исследовании [Басов, Взаимосвязь..., 2017] приняли участие 102 человека, из них 76 женщин и 26 мужчин, 45,1% исследуемых имеют высшее образование, 24,5% – среднее специальное, а средний возраст равен 63,1 года (медиана – 62,5 года, межквартильный размах – 9 лет). Основной базой для исследования выступила Камчатская краевая библиотека им. С.П. Крашенинникова (Университет третьего возраста). В университете респонденты проходили

диагностику как участники программы развивающих занятий для людей позднего возраста на основе экзистенциального подхода «Новые горизонты старости» [Басов, Психологическое сопровождение..., 2017].

Полученные данные приведены в табл. 1-3, представленных ниже.

Таблица 1 – Результаты исследования по методике «Система жизненных смыслов»

Категории	Альтруистические	Экзистенциальные	Гедонистические	Самореализации	Статусные	Коммуникативные	Семейные	Когнитивные
Ведущие (3-9 баллов)	23	24	9	19	12	37	55	16
Нейтральные (10-17 баллов)	68	61	51	69	31	55	45	45
Игнорируемые (18-24 балла)	11	17	42	14	59	10	2	41

Данные приведены в процентах.

Таблица 2 – Корреляции общих показателей СЖО и ШЭ с рядом категорий жизненных смыслов методики СЖС

	Категории жизненных смыслов			
	Гедонистические	Статусные	Экзистенциальные	Когнитивные
Общий показатель СЖО	-0,348***	-0,511***	0,22*	0,39***
Общий показатель ШЭ	-0,363***	-0,539***	0,31**	0,44***

Данные инвертированы по причине нисходящих баллов методики СЖС (чем меньше баллов, тем более выражена категория жизненного смысла).

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Таблица 3 – Корреляции методик ШСС и ШУДЖ с показателями методик СЖО, СЖС, ШЭ, ДТР

	Цели	Процесс	Результативность	Локус контроля – Я	Локус контроля – Жизнь	Уровень осмысленности жизни	Полученные данные инвертированы							
							Альтруистические	Экзистенциальные	Гедонистические	Самореализации	Статусные	Коммуникативные	Семейные	Когнитивные
Шкала субъективного счастья	0,75***	0,80***	0,79***	0,72***	0,80***	0,79***	0,11	0,28**	-0,33***	0,22*	-0,59***	0,04	-0,11	0,40***
Шкала удовлетворенности жизнью	0,74***	0,76***	0,76***	0,68***	0,78***	0,73***	0,05	0,26**	-0,3**	0,16	-0,56***	0,02	-0,06	0,46***

**Таблица 4 – Корреляции методик ШСС и ШУДЖ
с показателями методик СЖО, СЖС, ШЭ, ДТР**

	Самодистанцирование (SD)	Самотрансценденция (ST)	Свобода (F)	Ответственность (V)	Персональность (P)	Экзистенциальность (E)	Показатель G	Системная рефлексия	Интроспекция	Квазирефлексия	Шкала субъективного счастья
Шкала субъективного счастья	0,59***	0,74***	0,66***	0,54***	0,72***	0,64***	0,72***	0,32**	-0,52***	-0,38***	1
Шкала удовлетворенности жизнью	0,53***	0,67***	0,61***	0,47***	0,65***	0,57***	0,64***	0,36***	-0,44***	-0,35***	0,87***

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Исследование показало, что у людей в позднем возрасте наблюдается следующее.

- 1) Игнорируемыми категориями жизненных смыслов являются статусные (59%), гедонистические (42%), когнитивные (41%). Данные результаты, как мы полагаем, объясняются тем, что пожилой человек, продуктивно проживающий свой возраст и принимающий старение, «дистанцируется» от себя, перерастает свое эго (падает значимость социальных «рейтингов», «примитивных» удовольствий и др.) и больше внимания (заботы) уделяет миру (не мир для меня, а я для мира), распространяя себя на него, но не в смысле экспансии, а в смысле расширения и чувства единства с ним. Когнитивные смыслы выступают игнорируемыми, видимо, по той причине, что в позднем возрасте человек полагает, что уже познал достаточно, он сформировался как личность, приобрел некоторую ригидность и редко считает, что жизнь может преподнести что-то новое. Конечно, такое восприятие жизни не отвечает действительности, ее принципиальной непознаваемости. Более того, как будет показано ниже, именно противоположная позиция (т. е. приверженность когнитивным смыслам) имеет взаимосвязь с переживанием своей жизни как счастливой.
- 2) Преобладают следующие категории жизненных смыслов: семейные (55%), коммуникативные (37%). Кроме того, что данные смыслы, прежде всего семейные, являются социально одобряемыми, важно отметить их экзистенциальную глубину применительно к позднему возрасту. Так, семья и общение могут реализовывать потребность в передаче своего опыта, жизненных итогов, их востребованности, понимании и помощи в решении тех жизненных трудностей, с которыми сталкивается человек в этом периоде жизни, получении ощущения, что «в этом я не одинок». Нередко ведущими смыслами выступают экзистенциальные и альтруистические (24% и 23% соответственно). Мы считаем, что это связано с экзистенциальной логикой жизненного пути: с обращением к общечеловеческим ценностям и извечным вопросам (несущие в

этом возрасте не теоретический характер, а рожденные своей жизнью ответы), с пониманием ценности жизни как таковой. Альтруистические смыслы мы связываем с решением экзистенциальной задачи позднего возраста – преодолением Эго, выходом за его пределы.

- 3) В позднем возрасте имеется четкая взаимосвязь ($p < 0,001$) осмысленности жизни и субъективного благополучия (т. е. в подавляющем большинстве случаев испытуемые с высокой осмысленностью жизни имеют высокую удовлетворенность жизнью и считают себя счастливыми людьми; напротив, испытуемые с низкой осмысленностью жизни чаще имеют низкую удовлетворенность жизнью и считают себя несчастливыми людьми). Полученные данные убедительно обоснованы в различных теориях и подтверждались целым рядом исследований. Однако мы считаем важным подчеркнуть, что в позднем возрасте имеется своя специфика этих результатов. Решение задач (к которым человек неизбежно приходит) данного возрастного этапа (переосмысление жизни, принятие позитивного сценария старения, осмысление (прикосновение) к экзистенциальным данностям и др.) со всей необходимостью опирается на способность человека к осмыслению, а их положительное решение дает ощущение счастья и радости.
- 4) Переживание счастья в позднем возрасте связано ($p < 0,001$) с экзистенциальной исполненностью (реализация экзистенциального смысла), которая позволяет испытывать глубокое счастье, а жизнь переживать как «настоящую» и полную. Исполненность включает в себя персональность (описывает когнитивную и эмоциональную доступность для себя и для мира) и экзистенциальность (измеряет способность решительно и ответственно идти в мир, включаться в жизнь). Напротив, неисполненная экзистенция (закрытость Person – заикленность на себе, а также эмоциональная неспособность к диалогу, отсутствие ответственной включенности в жизнь) будет уводить человека от ощущения счастья. В тех редких случаях позднего возраста, когда низкий уровень исполненности и осмысленности жизни переживается человеком как счастье, мы полагаем вслед за Д.А. Леонтьевым [Леонтьев, 2007, 484-506], что правильно будет говорить о невысоком уровне зрелости такого переживания.
- 5) Составляющие осмысленности жизни и исполненности (самодистанцирование, самотрансценденция, свобода, локус контроля и др.), которые показали взаимосвязь ($p < 0,001$) с переживанием счастья в позднем возрасте, можно рассматривать как инструменты для решения экзистенциальных задач: самопринятие в реалиях позднего возраста, преодоление страха смерти смыслом, поиск ответов на «большие» вопросы и другие задачи позднего возраста. К такому же инструменту можно отнести системную рефлексию ($p < 0,001$), интроспекцию и квазирефлексию, показавшие обратную зависимость ($p < 0,001$) с переживанием счастья, своего рода «неисправным инструментом» для решения экзистенциальных задач позднего возраста, применение которых приводит к ощущению несчастливой жизни.
- 6) Если в позднем возрасте ведущими категориями жизненных смыслов выступают гедонистическая (обратная взаимосвязь ШСС $p < 0,001$, ШУДЖ $p < 0,01$) и статусная (обратная взаимосвязь $p < 0,001$), то удовлетворенность жизнью и ощущение счастья

находятся на низком уровне. Мы предполагаем, что это связано с тем, что удовлетворение (реализация) данных смыслов в позднем возрасте «обременяется» рядом трудностей и требует немалых затрат (физических, психологических и др.). Но, главное, эти категории уводят человека от решения экзистенциальных задач данного возраста, что с разной степенью осознания приводит к неудовлетворенности.

- 7) Такие ведущие категории жизненных смыслов, как экзистенциальные ($p < 0,01$) и когнитивные ($p < 0,001$), «гарантируют» ощущение счастья и удовлетворенность жизнью. Мы полагаем, что это объясняется тем, что экзистенциальные и когнитивные категории жизненных смыслов менее других подвержены влиянию внешних обстоятельств (социальных, политических, физического здоровья, материального благополучия и др.), а искренний их приоритет обеспечивает человеку чувство осуществленности, причастности к трансцендентальным ценностям, а значит, и чувство удовлетворенности, счастья, возможно, практически при любых жизненных обстоятельствах.

Данные, указанные в пунктах 6 и 7, подтвердились такой методикой, как мини-сочинение «В чем для меня смысл жизни?» Были рассмотрены респонденты с совпадением высоких и низких уровней по двум шкалам ШСС и ШУДЖ, а также респонденты с высокими/низкими показателями по одной из шкал и показателями, находящимися на самом краю нормативного спектра второй шкалы. Всего рассмотрены 20 человек с высокими показателями и 21 человек с низкими. При применении углового преобразования Фишера в зону значимости попадают ответы по следующим категориям: альтруистические ($\phi = 3,52$), экзистенциальные ($\phi = 3,66$), самореализации ($\phi = 3,11$), когнитивные ($\phi = 4,26$) (эти категории чаще выбирают респонденты с показателями выше условной нормы по шкалам ШСС и ШУДЖ (поскольку средние значения и стандартные отклонения по данным методикам получены на выборках студентов ВУЗов, 4-5 курс [Осин, Леонтьев, 2008], нами были использованы значения данного исследования (ШУДЖ: $M = 21,2$; $SD = 7,18$; ШСС: $M = 17,8$; $SD = 6,33$)), а также категория отрицания наличия смысла жизни ($\phi = 3,13$), чаще выбираемая респондентами с показателями ниже нормы по шкалам ШСС и ШУДЖ (т. е. несчастливые люди позднего возраста чаще избегают отвечать на вопрос о смысле жизни (не имеют экзистенциальной смелости), проявляют его незнание, отрицают наличие смысла бытия). В зону неопределенности попали гедонистические и семейные категории жизненных смыслов ($\phi = 1,82$ и $\phi = 2,41$ соответственно). Сравнение полученных результатов с результатами корреляционного анализа данных шкал ШСС и ШУДЖ с методикой КЖС показывает совпадение по экзистенциальным и когнитивным категориям. Примечательно, что ответы по статусной и материальной категориям не дали статистически значимых различий ($\phi = 0,83$), вместе с тем их вес (развернутость ответов, акцент) у респондентов с показателями ниже нормы по шкалам ШСС и ШУДЖ выше в два раза.

Общие показатели СЖО и ШЭ имеют статистически достоверные взаимосвязи с когнитивными ($p < 0,001$) и экзистенциальными (СЖО $p < 0,05$, ШЭ $p < 0,01$) категориями смыслов жизни, а также статистически достоверные ($p < 0,001$) обратные взаимосвязи со статусными и гедонистическими категориями смыслов жизни (т. е. чем выше уровень осмысленности и исполненности у человека в позднем возрасте, тем чаще он выбирает приверженность когнитивными экзистенциальным категориям смыслов жизни и тем реже

статусным и гедонистическим), что дополнительно указывает на верность заключений по пунктам 6 и 7.

Кроме того, при проведении корреляционного анализа впервые, насколько нам известно, были получены взаимосвязи методики СЖО и методики ШЭ (статистическая достоверность $p < 0,001$). Взаимосвязи достоверны как по общим показателям, так и по всем шкалам данных методик (см. табл. 5).

Таблица 5 – Корреляции методик СЖО и ШЭ (N = 102)

	Цели	Процесс	Результативность	Локус контроля – Я	Локус контроля – Жизнь	Уровень осмысленности жизни
Самодистанцирование (SD)	0,575	0,55	0,599	0,492	0,543	0,577
Самотрансценденция (ST)	0,696	0,696	0,702	0,638	0,686	0,681
Свобода (F)	0,563	0,573	0,636	0,56	0,596	0,546
Ответственность (V)	0,541	0,461	0,548	0,485	0,449	0,493
Персональность (P)	0,687	0,677	0,702	0,615	0,667	0,678
Экзистенциальность (E)	0,588	0,547	0,634	0,553	0,551	0,553
Показатель G	0,674	0,647	0,704	0,618	0,642	0,65

Заключение

Таким образом, выдвинутые гипотезы получили подтверждение в проведенном исследовании: осмысленность жизни, экзистенциальная исполненность выступают необходимым условием для ощущения счастья в позднем возрасте и его зрелости; избегание решения экзистенциальных задач, фиксация на смыслах, принадлежащих (актуальных) другим возрастным этапам, приводят к низкому уровню субъективного благополучия, а их решение – к ощущению счастья.

Библиография

1. Басов И.А. Актуальность экзистенциального подхода в психологическом сопровождении пожилых людей // *European social science journal*. 2017. № 1. С. 369-373.
2. Басов И.А. Взаимосвязь смысла жизни и субъективного благополучия в пожилом возрасте (результаты пилотажного исследования) // *Материалы X Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Теоретическая и прикладная психология: традиции и перспективы»*. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 10-16.
3. Басов И.А. Психологическое сопровождение людей в позднем возрасте (на примере программы психологического сопровождения проживания престарелых и инвалидов в доме-интернате на основе экзистенциального подхода). СПб.: НИЦ АРТ, 2017. 60 с.
4. Басов И.А. Экзистенциальные задачи позднего возраста // *European social science journal*. 2017. № 10. С. 508-518.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.
6. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2009. 240 с.
7. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Институт социологии РАН, 2008.
8. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767 с.
9. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 285 с.
10. Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2015.
11. Фромм Э. По ту сторону порабощающих нас иллюзий. М.: АСТ, 2011.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

The correlation between the meaning of life and subjective well-being in advanced age

Il'ya A. Basov

Postgraduate,
Department of theoretical and practical psychology,
Vitus Bering Kamchatka State University,
683032, 4 Pogranichnaya st., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russian Federation;
e-mail: kamgu@kamgu.ru

Abstract

The article aims to explore the correlation between the meaning of life and subjective well-being in advanced age. Manifold lines of development, wide variability of self-realisation of elderly people require special tools and methodological foundations. The author of the article uses existential psychology as such a basis. The article makes an attempt to consider the existential psychological content and existential tasks of this age, called the “aging crisis”. The author points out that an elderly person needs to turn inward, comprehending the passed way as a whole, opening new horizons and such senses that can be cognised not so much mentally as with their heart and soul. The article presents the results of the study of the correlation between the meaning of life and subjective well-being in advanced age for the first time. It deals with basic correlations between subjective well-being and happiness with the meaning of life, existential fulfillment, life meanings and differential reflection categories. Having analysed the results of the research, the author identifies leading and ignorable categories of life meanings, meanings leading to and away from the sense of happiness in advanced age. The received data are interpreted by the author on the basis of the existential approach.

For citation

Basov I.A. (2018) Vzaimosvyaz' smysla zhizni i sub"ektivnogo blagopoluchiya v pozdnem vozraste [The correlation between the meaning of life and subjective well-being in advanced age]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 5-14.

Keywords

Meaning of life, happiness, well-being, fulfillment, existential task, advanced age, old age, existential psychology.

References

1. Basov I.A. (2017) Aktual'nost' ekzistentsial'nogo podkhoda v psikhologicheskom soprovozhdenii pozhilykh lyudei [The relevance of the existential approach in psychological support for elderly people]. *European social science journal*, 1, pp. 369-373.
2. Basov I.A. (2017) Ekzistentsial'nye zadachi pozdnego vozrasta [Existential problems of advanced age]. *European social science journal*, 10, pp. 508-518.
3. Basov I.A. (2017) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie lyudei v pozdnem vozraste (na primere programmy psikhologicheskogo soprovozhdeniya prozhivaniya prestarelykh i invalidov v dome-internate na osnove ekzistentsial'nogo podkhoda)* [Psychological support for elderly people (a case study of the program of psychological

- support for elderly and disabled people living in residential facilities on the basis of the existential approach)]. St. Petersburg: NITs ART Publ.
4. Basov I.A. (2017) *Vzaimosvyaz' smysla zhizni i sub"ektivnogo blagopoluchiya v pozhilom vozraste (rezul'taty pilotazhnogo issledovaniya)* [The interrelation between the meaning of life and subjective well-being in advanced age (the results of the pilot study)]. *Materialy X Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Teoreticheskaya i prikladnaya psikhologiya: traditsii i perspektivy"* [Proc. 10th Conf. "Theoretical and applied psychology: traditions and prospects"]. Chita: Transbaikal State University, pp. 10-16.
 5. Frankl V. (1946) *Ärztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse*. Wien: Deuticke. (Russ. ed.: Frankl V. (1997) *Doktor i dusha*. St. Petersburg: Yuventa Publ.)
 6. Frankl V. (2013) *Das Leiden am sinnlosen Leben. Psychotherapie für heute*. Herder. (Russ. ed.: Frankl V. (2015) *Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni. Aktual'naya psikhoterapiya*. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.)
 7. Fromm E. (2006) *Jenseits der Illusionen. Die Bedeutung von Marx und Freud*. Verlagsgesellschaft. (Russ. ed.: Fromm E. (2011) *Po tu storonu poraboshchayushchikh nas illyuzii*. Moscow: AST Publ.)
 8. Längle A. (2003) *Emotion und Existenz*. Facultas. (Russ. ed.: Längle A. (2009) *Chto dvizhet chelovekom? Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya emotsii*. Moscow: Genezis Publ.)
 9. Leont'ev D.A. (2007) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [The psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl Publ.
 10. Osin E.N., Leont'ev D.A. (2008) *Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspres-otsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya* [Testing Russian versions of two scales of rapid assessment of subjective well-being]. *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the 3rd Congress]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
 11. Sapogova E.E. (2013) *Ekzistentsial'naya psikhologiya vzroslosti* [Existential psychology of adulthood]. Moscow: Smysl Publ.
 12. Jaspers K. (1949) *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. München – Zürich. (Russ. ed.: Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow: Politizdat Publ.)

УДК 159.9**Взаимосвязь стратегий поведения у представителей
разных типов субъект-объектных ориентаций****Коржова Елена Юрьевна**

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой психологии человека,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: elenakorjova@gmail.com

Веселова Елена Константиновна

Доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии человека,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: elkonves16@yandex.ru

Дворецкая Марианна Ярославовна

Доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии человека,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: dvoretskaya.marianna@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются субъектно-обусловленные закономерности выбора стратегий поведения. Целью исследования явилось изучение взаимосвязи стратегий поведения как адаптационного потенциала лиц с различными психологическими типами, обусловленного различиями субъект-объектных ориентаций как базовых ориентаций жизнедеятельности. Использовались Опросник субъект-объектных ориентаций ОЖО и Опросник стратегий поведения в значимых ситуациях ОСПЗС. Опрошено 480 человек в возрасте от 25 до 45 лет с высшим образованием различной профессиональной принадлежности. Для математико-статистической обработки данных использовался корреляционный анализ (r Пирсона). На основе анализа взаимосвязей стратегий поведения выявлено, что в зависимости от принадлежности к типу субъект-объектных ориентаций стратегии поведения могут быть более или менее успешными и различаться в разных сферах жизнедеятельности. Более эффективны адаптивные стратегии, которые имеют большое количество значимых связей с другими стратегиями, а также стратегии, мало связанные с остальными и потому предполагающие значительную поведенческую гибкость. На основании особенностей взаимосвязи стратегий поведения выявлено, что у

объектно-ориентированных лиц выше риск неадекватного поведения. Стратегии поведения «преобразователя» и «гармонизатора» характеризуют данные «творческие» типы как более гибкие по сравнению с «пользователем» и «потребителем».

Для цитирования в научных исследованиях

Коржова Е.Ю., Веселова Е.К., Дворецкая М.Я. Взаимосвязь стратегий поведения у представителей разных типов субъект-объектных ориентаций // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 15-25.

Ключевые слова

Стратегии поведения, адаптивные стратегии поведения, дезадаптивные стратегии поведения, тип субъект-объектных ориентаций, адаптационный потенциал.

Введение

В современном мире растут требования к адаптационному потенциалу человека, поступки которого должны быть адекватными усложняющимся задачам, которые перед ним ставятся. Между тем, несмотря на традиционный исследовательский интерес к данной проблематике, все еще не выявлены формы возможных действий в различных жизненных ситуациях и их психологические механизмы. Можно полагать, что в зависимости от психологической организации стратегии поведения в значимых ситуациях существенно различаются. К анализу внешних признаков внутренней жизни человека, а значит, и особенностей поведения обращались представители различных школ и направлений [Гришина, 2016]. Понятие «стратегия» получило распространение в нашей стране после опубликования в 1991 г. книги К.А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» [Абульханова-Славская, 1991], в которой под стратегией понимался зависящий от личности обобщенный способ активности. В таком понимании стратегия – это в большей степени характеристика общей направленности, жизненных ориентаций, разрабатываемого нами феномена субъект-объектных ориентаций как базовых ориентаций жизнедеятельности человека [Коржова, 2013]. Стратегии поведения – более узкое понятие, обозначающее конкретные приемы взаимодействия с жизненной ситуацией. С.А. Нартовой-Бочавер высказывается близкая нашей точка зрения, согласно которой coping-стратегии являются ситуативной модификацией жизненного стиля (в понимании автора понятия А. Адлера) [Нартова-Бочавер, 1997].

Среди получивших известность психодиагностических методик, в которых аккумулируются поведенческие стратегии, в первую очередь стоит отметить опросники форм психологической защиты, совладающего поведения (копинг-поведения), стилей поведения. Отличительная особенность этих методик – стремление выявить «внутренние», личностные характеристики. Так, психологическая защита или стилевые особенности понимаются как характеристики личности. Это свидетельствует о «знаковости» подходов, лежащих в основе данных методик. При их разработке проводится классический психометрический анализ. В этом их отличие от «поведенческих» опросников, акцент в которых делается на тщательности разработки перечня ситуаций как «стимулов» поведения [Анастаси, Урбина, 2003]. К методам исследования, как правило, относятся не всегда стандартизированные мног шкальные опросники, открытые и полуструктурированные интервью, эмоциональные оценки. С.К. Нартова-Бочавер, рассматривая методы изучения coping-behavior, в котором человек сознательно избирает способ совладания с трудностями (т. е. проявляет себя в качестве

субъекта), упоминает идиографический подход, ориентированный на познание особенного и изменчивого, и полагает, что это теоретический компромисс позитивистской и гуманитарной методологии [Нартова-Бочавер, 1997].

По данным предыдущих наших исследований, субъектно- и объектно-ориентированные лица в целом характеризуются примерно одинаковым количеством избираемых стратегий в трудных ситуациях и в ситуациях, приносящих удовлетворение, а также существенным преобладанием адаптивных стратегий над дезадаптивными. В трудных ситуациях представители обеих ориентаций обращаются к стратегиям непосредственного и опосредованного реагирования, ориентированного на внутренний мир, а также к профессионально ориентированным стратегиям [Коржова, 2013].

Субъектно-ориентированные реже избирают стратегии, ориентированные на других людей, а объектно-ориентированные – внепрофессионально ориентированные. Выбор стратегий поведения среди других типов распределен достаточно равномерно. Такая же тенденция наблюдается в ситуациях, приносящих удовлетворение, за исключением не выделяющихся в данном случае профессионально ориентированных стратегий и усиливающейся роли стратегий опосредованного реагирования, ориентированных на внутренний мир. Это свидетельствует о стремлении к осмыслению радостного опыта. Если сопоставить типы избираемых стратегий по отдельным выборкам, куда входят представители контрастных ориентаций, то достоверные различия отмечаются по показателям выборов внепрофессиональных стратегий (по итоговому показателю, а в случае трудных ситуаций и по показателю адаптивных стратегий), что характеризует более разносторонний внутренний мир.

«Психологические портреты» представителей разных типов субъект-объектных ориентаций включают в себя в том числе и предпочитаемый выбор тех или иных стратегий. Так, в ситуациях, приносящих удовлетворение, «преобразователь», по сравнению с другими типами, обращает мало внимания на профессиональные дела, не стремится приспособиться к ситуации, получая мало непосредственного удовольствия. «Гармонизатор» анализирует ситуацию, размышляет; фантазирует, обращается к творчеству, также не находит в радости покоя и даже может кратковременно заболеть «на радостях». «Пользователь» не забывает о работе, обдумывает свои достижения, планирует последующие; в стремлении приспособиться к людям неуспешен, уходит от контактов. «Потребитель» «плывет по волнам» фантазий, сновидений, физически пассивен; может переключаться на другие занятия; склонен проецировать свое состояние на других, плохо понимая людей.

Дизайн исследования

Неотъемлемой чертой субъекта является способность к саморазвитию [Шукина, 2018]. Субъект-объектные ориентации, направляющие проявления субъектности, становятся значимым фактором выбора стратегий поведения [Коржова, 2013]. Одной из причин затруднений при выборе поведенческих стратегий может быть их недифференцированное восприятие. Те стратегии, которые в сознании имеют меньше связей с другими, легче поддаются дифференцировке. В этом случае выбор менее предопределен, человек обладает большей поведенческой гибкостью, и более вероятно, что поведение будет адекватно ситуации.

Целью настоящего исследования явилось изучение взаимосвязи стратегий поведения как адаптационного потенциала у лиц с различными психологическими типами. В задачи

исследования входило: выявление типов жизненных ориентаций; определение присущих каждому типу стратегий поведения; характеристика их адекватности посредством анализа взаимосвязи адаптивных и дезадаптивных стратегий поведения. Гипотеза исследования состоит в следующем: адаптивные и дезадаптивные стратегии поведения представителей разных типов субъект-объектных ориентаций по-разному связаны между собой, что отражает разную меру их эффективности.

В настоящем эмпирическом исследовании с помощью Опросника субъект-объектных ориентаций ОЖО и Опросника стратегий поведения в значимых ситуациях ОСПЗС опрошено 480 человек в возрасте от 25 до 45 лет с высшим образованием различной профессиональной принадлежности. Для математико-статистической обработки данных использовался корреляционный анализ (r Пирсона).

Опросник субъект-объектных ориентаций позволяет выявить меру активности в жизненных ситуациях посредством определения специфики базовых ориентаций жизнедеятельности. С помощью опросника выделяются типы субъектной и объектной ориентации, различающиеся по уровню активности жизненной позиции, и четыре психологических типа, различающихся по выраженности жизненного творчества и жизненного локуса контроля («преобразователь»: высокий уровень жизненного творчества, внутренний жизненный локус контроля; «гармонизатор»: высокий уровень жизненного творчества, внешний жизненный локус контроля; «пользователь»: низкий уровень жизненного творчества, внутренний жизненный локус контроля; «потребитель»: низкий уровень жизненного творчества, внешний жизненный локус контроля).

Опросник стратегий поведения в значимых ситуациях ОСПЗС создан на основе таксономической решетки стратегий поведения, в которой учитываются тип, вид стратегий поведения, а также их адаптивность/дезадаптивность отдельно в трудных ситуациях и отдельно в ситуациях, приносящих удовлетворение. Классификация поведенческих стратегий была создана на основе известных классификаций форм поведения и психологических защит. В соответствии с основными сферами жизнедеятельности стратегии поведения были разделены по ориентации на телесные проявления, внутренний мир (непосредственное реагирование – уровень восприятия и эмоций; опосредованное реагирование – уровень мышления и личности) и внешний мир (профессионально, внепрофессионально и социально (в узком смысле этого слова) ориентированные).

Оба опросника имеют удовлетворительные психометрические характеристики [Дворецкая, Коржова, 2005].

Ранее нами было показано, что по данным корреляционного анализа, как правило, адаптивные и дезадаптивные стратегии одного и того же вида взаимоисключают друг друга. Адаптивные стратегии связываются положительной связью с адаптивными, отрицательной – с дезадаптивными. Эта закономерность отражена в корреляционных плеядах взаимосвязей выборов стратегий поведения у субъектно- и объектно-ориентированных лиц. Следовательно, по количеству значимых связей можно судить о роли тех или иных стратегий в создании общего поведенческого «рисунка» [Коржова, 2013].

Результаты исследования и их обсуждение

В табл. 1 представлены обобщенные результаты подсчета количества значимых взаимосвязей стратегий поведения у представителей разных типов субъект-объектных ориентаций.

Таблица 1 – Количество значимых корреляционных взаимосвязей между выборами стратегий поведения ($p < 0,05$)

Тип и вид стратегий поведения		С	О	1	2	3	4
Соматически ориентированные стратегии	адаптивные стратегии в трудных ситуациях	9	2	8	6	6	10
	дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях	7	9	4	2	6	13
	адаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	7	5	7	2	4	10
	дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение						
Профессионально ориентированные стратегии	адаптивные стратегии в трудных ситуациях	10	6	4	5	6	2
	дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях	9	8	4	3	7	5
	адаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	7	13	6	1	1	16
	дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	4	9	6	1	7	7
Внепрофессионально ориентированные стратегии	адаптивные стратегии в трудных ситуациях	6	6	3	3	4	8
	дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях	5	5	2	2	10	10
	адаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	2	4	2	1	4	3
	дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	7	10	5	1	6	8
Социально ориентированные стратегии	адаптивные стратегии в трудных ситуациях	10	4	4	3	2	8
	дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях	5	13	4	3	9	3
	адаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	9	4	4	3	2	4
	дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	2	5	2	2	6	7
Внутренний мир – непосредственное реагирование	адаптивные стратегии в трудных ситуациях	7	7	4	1	4	10
	дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях	3	9	4	3	10	8
	адаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	5	1	0	3	2	6
	дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	4	4	0	1	2	12
Внутренний мир – опосредованное реагирование	адаптивные стратегии в трудных ситуациях	6	5	6	6	7	9
	дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях	4	7	5	5	10	5
	адаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	3	5	3	4	5	1
	дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение	4	2	9	2	3	1

Условные обозначения:

Тип субъект-объектных ориентаций: С – субъектная; О – объектная; 1 – преобразователь; 2 – гармонизатор; 3 – пользователь; 4 – потребитель.

Рассмотрим вначале особенности взаимосвязей выборов поведенческих стратегий у лиц с выраженной субъектной и объектной ориентациями.

I. Соматически ориентированные стратегии.

У «объектных» в трудных ситуациях адаптивные стратегии мало связаны с другими, зато дезадаптивные, характеризующие в целом негативные изменения соматического состояния, имеют 9 значимых связей с другими стратегиями. Это означает, что многие стратегии могут привести к определенному телесному неблагополучию. В ситуациях, приносящих удовлетворение, наблюдается более равномерное соотношение взаимосвязей телесных

изменений с используемыми стратегиями. Многие стратегии способствуют как позитивному, так и негативному соматическому состоянию, т. е. велика вероятность соматической дезадаптации даже в радостных обстоятельствах. У «субъектных», в отличие от «объектных», и в трудных, и в приносящих удовлетворение ситуациях несколько больше вероятность достижения позитивного соматического состояния, поскольку довольно большое количество значимых связей имеют и адаптивные, и дезадаптивные стратегии, с преобладанием таких связей у адаптивных стратегий.

II. Профессионально ориентированные стратегии.

У «объектных» весьма значительно количество связей таких стратегий с остальными (13 у адаптивного и 10 у дезадаптивного варианта стратегий) в ситуациях, приносящих удовлетворение. У «субъектных», напротив, наибольшее количество связей выявляется в трудных ситуациях. Таким образом, у «объектных» выбор профессионально ориентированных стратегий больше влияет на остальные в «+»-ситуациях, у «субъектных» – в «-»-ситуациях.

III. Внепрофессионально ориентированные стратегии.

Наибольшее количество связей (и потому наибольшее влияние) имеют дезадаптивные стратегии в ситуациях, приносящих удовлетворение, у представителей обоих типов субъект-объектных ориентаций, с некоторым преобладанием у «объектных».

IV. Социально ориентированные стратегии.

У «объектных» большее количество связей имеют дезадаптивные стратегии в трудных ситуациях, у «субъектных» больше связей имеют адаптивные стратегии как в трудных ситуациях, так и в ситуациях, приносящих удовлетворение.

V. Непосредственное реагирование.

У «объектных» большее количество связей имеют дезадаптивные стратегии как в трудных ситуациях, так и в ситуациях, приносящих удовлетворение. У «субъектных» больше связей у адаптивных стратегий. Следовательно, непосредственные реакции более благоприятно сказываются на поведении «субъектных», нежели «объектных».

VI. Опосредованное реагирование.

У «объектных» больше связей дезадаптивные стратегии имеют в трудных ситуациях, адаптивные – в ситуациях, приносящих удовлетворение; у «субъектных» – наоборот. Следовательно, размышлять полезнее «объектным» в радости, «субъектным» – в трудные моменты жизни.

Согласно полученным данным, субъектно-ориентированные имеют больше шансов на позитивное соматическое состояние, чем объектно-ориентированные. Для субъектно-ориентированных очень важными являются профессиональные стратегии (как адаптивные, так и дезадаптивные), поскольку они связаны почти со всеми остальными и, следовательно, значительно влияют на поведение. На поведение объектно-ориентированных большое влияние оказывают профессиональные стратегии, избираемые в ситуациях, приносящих удовлетворение. Внепрофессионально ориентированные стратегии важны для представителей обеих ориентаций, поскольку при их неадекватном использовании (дезадаптивный вариант) негативно влияют на поведение.

Взаимоотношения с людьми для объектно-ориентированных чреваты рядом негативных последствий, особенно в трудных ситуациях, тогда как для субъектно-ориентированных выше вероятность их позитивного воздействия. Непосредственная и опосредованная реакции на ситуацию более благоприятны для субъектно-ориентированных. На поведение объектно-

ориентированных опосредованное реагирование положительно влияет в ситуациях, приносящих удовлетворение. В целом у объектно-ориентированных выше риск неадекватного поведения в силу специфики взаимосвязей в их сознании избираемых поведенческих стратегий.

На основании анализа взаимосвязей между выборами поведенческих стратегий, осуществляемыми представителями субъект-объектных ориентаций в двухмерной типологии, можно выделить следующие закономерности.

«Гармонизатор» наиболее гибок в ситуациях, приносящих удовлетворение, при выборе профессионально и внепрофессионально ориентированных стратегий. Наибольшее количество взаимосвязей выборов стратегий (как адаптивных, так и дезадаптивных) относится к опосредованному реагированию в трудных ситуациях, что отражает склонность «гармонизатора» рефлексировать, обдумывать трудные моменты жизни. В данном случае трудно судить об однозначно возможном влиянии данного типа стратегий, поскольку отмечается примерно равное количество адаптивных и дезадаптивных стратегий. Также можно выделить вероятность позитивного влияния соматических изменений и профессиональных стратегий в трудных ситуациях. Таким образом, у «гармонизатора» достаточно велика вероятность соматического благополучия, так как телесная сфера связана с большим количеством стратегий. Также положительно может влиять на «рисунок» поведения в трудных ситуациях обращенность к работе.

«Преобразователь» характеризуется большим количеством связей адаптивных и дезадаптивных стратегий с другими стратегиями в трудных ситуациях. На втором месте – профессиональные и соматические стратегии, имеющие «вес» в организации поведения как в трудных ситуациях, так и в ситуациях, приносящих удовлетворение. Высока вероятность позитивного соматического состояния в ситуациях «+» и «-». При выборе профессионально ориентированных стратегий в ситуациях, приносящих удовлетворение, равное количество связей относится как к адаптивным, так и к дезадаптивным стратегиям, что приводит к выводу о неоднозначном влиянии обращенности к профессионально ориентированным стратегиям на поведенческий «рисунок». Ранее было показано, что «преобразователь» довольно редко прибегает к таким стратегиям в радостные моменты своей жизни.

На поведение «потребителя» наименьшее влияние оказывает опосредованное реагирование, так как он не склонен к размышлениям о своем поведении (особенно это относится к ситуациям, приносящим удовлетворение). Выборы стратегий опосредованного реагирования имеют достаточно большое количество связей, их влияние неоднозначно в трудных ситуациях (примерно равное количество связей имеют адаптивные и дезадаптивные стратегии), однако в ситуациях, приносящих удовлетворение, значительный перевес имеют дезадаптивные стратегии. Отсюда может следовать «житейская рекомендация» потребителю не веселиться необдуманно, так как это дезорганизует его поведение. При рефлексии в ситуациях, приносящих удовлетворение, возможно достижение значительной поведенческой гибкости. Наибольшее же количество связей имеется у адаптивных профессионально ориентированных стратегий в ситуациях, приносящих удовлетворение. Таким образом, обращенность к работе в радостные моменты жизни для потребителя может благоприятно сказаться на поведении. Взаимоотношения с людьми также позитивно влияют на поведение (доказательство этому – 7 значимых связей у выбора адаптивных стратегий против 3 у выбора дезадаптивных стратегий в этой сфере). Тем не менее в ситуациях, приносящих удовлетворение, перевес по количеству значимых связей отмечается у дезадаптивных стратегий. Соматическая сфера неизменно

значима для данного типа (и подвержена влиянию со стороны многих стратегий), как и для остальных: имеется значительное количество связей с другими способами поведения. Таким образом, в трудных ситуациях позитивное воздействие на другие стратегии, организующие поведение, оказывают взаимоотношения с другими людьми, тогда как в ситуациях, приносящих удовлетворение, это профессионально ориентированные стратегии.

В выборах поведенческих стратегий «пользователя» выделяется наибольшее количество связей с другими в сфере опосредованного реагирования в трудных ситуациях. Это свидетельствует о существенной роли рефлексии в поведении пользователя. Стратегии в трудных ситуациях имеют больше связей, что означает их большее влияние на поведение в целом. В ситуациях, приносящих удовлетворение, дезадаптирующие стратегии большее влияние оказывают в профессиональной и непрофессиональной сферах, во взаимоотношениях с людьми, в соматическом реагировании. Позитивное влияние наиболее выражено в сфере опосредованного реагирования (полезно обдумывать «+»-ситуации). Меньшее влияние оказывает непосредственное реагирование.

В трудных ситуациях наибольшее влияние оказывает дезадаптивное непосредственное реагирование, дезадаптивные непрофессиональные стратегии и стратегии, связанные с взаимоотношениями с людьми. Большая вероятность «срывов» связана с преобладающим влиянием дезадаптивных стратегий как в трудных ситуациях, так и в ситуациях, приносящих удовлетворение. По всем сферам в количестве взаимосвязей «перевес» у дезадаптивных стратегий, в примерно равном соотношении адаптивных и дезадаптивных вариантов находятся профессионально и соматически ориентированные стратегии. Таким образом, эмпирически показано, что взаимосвязи стратегий поведения проявляют специфику взаимодействия личности и ситуации, что вносит вклад в современное понимание личностно-ситуационных соотношений [Fleeson, Nofle, 2009; Webster, 2009].

Заключение

В зависимости от принадлежности к типу субъект-объектных ориентаций стратегии поведения могут быть охарактеризованы как более или менее успешные, что согласуется с современными представлениями об успешности в связи с экзистенциальными ценностями и смыслами человеческого бытия. В выборе поведенческих стратегий «преобразователь» и «гармонизатор» являются более гибкими по сравнению с «пользователем» и «потребителем».

Приняв в качестве условия задачи взаимоисключающий характер адаптивных и дезадаптивных стратегий, а также тенденцию к связыванию стратегий, относящихся к одному и тому же полюсу адаптационного континуума, можно судить об особенностях позитивной или негативной организации поведения у представителей разных типов субъект-объектных ориентаций. Если больше связей имеют дезадаптивные стратегии, то выше риск дезадаптивного поведения, и наоборот.

Также на этом основании можно судить о том, к каким сферам жизнедеятельности лучше обращаться представителям того или иного типа как к более «безопасным». Это стратегии, которые носят адаптивный характер, при наличии большого количества значимых связей с другими стратегиями, либо это стратегии, мало связанные с остальными и потому предполагающие значительную поведенческую гибкость.

Библиография

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2003. 688 с.
3. Веселова Е.К. Смысл жизни в контексте личностной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2001. № 3. С. 51-64.
4. Гришина Н.В. Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. Вып. 1. С. 58-68.
5. Дворецкая М.Я., Коржова Е.Ю. Психологическая диагностика здоровья личности: субъектные и духовные аспекты // Журнал прикладной психологии. 2005. № 6. С. 11-28.
6. Дворецкая М.Я., Лошакова А.Б. Образ успешности в современных психологических исследованиях // Мир науки. 2016. Т. 4. № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/09PSMN216.pdf>
7. Коржова Е.Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2013. 542 с.
8. Нартова-Бочавер С.К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20-30.
9. Щукина М.А. Эвристичность субъектного подхода в психологических исследованиях саморазвития личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 48-57.
10. Fleeson W., Nofle E.E. The end of the person-situation debate: an emerging synthesis in the answer to the consistency question // Social and personality psychology compass. 2009. Vol. 2. No. 4. P. 1667-1684.
11. Webster G. The person-situation interaction is increasingly outpacing the person-situation debate in the scientific literature: a 30-year analysis of publication trends, 1978-2007 // Journal of research in personality. 2009. Vol. 43. P. 278-279.

The interrelation between behaviour strategies in representatives of different types of subject-object orientations

Elena Yu. Korzhova

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of human psychology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elenakorjova@gmail.com

Elena K. Veselova

Doctor of Psychology, Professor,
Professor at the Department of human psychology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elkonves16@yandex.ru

Marianna Ya. Dvoretzkaya

Doctor of Psychology, Docent,
Professor at the Department of human psychology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: dvoretzkaya.marianna@yandex.ru

Abstract

The article deals with the subject-based patterns of choosing behaviour strategies. The aim of the research is to study the interrelation between behaviour strategies as the adaptive potential of individuals of different psychological types due to differences in their subject-object orientations as the basic orientations of life activities. The authors of the article use the Questionnaire of subject-object orientations and the Questionnaire of strategies in meaningful situations to survey 480 persons aged 25 to 45 years, with higher education and of different professions. Correlation analysis (r Pearson) is used for mathematical and statistical data processing. The authors use the results of the analysis of interrelations between behaviour strategies, which allow them to reveal the dependence of successfulness of strategies on belonging to some particular type of subject-object orientations. Behaviour strategies differ in different activity spheres. The adaptive strategies with a large number of significant links with other strategies are considered to be more effective, as well as ones that have almost no links with the rest and therefore involve significant behavioural flexibility. The authors carry out an analysis of the features of the interrelation between behaviour strategies and conclude that object-oriented people tend to behave more inappropriately and behaviour strategies of more "creative" types are more flexible.

For citation

Korzhova E. Yu., Veselova E. K., Dvoretckaya M. Ya. (2018) Vzaimosvyaz' strategii povedeniya u predstavitelei raznykh tipov sub"ekt-ob"ektnykh orientatsii [The interrelation between behaviour strategies in representatives of different types of subject-object orientations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 15-25.

Keywords

Behaveour strategies, adaptive behaviour strategies, disadaptive behaviour strategies, type of subject-object orientations, adaptive potential.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. (1991) *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl' Publ.
2. Anastazi A., Urbina S. (2003) *Psikhologicheskoe testirovanie* [Psychological testing]. St. Petersburg: Piter Publ.
3. Dvoretckaya M. Ya., Korzhova E. Yu. (2005) Psikhologicheskaya diagnostika zdorov'ya lichnosti: sub"ektnye i dukhovnye aspekty [Psychological diagnostics of an individual's psychological health: subjective and spiritual aspects]. *Zhurnal prikladnoi psikhologii* [Journal of applied psychology], 6, pp. 11-28.
4. Dvoretckaya M. Ya., Loshchakova A. B. (2016) Obraz uspeshnosti v sovremennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh [The image of successfulness in modern psychological research]. *Mir nauki* [World of science], 4 (2). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/09PSMN216.pdf> [Accessed 21/08/18].
5. Fleeson W., Nofle E. E. (2009) The end of the person-situation debate: an emerging synthesis in the answer to the consistency question. *Social and personality psychology compass*, 2 (4), pp. 1667-1684.
6. Grishina N. V. (2016) Situatsionnyi podkhod: issledovatel'skie zadachi i prakticheskie vozmozhnosti [The situational approach: research tasks and practical opportunities]. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Saint Petersburg State University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 1, pp. 58-68.
7. Korzhova E. Yu. (2013) *Putevoditel' po zhiznennym orientatsiyam: lichnost' i ee zhiznennyi put' v khudozhestvennoi literature* [A guide to life orientations: personality and its life path in fiction]. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii Publ.
8. Nartova-Bochaver S. K. (1997) "Coping behavior" v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti [“Coping behavior” in the system of concepts in personality psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 18 (5), pp. 20-30.
9. Shchukina M. A. (2018) Evristichnost' sub"ektnogo podkhoda v psikhologicheskikh issledovaniyakh samorazvitiya lichnosti [The heuristicity of the subjective approach in psychological research on self-development of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 39 (2), pp. 48-57.

-
10. Veselova E.K. (2001) Smysl zhizni v kontekste lichnostnoi identichnosti [The meaning of life in the context of personal identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations], 3, pp. 51-64.
 11. Webster G. (2009) The person-situation interaction is increasingly outpacing the person-situation debate in the scientific literature: a 30-year analysis of publication trends, 1978-2007. *Journal of research in personality*, 43, pp. 278-279.

УДК 159.9.07

Наркозависимость и детский опыт отношений в семье**Кадыров Руслан Васитович**

Кандидат психологических наук, доцент,
завкафедрой общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690002, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Капустина Татьяна Викторовна

Преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690002, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Садон Елена Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690002, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: elenasadon@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению причин одного из самых социально значимых заболеваний, а именно зависимости от психоактивных веществ. Показано, что получаемый ребенком ранний негативный опыт отношений в семье играет решающую роль для дальнейшей жизни, в том числе для формирования неэффективного паттерна поведения, основывающегося на искаженных представлениях человека о себе и окружающем мире. Выборку настоящего исследования составили 48 мужчин в возрасте от 25 до 49 лет, имеющих наркозависимость. Эмпирическое исследование проводилось в два этапа. На первом этапе определялся тип привязанности, который показал преобладание избегающего типа. На втором этапе была выявлена тесная связь раннего детского опыта и ранних дезадаптивных схем наркозависимых с избегающим типом привязанности. Главное достоинство представленного исследования – новый взгляд на истоки формирования наркозависимого поведения, который может быть использован при психологической работе с наркозависимыми и детьми из неблагополучных семей.

Для цитирования в научных исследованиях

Кадыров Р.В., Капустина Т.В., Садон Е.В. Наркозависимость и детский опыт отношений в семье // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 26-33.

Ключевые слова

Паттерн поведения, тип привязанности, детский опыт отношений в семье, ранние дезадаптивные схемы, наркозависимость.

Введение

Поведение человека формируется во взаимоотношениях с другими людьми, в первую очередь с близкими, членами семьи. Ранний опыт отношений в семье является основой всего последующего существования человека, особенностей развития его личностной сферы, детерминантом формирования негативных и позитивных установок и убеждений по отношению к окружающему миру. В результате деструктивного раннего опыта отношений в семье у человека развивается расстройство предсказуемого самоощущения, чувства автономности с нарушенным образом тела, влияющее на выработку определенного типа привязанности.

Неэффективный паттерн поведения, основывающийся на представлениях человека о себе и окружающем мире, сформированный в процессе раннего опыта отношения в семье через неудовлетворение базовых эмоциональных потребностей, воспроизводится в дальнейшем в ранних дезадаптивных схемах [Young, Klosko, Weishaar, 2003]. Ранние дезадаптивные схемы могут быть основой возникновения различных видов девиантного поведения, такого как аддиктивное, например наркозависимость. Зависимость от психоактивных веществ в России является социально значимым заболеванием, наряду с онкологической патологией и туберкулезом, приводящим к ухудшению общего уровня психического здоровья населения [Вавренчук, 2007; Социальные значимые заболевания..., 2015].

Среди социально-психологических факторов формирования зависимости немаловажную роль играют переживания психической травмы раннего возраста [Белокрылов, Даренский, 2002]. При этом среди причин срыва адаптации могут быть как внешние ситуации (раннее и травматическое отделение от родителей, воспитание в интернате, сексуальное насилие и т. п.), так и «субъективно значимые» факторы (неспособность ближайшего окружения обеспечить ребенку атмосферу доверия, защищенности, эмоционального резонанса) [Там же]. В результате взаимодействия многих личностных характеристик травма раннего возраста может стать причиной зависимости от психоактивных веществ как компенсаторного механизма личности. Вопрос же о психических характеристиках личности, зависимой от психоактивных веществ, имеющей в анамнезе психическую травму раннего возраста, остается малоизученным.

Цель работы состояла в том, чтобы выявить и описать психологические характеристики наркозависимых: взаимосвязь типов привязанности, детского опыта отношений в семье и ранних дезадаптивных схем.

Материалы и методы

Выборку исследования представили 48 мужчин в возрасте от 25 до 49 лет. Согласно практическому руководству по применению МКБ-10 в психиатрии и наркологии, 22 исследуемым поставлен диагноз F11.2 (синдром зависимости от опиоидов), 17 – F12.2 (синдром зависимости от каннабиноидов), 6 – F15.2 (синдром зависимости от других стимуляторов), 3 – F19.2 (синдром зависимости от нескольких или других психоактивных веществ). В настоящее время все респонденты находятся в стадии ремиссии. В данном исследовании были использованы следующие методики: для определения типа привязанности – рисуночная методика «Мать и дитя» М.Л. Мельниковой; для определения уровня выраженности ранних

дезадаптивных схем – методика YSQ S3R «Опросник дезадаптивных схем», разработанной Дж. Янгом, в адаптации П.М. Касьяника и Е.В. Романовой; для определения особенностей раннего детского опыта – анкета «Ранний опыт отношений в семье». Для статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена при уровне значимости менее 0,05.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе исследования с помощью методики «Мать и дитя» у исследуемых был определен тип привязанности. Исходя из результатов, избегающий тип привязанности свойственен 42 респондентам, амбивалентная привязанность выявлена у пяти человек, у одного человека сформирована дезорганизованная привязанность. Можно предположить, что избегающий тип привязанности, выявленный у подавляющего большинства наркозависимых, является одним из факторов возможного формирования аддиктивного поведения. Воздействие психоактивных веществ, направленное на уклонение, отстранение от внутреннего напряжения и терзающих переживаний, соотносится с детским проявлением избегающего типа привязанности – дистанцированием от симбиотической диады с матерью, уходом от неудовлетворяющих контактов с близкими, стремлением к изолированности от внешнего мира и удалением от ситуаций, вызывающих тревогу и беспокойство.

На втором этапе исследования был проведен корреляционный анализ для сопоставления ранних дезадаптивных схем и особенностей раннего опыта отношений в семье. Для достоверности получаемых результатов в исследовании рассматривались только наркозависимые с избегающим типом привязанности, поскольку они представили основную часть выборки. Корреляционный анализ позволил выявить искомые взаимосвязи (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты статистической обработки для выявления связи РДС с показателями методики «Ранний детский опыт в семье» у наркозависимых с избегающим типом привязанности (n = 42)

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности (p-level)
Зависимость / Негативное подкрепление	0,62	0,029
Стыд / Отторжение	0,56	0,042
Неуспешность / Чрезмерное внимание	0,65	0,015
Покорность / Отсутствие ласки	- 0,61	0,025
Самопожертвование / Обусловленная поддержка	0,65	0,015
Самопожертвование / Насилие	0,64	0,019
Подавление эмоций / Обусловленная поддержка	0,59	0,038
Недостаток самоконтроля / Негативное отношение к матери	0,70	0,004
Поиск одобрения / Негативное отношение к матери	0,60	0,037
Поиск одобрения / Негативное подкрепление	0,60	0,036
Поиск одобрения / Отсутствие эмоциональной доступности	-0,60	0,037
Пунитивность / Насилие	0,60	0,038

Так, между схемой «Зависимость» и таким показателем раннего детского опыта, как «Негативное подкрепление», была выявлена средняя положительная корреляция. Это указывает на связь формирования такой модели искаженного восприятия реальности, как схема

зависимости, заключающейся в чувстве личностной слабости и убежденности в собственной беспомощности, и присутствия дестабилизирующего показателя воспитания ребенка – строгих мер наказания. Вероятно, постоянное ожидание оценки своих действий, превалирующей в негативном ключе, препятствует развитию соответствующей возрасту ребенка автономии. Как следствие, вырабатывается такой эмоционально-когнитивный паттерн, как беспомощность и слабость в принятии самостоятельных решений, нарушение здорового ощущения себя как независимой и самостоятельной личности.

Положительная корреляционная связь между схемой «*Стыд*» и «*Отторжение*» может указывать на то, что у человека развивается ощущение собственной неполноценности, дефективности, неспособности к стабильной психической деятельности из-за страха быть отвергнутым и/или признанным недостойным собственных желаний, проявлений чувств.

«*Неуспешность*» коррелирует со схемой «*Чрезмерное внимание*», что говорит о том, что гиперопека как детерминант нарушения развития здоровой автономности личности человека обуславливает создание такого когнитивно-чувственного шаблона, как ощущения слабости и нерешительности в принятии самостоятельных решений из-за возможного ввиду обстоятельств отсутствия своевременного императивного поощрения родителями, обуславливающего значимость и эффективность индивида в сфере его деятельности.

Схема «*Покорность*» имеет отрицательную взаимосвязь со шкалой «*Отсутствие ласки*». Возможно, данная схема, требующая от ребенка отдавать предпочтение удовлетворению потребностей взрослых вместо своих, поощряется и стимулируется его родителями, в том числе при помощи ласки, что отражается в исследованиях, заявляющих о склонности родственников аддиктов к поддержанию фасада псевдоблагополучия и образцовости своей закрытой семейной системы замороженных правил и ролей [Бочаров, Шишкова, 2016].

Схема «*Самопожертвование*» положительно коррелирует с двумя шкалами – «*Обусловленная поддержка*» и «*Насилие*». Вероятно, отсутствие проявления безусловной любви к индивиду в детстве, выработка у него стратегии адаптивного поведения, требующей сдерживания собственных аффектов для достижения благожелательности и принятия у родителей, обуславливают у ребенка дублирование подобной тактики уже в зрелой жизни в виде уступчивости чужим интересам и потребностям. Это может способствовать выбору поведения в роли жертвы, выражающегося в подчинении и подавлении собственной значимости и автономии, что сопряжено с психосоциальной ролью самопожертвования индивида в отдельных коммуникациях с другими людьми ввиду проявления эксплуатации своего энергетического ресурса на удовлетворение чужих интересов.

Схема «*Подавление эмоций*» также положительно коррелирует со шкалой «*Обусловленная поддержка*». Можно предположить, что ограниченное принятие и демонстрация любви к ребенку в соответствии с удовлетворительностью его линии поведения, послушности и дисциплинированности обуславливают у него вынужденное проявление сдержанности и подавление искренних эмоций, развитие рационализованного и отстраненного от чувственного компонента восприятия мира.

Схема «*Недостаток самоконтроля*» имеет взаимосвязь со шкалой «*Негативное отношение к матери*». Вероятно, мать, воспринимаемая индивидом как отрицательная, наделенная критическими характеристиками фигура, была не в состоянии научить ребенка контролировать и дисциплинировать инстинктивную импульсивность и ажитацию, и, как следствие, в его интрапсихическом феномене сформировалось фундаментальное убеждение в неспособности управлять реактивным звеном фрустрирующих ситуаций.

Схема «Поиск одобрения» положительно коррелирует со шкалами «Негативное отношение к матери» и «Негативное подкрепление». Вероятно, мать, злоупотребляя наказывающим воспитательным воздействием и не обеспечивая комфортное существование своего ребенка, тем самым детерминирует негативное отношение к себе как первостепенно важной фигуре, в то время как именно она способствует формированию когнитивно-эмоционального паттерна, заключающегося в переживании собственной нестабильности и выражающегося в необходимости внешнего поощрения правильности действий ребенка, ввиду отсутствия положительных, поддерживающих интроекций от матери. При этом изменение нежелательного поведения ребенка посредством системы санкций и избирательного поощрения является причиной развития у индивида образа мышления и эмоционального реагирования, в соответствии с которым сфокусированность на одобрении, стремлении соответствовать оценкам других людей из-за страха быть игнорируемым или наказанным ведет к нестабильности идентичности человека из-за постоянной необходимости внешнего одобрения своего феномена. Также была получена отрицательная корреляционная связь со шкалой «Отсутствие эмоциональной доступности». Это указывает на низкую вероятность формирования схемы «Поиск одобрения» при отсутствии эмоциональной доступности в детстве индивида. Согласно исследованиям, проведенным В.В. Бочаровым и соавторами, для матерей наркозависимых характерно отчуждение собственных планов и потребностей, им свойственны уступчивость, зависимость и стремление угождать интересам других, что отражается в когнитивно-эмоциональной наполненности схемы «Поиск одобрения» [Бочаров, Камлык, Шишкова, 2012]. Вероятно, данные интроекты матери, усвоенные ее ребенком и ставшие его собственными убеждениями, находят эмоциональный отклик, понимание у матери, позволяют им построить ограниченный контакт.

Схема «Пунитивность» положительно коррелирует со шкалой «Насилие». Вероятно, именно насилие и давление, проявляющиеся как нарушение здоровых границ тела и личности индивида, в процессе своего пролонгированного воздействия детерминируют создание такой когнитивно-эмоциональной структуры, как убежденность в необходимости и обязательности нести наказания за любые ошибки как декомпенсации жестокого и неправомерного отношения значимых фигур к его безопасности.

Заключение

У наркозависимых пациентов с сформированным избегающим типом привязанности выявлены взаимосвязи между ранними дезадаптивными схемами и различными показателями детско-родительских отношений. Это может говорить о важности отношений в семье, которые носят негативный характер, способствующий дестабилизации и дезорганизации психического деятельности ребенка. При подобном воздействии возникают искажающие реальность ранние дезадаптивные схемы, несущие в себе эмоционально-аффективный и когнитивный компоненты. Исходя из вышеизложенного, подчеркивая роль типа привязанности и ранних дезадаптивных схем в генезе аддиктивного поведения, важно понимать, что человек, не ощущая себя в безопасности, защищенности, испытывая беспокойство и отчаянную тревогу, исходящую из переживания неопределенности и беспомощности вследствие абсолютизации фрустрирующего фактора, интерпретированного индивидом в соответствии с присутствующей у него дезадаптивной схемой и репрезентациями привязанности, вынужден искать внешние варианты регуляции своего состояния, так как из-за отсутствия должного детского подкрепляющего

опыта и научения преодоления фрустрации не способен задействовать внутренние психологические ресурсы самостоятельно. Одним из таких внешних вариантов является употребление наркотических веществ, выступающих в качестве деструктивной защиты от неоднократного пренебрежения или чрезмерного удовлетворения потребностей ребенка. Таким образом, полученные результаты могут быть использованы при формировании программы реабилитации наркозависимых пациентов и психологическом сопровождении детей, имеющих негативный опыт детско-родительских отношений.

Библиография

1. Белокрылов И.В., Даренский И.Д. Личностные и средовые факторы развития зависимости от психоактивных веществ // Руководство по наркологии: в 2 т. М.: Медпрактика-М, 2002. Т. 1. С. 161-181.
2. Бочаров В.В., Камлык А.А., Шишкова А.М. Нарушения личностного функционирования матерей и жен пациентов с героиновой наркоманией // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. № 19 (278). С. 92-97.
3. Бочаров В.В., Шишкова А.М. Особенности личностного и семейного функционирования родственников наркозависимых. СПб.: Нестор-История, 2016. 336 с.
4. Вавренчук В.В. Противоорганные антитела у наркозависимых больных, их параспецифичность и цитотоксичность // Тихоокеанский медицинский журнал. 2007. № 4 (30). С. 34-37.
5. Доля А.А., Моисеев В.Г. Психологические особенности наркозависимых // Молодой ученый. 2018. № 18. С. 435-438.
6. Зенцова Н.И. Системная модель психологического этапа реабилитации больных наркоманией: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 55 с.
7. Лисецкий К.С. Психологические основы профилактики наркотической зависимости личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2008. 45 с.
8. Социальные значимые заболевания населения России в 2015 году: статистические материалы. М.: ЦНИИОИЗ, 2015.
9. Шелонина Т.В. Особенности системы отношений лиц с наркотической зависимостью // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 3.
10. Young J.E., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy: a practitioner's guide. New York: Guilford Press, 2003. 470 p.

Drug addiction and children's experience of family relations

Ruslan V. Kadyrov

PhD in Psychology, Docent,
Head of the Department of general psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690002, 2 Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Tat'yana V. Kapustina

Lecturer at the Department of general psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690002, 2 Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Elena V. Sadon

PhD in Psychology, Docent,
Associate Professor at the Department of general psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690002, 2 Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: elenasadon@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to understanding the causes of one of the most socially significant diseases, namely dependence on psychoactive substances. It points out that early negative experience of family relations is crucial for children's later life, as it may lead to a number of damaging consequences including the formation of an ineffective pattern of behaviour based on distorted ideas of people about themselves and the world around them. The article presents the results of the research carried out by the authors with a view to identifying the interrelation between drug addiction and children's experience of family relations. The sample of this study consisted of 48 men aged 25 to 49 who have drug addiction. Empirical research was conducted in two stages. At the first stage, the authors determined the type of attachment, which showed the prevalence of the avoidant type. At the second stage, they revealed a close connection between the early childhood experience and early maladaptive schemes of drug addicts with the avoidant type of attachment. The main advantage of this research is a new look at the origins of the formation of drug addiction, which can be used by educational psychologists in work with children from disadvantaged families.

For citation

Kadyrov R.V., Kapustina T.V., Sadon E.V. (2018) Narkozavisimost' i detskii opyt otnoshenii v sem'e [Drug addiction and children's experience of family relations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 26-33.

Keywords

Pattern of behaviour, type of attachment, children's experience of family relations, early maladaptive schemes, drug addiction.

References

1. Belokrylov I.V., Darenskii I.D. (2002) Lichnostnye i sredovye faktory razvitiya zavisimosti ot psikhoaktivnykh veshchestv [Personal and environmental factors in the development of dependence on psychoactive substances]. In: *Rukovodstvo po narkologii: v 2 t.* [A guide to addiction medicine: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Medpraktika-M Publ., pp. 161-181.
2. Bocharov V.V., Kamlyk A.A., Shishkova A.M. (2012) Narusheniya lichnostnogo funktsionirovaniya materei i zhen patsientov s geroinovoi narkomaniie [Personal dysfunctions of mothers and wives of patients with heroin addiction]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University, Series: Psychology], 19 (278), pp. 92-97.
3. Bocharov V.V., Shishkova A.M. (2016) *Osobennosti lichnostnogo i semeinogo funktsionirovaniya rodstvennikov narkozavisimykh* [The features of the personal and family functioning of relatives of drug addicts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.
4. Dolya A.A., Moiseev V.G. (2018) Psikhologicheskie osobennosti narkozavisimykh [Psychological features of drug addicts]. *Molodoi uchenyi* [Young scholar], 18, pp. 435-438.

5. Lisetskii K.S. (2008) *Psikhologicheskie osnovy profilaktiki narkoticheskoi zavisimosti lichnosti. Doct. Diss. Abstract* [Psychological foundations of the prevention of drug dependence. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
6. Shelonina T.V. (2012) Osobennosti sistemy otnoshenii lits s narkoticheskoi zavisimost'yu [The features of the system of relations of people with drug addiction]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Contemporary studies of social problems], 3.
7. *Sotsial'nye znachimye zabolevaniya naseleniya Rossii v 2015 godu: statisticheskie materialy* [Socially significant diseases of the population in Russia in 2015: statistical materials] (2015). Moscow: Federal Research Institute for Health Organisation and Informatics of the Ministry of Health of the Russian Federation.
8. Vavrenchuk V.V. (2007) Protivoorgannye antitela u narkozavisimykh bol'nykh, ikh paraspetsifichnost' i tsitotoksichnost' [Antiorganic autoantibodies in drug addicts, their paraspecificity and cytotoxicity]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific medical journal], 4 (30), pp. 34-37.
9. Young J.E., Klosko J., Weishaar M. (2003) *Schema therapy: a practitioner's guide*. New York: Guilford Press.
10. Zentsova N.I. (2015) *Sistemnaya model' psikhologicheskogo etapa rehabilitatsii bol'nykh narkomaniei. Doct. Diss. Abstract* [A systemic model of the psychological stage of rehabilitation of drug addicts. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.

УДК 159.9

Психологические характеристики осетин, идентифицирующих себя с психологическими портретами зрелой личности

Коржова Елена Юрьевна

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой психологии человека,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: elenakorjova@gmail.com

Международный конкурс РФФИ – Министерство образования и науки Республики Южная Осетия (МОНРЮО) 16-26-13003 а (м), «Психологические детерминанты жизнедеятельности современных осетин», 2016-2018.

Аннотация

В статье рассматривается проблема личностной идентичности современных осетин. Целью исследования явилось изучение ряда психологических характеристик осетин, которые идентифицируют себя с личностью высокого уровня зрелости. Использована авторская методика «Психологические портреты», предназначенная для определения особенностей идентификации с психологическими типами в рамках внутренне-целостной модели личности с развитыми субъектными и духовно-нравственными качествами. Из 30 кратких описаний (психологических портретов) предлагалось выбрать наиболее близкие представлению о себе (о Я-реальном), а также характеризующие представление об идеальном внутреннем мире (о Я-идеальном). С помощью ряда методик опрошено 266 человек (северные и южные осетины) в возрасте от 17 до 60 лет. Выборка была разделена по критерию наличия (N=181) или отсутствия (N=75) у респондентов «зрелых» личностных выборов, т.е. выборов психологических портретов, характеризующих внутренне-целостную личность. В результате исследования показано, что осетины, идентифицирующие себя с психологическими портретами зрелой личности, при оценке «Я-реального» характеризуются более высоким уровнем личностного функционирования на основании предпочтения альтруистических, экзистенциальных жизненных смыслов, а также ценностей красоты природы, искусства, творчества, счастливой семейной жизни; конструктивных тенденций в преодолении духовного кризиса; стремления к духовному становлению; системной рефлексии. Выбор психологических портретов для характеристики «Я-идеального» менее психологически содержателен и более противоречив. Полученные результаты уточняют проблемные зоны и ресурсы позитивного личностного развития современных осетин, показывая необходимость трансляции в обществе идеалов внутренне-целостной личности посредством воспитания и СМИ.

Для цитирования в научных исследованиях

Коржова Е.Ю. Психологические характеристики осетин, идентифицирующих себя с психологическими портретами зрелой личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 34-44.

Ключевые слова

Психологические характеристики осетин, идентификация, позитивная личностная идентичность, выбор психологических портретов, внутренне-целостная модель личности, зрелая личность, «Я-реальное», «Я-идеальное».

Введение

Развитие этноса зависит от уровня развития личностей, его составляющих. В исследованиях психологических детерминант жизнедеятельности современных осетин был выявлен ряд личностных характеристик, которые свидетельствуют как о позитивных, так и о негативных тенденциях личностного функционирования, обусловленных особенностями общественно-исторического развития и значимостью традиционного уклада жизни, но вместе с тем и текущей социальной ситуацией, насыщенной травматическими событиями. При этом между северными и южными осетинами в их личностных характеристиках было обнаружено больше сходства, чем различий [Коржова, 2017; Султанова, 2017; Султанова, Габулова, 2018 и др.].

Уровень развития личности отражен в понятии ее зрелости, достаточно неопределенном и по-разному понимаемом разными исследователями [Феномен и категория зрелости в психологии, 2007]. Однако все исследователи едины в мнении о том, что личностная зрелость означает высокий уровень ее функционирования. В нашем понимании личность в своей полноте предстает как субъект жизненного пути, обладающий духовно-нравственными качествами. Такой характеристике отвечают представления о личности в рамках внутренне-целостной модели.

Модель личности характеризует наиболее общие закономерности того или иного варианта бытия личности. Каждая из выделенных нами ранее шести моделей личности, в основе которых лежит типология субъект-объектных ориентаций, представлена психологическими портретами, являющимися ценностной конкретизацией той или иной жизненной ориентации. Все модели, кроме «внутренне-целостной», являются ограниченными, не охватывающими всю полноту феноменологии личности («объектная» модель характеризует личность с приспособительной направленностью и внешним локусом контроля, приспособительная направленность, «субъектная» модель – личность с творческой направленностью и внутренним локусом контроля, «целостно-гетеростатическая» модель – личность с творческой направленностью и внешним локусом контроля, «целостно-гомеостатическая» модель – личность с приспособительной направленностью и внутренним локусом контроля). «Внутренне-целостная» модель характеризует наиболее зрелую личность, отличающуюся широким разнообразием способов взаимодействия человека с миром и сформированным духовно-нравственным стержнем [Коржова, 2015]. Человеку присуще сравнение себя со значимыми для него образцами, с теми или иными представлениями о норме бытия. Феномен личностной идентичности отражает целостную модель самосознания человека и связан с включенностью в общность людей, имеющих общие идеалы, иерархию ценностей, способов самореализации [Веселова, 2001; Дворецкая, Есикова, 2017; Олпорт, 2002; Эриксон, 2006].

Можно предположить, что идентификация с всесторонне функционирующей личностью, обладающей высоким уровнем зрелости, в рамках внутренне-целостной модели, способствует становлению позитивной личностной идентичности.

Методы и материал исследования

Методика «Психологические портреты» разработана нами для определения особенностей идентификации с теми или иными психологическими типами личности в рамках выделенных ранее шести теоретических моделей личности, в соотношении с типологией жизненных ориентаций по ортогональным шкалам «жизненное творчество» и «жизненная ответственность». В настоящее время происходит апробация методики на различных выборках [Коржова, 2017]. Каждый ценностный психологический тип в рамках той или иной модели личности имеет образное название, сжато отражающее его суть [Коржова, 2013]. В бланке для выборов психологических типов каждый из них описан более подробно, в нейтральной форме, с учетом экспертных мнений. На основании предложенного списка из 30 позиций респонденту предлагается выбрать психологические типы, наиболее близкие представлению о себе (о Я-реальном), а также характеризующие представление об идеальном внутреннем мире (о Я-идеальном). Количество выборов не ограничивается.

Поскольку процесс личностной идентификации предполагает включение смысловых и ценностных механизмов, обуславливающих временную организацию жизненного пути личности [Абульханова-Славская, 1991; Василенко, 2011], респонденты дополнительно были опрошены по следующим психологическим методикам:

«Методика исследования жизненных смыслов», предназначенная для определения содержания и соотношения жизненных смыслов, позволяет выявить значимость как отдельных смыслов, так и их систем (альтруистические, экзистенциальные, гедонистические, статусные, коммуникативные, семейные, когнитивные смыслы и смыслы самореализации) [Котляков, 2013]. Поскольку согласно инструкции происходит ранжирование смыслов, чем ниже числовое значение (в том числе среднее по выборке), тем оно характеризует более значимые смыслы.

Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» направлена на диагностику ценностной структуры личности, в том числе расхождений между показателями «ценности» и «доступности» в поисках «внутреннего конфликта» [Фанталова, 2001]. В спектр потенциальных предпочитаемых ценностей входят активная деятельная жизнь, здоровье, интересная работа, красота природы и искусства, любовь, материально-обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, уверенность в себе, познание, свобода, счастливая семейная жизнь, творчество).

Методика «Духовный кризис» предназначена для диагностики кризисного состояния личности в русле экзистенциально-гуманистической психологии [Восковская (Шутова), Ляшук, 2005]. Духовный кризис понимается авторами как переживание утраты бытийной основы существования и перестройка системы жизненных ориентиров. Соответствующие конфликтные состояния проявляются в страхе смерти, переживаниях одиночества, свободы, бессмысленности, греха (вины), ответственности, неудовлетворенности и страдания.

«Опросник темперамента и характера» (ТСІ) направлен на выявление личностных характеристик в рамках концепции Р. Клонингера. В настоящем исследовании анализировались показатели шкалы «самотрансцендентность», позволяющей дать оценку «Я» как части мироздания: самозабвение (тяготение к расширению границ своего «Я»), трансперсональная идентификация (чувство единства с миром), духовное принятие (вера в духовные явления) [Cloninger, Svrakic, Przybeck, 1993; Разумникова, 2005].

Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» разработан с целью диагностики типа рефлексии: интроспекция (самокопание) как сосредоточенность на своих переживаниях;

системная рефлексия, связанная с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны; квазирефлексия, направленная на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации [Леонтьев, Осин, 2014].

В настоящем эмпирическом исследовании с помощью перечисленных психодиагностических методик опрошено 266 человек (северные и южные осетины, проживающие соответственно во Владикавказе и Цхинвале) в возрасте от 17 до 60 лет. Проанализированы выборы психологических портретов для описания «Я-реального» и «Я-идеального», на которых выборка была разделена по критерию наличия (N=181) или отсутствия (N=75) у респондентов «зрелых» личностных выборов, т.е. выборов психологических портретов, характеризующих внутренне-целостную личность (№№ 25-30 по методике «Психологические портреты» – «не-алиби в межличностных отношениях», «не-алиби в деятельности», «не-алиби в бытии человечества», «странник по жизни», «юный подвижник», «мудрец»). После проверки нормальности распределения данные подверглись математико-статистической обработке: производилось вычисление достоверности различий в психологических характеристиках между выборками по t-критерию Стьюдента.

Результаты исследования выбора психологических портретов «Я-реального»

В табл. 1 представлены количественные данные о различиях по ряду психологических характеристик респондентов, которые выбрали психологические портреты в рамках модели внутренне-целостной личности, и респондентов, которые выбрали для оценки «Я-реального» психологические портреты, соответствующие другим моделям, которые характеризуют личность менее зрелую (менее целостную).

Таблица 1 – Психологические характеристики респондентов, идентифицирующих себя с психологическими портретами «Я-реального»

Психологические характеристики	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-реального», которые характеризуют зрелую личность M±σ	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-реального», которые не характеризуют зрелую личность M±σ	T-критерий Стьюдента	P
Смысл жизни				
помогать людям	3,84±2,16	4,48±2,37	-2,10	0,037
испытать счастье	4,07±2,15	3,32±1,90	2,71	0,007
познавать Бога	5,68±2,31	6,71±1,79	-3,42	0,001
альтруистические смыслы	13,38±3,79	14,62±5,02	-2,14	0,033
экзистенциальные смыслы	12,15±3,50	13,14±3,56	-2,01	0,045
гедонистические смыслы	15,57±3,64	14,01±4,30	2,86	0,005
Ценности				
здоровье (значимая ценность)	8,20±2,54	9,00±2,40	-2,31	0,022
красота природы и искусства (значимая ценность)	2,26±1,96	1,74±1,66	1,98	0,049
творчество (значимая ценность)	2,34±2,55	1,67±2,46	1,93	0,055
красота природы и искусства (достижимая ценность)	4,70±2,78	5,76±3,42	-2,50	0,013
счастливая семейная жизнь (достижимая ценность)	7,22±3,52	6,27±3,32	1,91	0,058

Психологические характеристики	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-реального», которые характеризуют зрелую личность M±σ	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-реального», которые не характеризуют зрелую личность M±σ	T-критерий Стьюдента	P
<i>Духовный кризис</i>				
неудовлетворенность	6,11±3,91	7,36±3,82	-2,34	0,020
<i>свобода</i>	<i>11,69±4,94</i>	<i>10,49±5,24</i>	<i>1,72</i>	<i>0,086</i>
грех (вина)	4,42±4,30	6,07±4,72	-2,68	0,008
бессмысленность	3,01±4,07	5,41±13,67	-2,12	0,035
<i>Самотрансцендентность</i>				
самозабвение	5,38±2,36	4,47±2,49	2,79	0,006
трансперсональная идентификация	4,02±1,94	2,49±1,93	5,85	0,000
духовное принятие	6,62±2,88	5,41±2,66	3,18	0,002
<i>Рефлексия</i>				
системная рефлексия	36,09±6,06	34,40±6,78	2,00	0,047

Примечание: Курсивом представлены значения психологических характеристик в тех случаях, когда различия между выборками на уровне тенденции (немного не достигают предельного значения $p=0,05$)

Согласно табл. 1, выборки различаются по целому ряду предпочитаемых как отдельных смыслов («помогать людям», «испытать счастье», «познавать Бога»), так и смысловых систем (альтруистические, экзистенциальные, гедонистические). Для респондентов, сделавших выбор психологических портретов внутренне-целостной личности, достоверно более значимы (на основании сравнения усредненных рангов) смыслы «помогать людям» и «познавать Бога», а также такие системы личностных смыслов как альтруистические и экзистенциальные. При этом для них достоверно менее значимы смысл «испытать счастье» и гедонистические смыслы. Очевидно, понятие счастья связывается в сознании респондентов прежде всего с понятием удовольствия, тяготеющего к характеристике гедонистических смыслов. Согласно ранее проведенному исследованию психологических детерминант жизнедеятельности современных осетин, экзистенциальные смыслы находятся на втором месте по значимости, а гедонистические – на предпоследнем месте в иерархии смыслов [Дреева, Дреев, 2017]. В связи с этим полученные данные, отражающие представления осетин о себе, характеризуют позитивные тенденции в личностной идентификации современных осетин.

При сопоставлении характеристик ценностной сферы выявлено, что осетины, предпочитающие психологические портреты зрелой личности, отличаются достоверно более высокой значимостью и более низкой достижимостью ценностей красоты природы и искусства. Это может характеризовать определенный внутренний конфликт «избранных»: примечательно, что в целом по осетинской выборке эти ценности находятся внизу их иерархии. Наименее (на втором месте с конца) значима у осетин ценность творчества, однако у предпочитающих психологические портреты зрелой личности эта ценность достоверно выше. Счастливая семейная жизнь – главная ценность осетин [Дулаев, 2018; Султанова, Сиукаева, 2018], и у тех, кто выбирает психологические портреты зрелой личности, отмечается достоверно более высокая достижимость этой ценности, что может означать их более высокое психологическое благополучие. Высоко значимая для осетин ценность здоровья достоверно ниже по значимости

для тех, кто выбирает психологические портреты зрелой личности. Ранее нами было показано, что высокая ценность здоровья и ее рефлексия являются неблагоприятным прогностическим признаком для личностного функционирования. Поэтому полученные в настоящем исследовании данные также свидетельствуют в пользу позитивного вектора личностного развития тех, кто в личностной идентификации осуществил выбор психологического портрета зрелой личности.

Подавляющее большинство современных осетин, как показано ранее [Султанова, Габулова, 2018], пребывают в состоянии духовного кризиса на пограничном уровне (вне кризиса только 2 %), однако свобода и ответственность, с потенциалом конструктивного разрешения кризиса, занимают первые ранги в иерархии его параметров. При некоторой «натяжке» показателей духовного кризиса и его упрощенном понимании авторами методики, можно отметить, что предпочитающих выбор портретов зрелой личности достоверно меньше выражены такие показатели духовного кризиса как неудовлетворенность, вина и бессмысленность, а достоверно больше – свобода, что, очевидно, вполне конструктивное явление, поскольку побуждает к поиску новых смыслов и ситуаций.

Примечательно, что по всем трем показателям самотрансцендентности отмечаются достоверно более высокие значения в выборке тех, кто выбирает психологические портреты зрелой личности, что может характеризовать их стремление к духовному развитию. Также в этой выборке достоверно более выражена системная рефлексия – наиболее зрелый и продуктивный ее вид.

Результаты исследования выбора психологических портретов «Я-идеального»

В табл. 2 представлены количественные данные о различиях по ряду психологических характеристик респондентов, которые выбрали психологические портреты в рамках модели внутренне-целостной личности, и респондентов, которые выбрали для оценки «Я-идеального» психологические портреты, соответствующие другим моделям, которые характеризуют личность менее зрелую (менее целостную).

Таблица 2 – Психологические характеристики респондентов, идентифицирующих себя с психологическими портретами «Я-идеального»

Психологические характеристики	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-идеального», которые характеризуют зрелую личность M±σ	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-идеального», которые не характеризуют зрелую личность M±σ	T-критерий Стьюдента	P
Смысл жизни				
помогать людям	3,79±2,22	4,40±2,22	-2,11	0,040
испытать счастье	4,08±2,04	3,47±1,94	2,32	0,020
улучшать мир	5,69±1,89	6,26±1,72	-2,40	0,017
<i>получать удовольствие</i>	<i>5,14±2,38</i>	<i>4,59±2,18</i>	<i>1,81</i>	<i>0,070</i>
альтруистические смыслы	13,22±4,08	14,64±4,32	-2,59	0,010
гедонистические смыслы	15,60±4,04	14,35±3,56	2,44	0,015
Ценности				

Психологические характеристики	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-идеального», которые характеризуют зрелую личность M±σ	Респонденты, выбравшие психологические портреты «Я-идеального», которые не характеризуют зрелую личность M±σ	T-критерий Стьюдента	P
творчество (достижимая ценность)	4,02±2,94	3,02±2,96	2,53	0,012
<i>счастливая семейная жизнь (достижимая ценность)</i>	6,62±3,58	7,52±3,27	-1,93	0,055
Духовный кризис				
грех (вина)	5,44±4,73	4,02±3,89	2,45	0,015
одиночество	4,95±4,68	3,80±4,23	1,95	0,052
ответственность	12,99±4,13	14,00±4,05	-1,89	0,060
Самотрансцендентность				
трансперсональная идентификация	3,77±2,10	3,22±1,95	2,13	0,035
Рефлексия				
интроспекция	24,03±6,31	22,30±5,90	2,20	0,029

Примечание: Курсивом представлены значения психологических характеристик в тех случаях, когда различия между выборками на уровне тенденции (немного не достигают предельного значения $p=0,05$)

Согласно табл. 2, выборки различаются по тем же предпочитаемым отдельным смыслам («помогать людям», «испытать счастье») и смысловым системам (альтруистические, гедонистические), и с той же тенденцией, как и при выборе психологических портретов для характеристики «Я-реального». При этом вместо смысла «познавать Бога» появляется смысл «улучшать мир», с той же тенденцией – предпочитающие портреты более зрелой личности достоверно чаще стремятся улучшить мир. При переходе от выборов психологических портретов «Я-реального» к «Я-идеальному» происходит смена созерцательной экзистенциальной позиции действенной. Появление смысла «получать удовольствие», хотя и на уровне тенденции, в качестве дифференцирующего выборки признака подтверждает наличие гедонистической тенденции в определении смысла жизни в выборке сделавших выборы менее зрелой личности.

При сопоставлении характеристик ценностной сферы выявлено, что осетины, предпочитающие психологические портреты зрелой личности, отличаются достоверно более высокой достижимостью ценности творчества, но более низкой – счастливой семейной жизни, что может отражать различные ценностные идеалы делающих более зрелый выбор (ценность творчества) и менее зрелый (ценность семейной жизни). Поскольку у выбирающих психологические портреты менее зрелой личности более выражены гедонистические и менее – альтруистические смыслы, можно полагать, что ценность семейной жизни воспринимается в данном случае в большей мере как получение удовольствия, чем самоотдача.

Показатели духовного кризиса у предпочитающих психологические портреты более зрелой личности достоверно выше по параметру ответственности, который, как и свобода в случае выборов психологических портретов «Я-реального», свидетельствует в пользу конструктивного разрешения кризисных явлений. При этом показатели вины и одиночества выше (на уровне тенденции) у тех, кто делает менее зрелый выбор на уровне «Я-идеального».

При выборе психологических портретов «Я-идеального» достоверные различия получены только по одному из трех показателей самотрансцендентности – по трансперсональной идентификации, которая выше у делающих зрелый выбор. Что же касается рефлексии, то при выборе психологического портрета «Я-идеального» достоверно выше показатель интроспекции, характеризующий сосредоточенность на своих переживаниях.

Заключение

Полученные результаты сравнения выборов психологических портретов «Я-реального» и «Я-идеального» осетинами, предпочитающими образы зрелой (внутренне-целостной) и менее зрелой личности (в рамках всех остальных моделей личности) демонстрируют согласованность данных с предыдущими исследованиями психологических детерминант жизнедеятельности современных осетин и уточняют проблемные зоны и ресурсы позитивного личностного развития. Так, личностная идентификация при выборах психологических портретов зрелой личности сопровождается достоверно более выраженным предпочтением экзистенциальных, альтруистических смыслов и менее выраженным – гедонистических; более высокой значимостью ценностей творчества, природы и искусства, меньшей – здоровья. При выборе психологических портретов «Я-идеального» прослеживается у делающих более зрелый выбор приоритет творчества, а менее зрелый – приоритет счастливой семейной жизни.

У тех, кто выбирает психологические портреты более зрелой личности, и для характеристики «Я-реального», и «Я-идеального», отмечается достоверно меньшая выраженность духовного кризиса в ряде его показателей, при этом достоверно большие значения таких его компонентов как «свобода» и «ответственность» характеризуют возможность конструктивного разрешения кризиса. Также у тех, кто делает зрелый выбор, достоверно более высоки значения самотрансценденции по всем трем ее показателям, отражая стремление к духовному развитию, а также системной рефлексии как зрелого механизма идентификации личности.

Использованный методический комплекс позволяет выявить широкий, хотя и достаточно эклектичный спектр показателей ценностно-смысловой сферы, с учетом ограничений, заложенных в самих методиках и их теоретико-методологическом построении. Методика «Психологические портреты» в настоящем исследовании получает свое дальнейшее содержательное и психометрическое обоснование.

Выбор психологических портретов для характеристики «Я-реального» более психологически содержателен, т.к. выявлено гораздо больше достоверных различий между лицами, выбирающими психологические портреты зрелой и менее зрелой личности, чем при анализе выборов идеальных психологических портретов. Кроме того, выборы психологических портретов для характеристики «Я-идеального» более противоречивы.

Полученные результаты уточняют проблемные зоны и ресурсы позитивного личностного функционирования современных осетин, показывая необходимость трансляции в обществе идеалов внутренне-целостной личности посредством воспитания и СМИ.

Библиография

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Василенко Т.Д. Время человеческого бытия как содержание жизненного пути личности // Российский научный журнал. 2011. № 6 (25). С. 119-124.

3. Веселова Е.К. Смысл жизни в контексте личностной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2001. № 3. С. 51-64.
4. Восковская (Шутова) Л.В., Ляшук А.В. Духовный кризис: проблемы определения и диагностики // Психологическая диагностика. 2005. № 1. С. 51-57.
5. Дворецкая М.Я., Есикова Т.В. Интегративный подход к становлению духовно-нравственной сферы личности и правового самосознания // Интегративный подход к познанию психологии человека. СПб., 2017. С. 182-190.
6. Дреева С.В., Дреев О.И. Стратегии осуществления жизнедеятельности и их связь с жизненными смыслами у северных и южных осетин // Мир науки. 2017. № 5. Т. 5. С. 22-24.
7. Дулаев И.С. Психологические составляющие социума осетин: рефлексия и ценности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Познание. 2018. № 3. С. 53-58.
8. Журавлев А.Л. (ред.) Феномен и категория зрелости в психологии. М., 2007. 223 с.
9. Коржова Е.Ю. Выбор предпочитаемого психологического типа личности северными и южными осетинами // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. № 2. С. 28-38.
10. Коржова Е.Ю. Путеводитель по жизненным ориентациям: Личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб., 2013. 542 с.
11. Коржова Е.Ю. Психология личности: типология теоретических моделей. Биробиджан, 2015. Ч. 1. 162 с. Ч. 2. 139 с. Ч. 3. 171 с.
12. Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 1. С. 148-153.
13. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110-135.
14. Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 462 с.
15. Разумникова О.М. Опросник Р. Клонингера для определения темперамента и характера // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С.150-152.
16. Султанова З.В. Психологические составляющие жизнедеятельности современных осетин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. № 6. С. 32-42.
17. Султанова З.В., Габулова И.В. Психологические аспекты базовых бытийных переживаний южных и северных осетин // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 342-345.
18. Султанова З.В., Сиукаева А.Г. Анализ ценностной сферы южных и северных осетин методом Е.Б. Фанталовой // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. № 1. С. 41-46.
19. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 128 с.
20. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
21. Cloninger C.R., Svrakic D.M., Przybeck T.R. A Psycho-biological Model of Temperament and Character // Arch. Gen. Psychiat. 1993. V. 50. P. 975-990.

Psychological characteristics of Ossetians identifying themselves with the psychological portraits of a mature personality

Elena Yu. Korzhova

Doctor of Psychology, Professor,
Head of Human psychology Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elenakorjova@gmail.com

Abstract

The article deals with the problem of modern Ossetians personal identity. The research objective is to study psychological characteristics of Ossetians identifying with a high level of personality maturity. The author's psychological technique "Psychological portraits" is used to determine the features of identification with psychological types by choosing the closest view of oneself from 30 abstracts (psychological portraits) "I'm real" and "I'm perfect". Also the following psychological

Elena Yu. Korzhova

techniques are used: Kotlyakov «System of life meanings» technique; Fantalova "Values" and "accessibility" ratio in various spheres of life" technique; Voskovskaya (Shutova), Lyashuk "Spiritual crisis" technique; Cloninger "The Temperament and Character Inventory" (TCI); Leontiev, Osin "Differential type of reflection" questionnaire. 266 North and South Ossetians aged 17 to 60 years are assessed. The sample is divided according to presence (N=181) or absence (N=75) of the respondents "mature" personal election of the internally comprehensive personality psychological portraits. It is shown that Ossetians identifying themselves with psychological portraits of mature subject, spiritual and moral qualities are characterized by a higher level of personal functioning preferring for altruistic, existential life meanings; the beauty of nature and art, creativity, happy family life values; constructive trends in overcoming the spiritual crisis; desire for spiritual formation; systemic reflection. The choice of psychological portraits to characterize "I'm perfect" is less psychologically meaningful and more controversial than "I'm real". The results clarify the problem areas and resources of modern Ossetians positive personal development showing the need to broadcast in society the ideals of internally comprehensive personality.

For citation

Korzhova E.Yu. (2018) Psikhologicheskie kharakteristiki osetin, identifikatsionnykh sebya s psikhologicheskimi portretami zreloi lichnosti [Psychological characteristics of Ossetians identifying themselves with the psychological portraits of a mature personality]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 34-44.

Keywords

Ossetians psychological characteristics, identification, positive personal identity, choice of psychological portraits, internally comprehensive personality model, mature personality, real self, perfect self.

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K.A. (1991) *Strategiya Zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl' Publ.
2. Allport G.W. (1955) *Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality*. New Haven: Yale University Press.
3. Cloninger C.R., Svrakic D.M., Przybeck T.R. (1993) A psycho-biological model of temperament and character. *Archives of General Psychiatry*, 50, pp. 975-990.
4. Dreeva S.V., Dreev O.I. (2017) Strategii osushchestvleniya zhiznedeyatel'nosti i ih svyaz' s zhiznennymi smyslami u severnykh i yuzhnykh osetin [Implementation strategy life and their connection with life's meaning the North and South Ossetians]. *Mir nauki* [World of science], 5 (5), pp. 22-24.
5. Dulaev I.S. (2018) Psikhologicheskie sostavlyayushchie sotsiuma osetin: refleksiya i tsennosti [Psychological components of Ossetian society: reflection and values]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya Poznanie*. [Modern science: actual problems of theory and practice. Ser. Cognition], 3, pp. 53-58.
6. Dvoret'skaya M.Ya., Esikova T.V. (2017) Integrativnyi podkhod k stanovleniyu dukhovno-nravstvennoi sfery lichnosti i pravovogo samosoznaniya [Integrative approach to the formation of spiritual and moral sphere of personality and legal self-consciousness] In: *Integrativnyi podkhod k poznaniyu psikhologii cheloveka* [Integrative approach to cognition of human psychology]. St. Petersburg.
7. Erikson E. (1968) *Identity: youth and crisis*. New York: Norton.
8. Fantalova E.B. (2001) *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Assessment and psychotherapy of internal conflict]. Samara: BAHRAH-M Publ.
9. Korzhova E.Yu. (2017) Vybor predpochitaemogo psikhologicheskogo tipa lichnosti severnymi i yuzhnyimi osetinami [Choice of preferred personality type by the people of North and South Ossetia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 2, pp. 28-38.

10. Korzhova E.Yu. (2013) *Putevoditel' po zhiznennym orientatsiyam: Lichnost' i ee zhiznennyi put' v khudozhestvennoi literature* [Guide to life orientations: Personality and her life path in fiction]. St. Petersburg.
11. Korzhova E.Yu. (2015) *Psikhologiya lichnosti: tipologiya teoreticheskikh modelei* [Psychology of Personality: Typology of theoretical models]. Birobidzhan.
12. Kotlyakov V.Yu. (2013) Metodika «Sistema zhiznennykh smyslov» [System of life meanings technique], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2 (54), 1, pp. 148-153.
13. Leontiev D.A., Osin E.N. (2014) Refleksiya «khoroshaya» i «durnaya»: ot ob"yasnitel'noj modeli k differentsial'noi diagnostike [“Good” and “Bad” Reflection: From an Explanatory Model to Differential Assessment]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 4 (11), pp. 110-135.
14. Razumnikova O.M. (2005) *Oprosnik R. Kloningera dlya opredeleniya temperamenta i kharaktera* [Cloninger's temperament and character inventory]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal], 22, pp.150-152.
15. Sultanova Z.V. (2017) Psikhologicheskie sostavlyayushchie zhiznedeyatel'nosti sovremennykh osetin [Psychological components of the life of modern Ossetians]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research], 6, pp. 32-42.
16. Sultanova Z.V., Gabulova I.M. (2018) Psikhologicheskie aspekty bazovykh bytiinykh perezhivaniy yuzhnykh i severnykh osetin [Psychological aspects of basic intergenerational experience of southern and northern ossetians]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 1 (68), pp. 342-345.
17. Sultanova Z.V., Siukaeva E.G. (2018) Analiz tsennostnoi sfery yuzhnykh i severnykh osetin metodom E.B. Fantalovoi [Analysis of axiological sphere of south and north Ossetians by the method of E.B. Fantalova]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian studies of the regions], 1, pp. 41-46.
18. Vasilenko T.D. (2011) Vremya chelovecheskogo bytiya kak sodержание zhiznennogo puti lichnosti [The time of human existence as the content of the life path of the individual]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian scientific journal], n6 (25), pp. 119-124.
19. Veselova E.K. (2001) Smysl zhizni v kontekste lichnostnoi identichnosti [The meaning of life in the context of personal identity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy, political science, sociology, psychology, law, international relations], 3, pp. 51-64.
20. Voskovskaya (Shutova) L.V., Lyashuk A.V. (2005) Dukhovnyi krizis: problemy opredeleniya i diagnostiki [Spiritual crisis: problems of definition and diagnosis]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnosis], 1, pp. 51-57.
21. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A. (eds.) (2007) *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii* [Phenomenon and category of maturity in psychology]. Moscow.

УДК 316

От психофизиологической структуры личности к онтологическому пониманию «Другого»

Руденко Андрей Викторович

Председатель правления,
Региональный общественный фонд поддержки социальных программ
и помощи малоимущим «БЛАГОВЕСТ»,
119270, Российская Федерация, Москва, ул. 3-я Фрунзенская, 1/1;
e-mail: Andrey_Rudenko@mail.ru

Аннотация

В работе исследуются проблемы формирования целостной концепции понимания «Другого» в контексте развития представлений о психофизиологической структуре личности. В результате исследования показано, что данная проблема может быть решена посредством поиска новых методологических оснований обобщения исследований.

Формирование целостного представления о влиянии межличностного взаимодействия с позиции психофизиологической структуры личности возможно посредством осуществления обобщения результатов измерений психофизиологических реакций человека, находящегося в различных ситуациях. Все это позволяет выявлять характеристики личности на различных иерархических уровнях, а также формировать исследовательские задачи в области оценки воздействия различных типов межличностных взаимодействий.

В работе показано, что при выявлении характеристик Я-концепции в рамках межличностного взаимодействия необходимо учитывать, что проявление каждой из характеристик личности возможно в условиях различных психофизиологических реакций, определяемых с помощью различных типов воздействий – в процессе формирования, изучения, коррекции, развития. Также, автором делается заключение о том, что при изучении психофизиологической структуры личности необходимо учитывать как характер эксперимента, так и субъектно-объектный состав категории «Другого».

Для цитирования в научных изданиях

Руденко А.В. От психофизиологической структуры личности к онтологическому пониманию «Другого» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 45-51.

Ключевые слова

Личность, психофизиологическая структура личности, «Другой», «Я-концепция», понимание «Другого».

Введение

Современные исследования в области психофизиологии все больше раскрывают особенности различных процессов в психике в целом, а также характер и степень воздействия гормонов-трансммиттеров и медиаторов на деятельность отдельных центров мозга, и его способности к формированию устойчивых синаптических связей. Отдельное место в данных исследованиях занимают вопросы взаимозависимости межличностных взаимоотношений и психофизиологических характеристик личности в самых различных аспектах [Pervin, 2015; Triandis, 2001; McAdams, 2008].

В настоящее время накоплено значительное количество эмпирических данных в отношении межличностного взаимодействия, осуществляемого посредством отношений между родителями и детьми, в супружеских и профессиональных отношениях. В современной научной литературе продемонстрированы различные реакции мозга в процессе реализации названного выше взаимодействия. В результате, относительно ряда положений были пересмотрены взгляды на осуществление межличностного взаимодействия, его влияния на психофизиологические реакции.

Все это является причиной пересмотра устоявшихся в современной аналитической психологии подходов как непосредственно к оценке личности, так и концепции понимания «Другого» и его эпистемологических компонентов. В то же время, необходимым условием пересмотра представлений в данной области, является такой фактор как все большее усиление социальной изоляции личности, и трансформации самой категории межличностного общения в условиях все большей виртуализации всех видов взаимодействий [Westenberg, Blasi, Cohn, 2013].

Определение психофизиологической структуры личности в современных исследованиях

Разделение структуры личности на элементы, характеризующие ее, является одним из распространенных научных методов в психологии. Согласно самым общим позициям, достоверность диспозиционного подхода к изучению личности является определяется тем, что в современной психологии является устоявшимся положение, что склонности, способности и стремления, характеризующие отдельную личность, не изменяются в течение всех жизни.

Следовательно, возможно получить достоверные научные результаты на основании изучения отдельных характеристик личности с помощью различных инструментальных методов. Все это является значительным вкладом в научное познание в области психологии, с момента основания которой наиболее значимые результаты были достигнуты на основании феноменологического подхода.

В этих условиях поиск инструментов, позволяющих получить измеримые, научно объективные результаты является важнейшим инструментом трансформации методологии психологии. Необходимо отметить, что одним из наиболее значительных результатов исследований в данной области стало выделение в качестве базовой единицы структуры личности ее отдельные черты. Их характеристику, как было показано в значительном количестве современных исследований, возможно выявить с помощью качественных и количественных методов, посредством сравнения и сопоставления, а также с помощью инструментальных измерений психофизиологии.

На основании данных положений в современных психологических исследованиях предложено значительное количество концепций структуры личности, учитывающих, в том числе, психофизиологические компоненты.

В самом широкой понимании структуру личности составляют следующие компоненты:

- темперамент, как композиция устойчивых особенностей личности;
- характер, определяющий типичный способ поведения человека в определенных жизненных обстоятельствах;
- направленность личности, которая обуславливается приоритетом определенных видов мотивации;
- способности личности, под которыми понимаются психологические особенности, определяющие успешность выполнения тех или иных профессиональных задач [Мельников, Юров, 2014; Петровский, 1981].

Согласно результатам значительного количества исследователей данный подход к определению структуры личности позволяет обеспечить биопсихосоциальность за счет включения в себя одновременно биологических, психологических и социальных компонентов.

В то же время, несмотря на то, что психофизиологические процессы являются скрытыми, объективное их измерение позволяет дать оценку любой из характеристик личности, системно описать скрытые от прямого наблюдения реакции организма, например такие, как выработка дофамина в результате ощущения чувства доверия к близкому человеку.

Соглашаясь с данным положением, отметим, что значимым направлением изучения психофизиологической структуры личности является иерархическая организация личности и анализ интеграционных связей между элементами. В современной науке нашли широкое применение количественные инструменты анализа, основанные, например, на использовании электрофизических методов (таких, как электроэнцефалография, электроокулография, электромиография и электрокардиография). Но, несмотря на их точность, надежность и универсальность, применение данных методов не позволяет определить иерархическую структуру характеристик личности.

Следовательно, для целей исследования необходимо осуществлять поиск модели структуры личности, позволяющей определять как иерархическое распределение, так и интеграционные связи между ними.

С учетом указанного отметим, что данным требованиям отвечает предложенная А.И. Крупновым системно-диспозиционная концепция целостной личности, согласно которой:

1. К базовым характеристикам личности принято относить мотивационные характеристики, определяющиеся как самостоятельная подсистема личности.
2. Более высокий иерархический уровень представляет собой инструментальные характеристики, определяющие склонности, эмоционально-волевые, когнитивные и коммуникативные черты.
3. Социально-нравственные черты относятся к более высоким функциям личности, выражающим отношения к социальной системе общества в целом и другим людям в частности.
4. К высшим функциям личности относятся ценностные характеристики личности, к ним принято относить мировоззрение, цели, убеждения, идеалы.

Данные характеристики личности в целом соответствуют широко распространенной четырехфакторной модели личности, однако весьма значимым отличием, кроме иерархической последовательности элементов является то, что интеграционной составляющей структуры личности является то, что все черты личности проявляются и формируются посредством общения.

Концептуальные основы и эволюция онтологического понимания «Другого»

Категория «Другого» широко исследуется в социальной философии и аналитической психологии. Ее эволюция была определена необходимостью поиска инструментов и методов построения взаимоотношений между личностью и обществом посредством принятия особенностей личностей, формирования диалога и понимания.

Первые концепции данной категории были созданы в конце 18-го века, при этом фактически до настоящего времени исследования в данной области были основаны на субъектно-объектном подходе к парадигме понимания Р. Декарта. Эта концепция использует субъектоцентрический подход, согласно которому значимыми являются только те взаимоотношения, влияние которых на объект (в данном случае – личность) возможно выявить.

Исследуя эволюцию содержания концепции «Другого» в философии, и в дальнейшем в психологии, необходимо отметить, что методологическим принципом его развития было применение инструментов философского анализа [Галимова, 2013; Гиппенрейтер, Карягина, Козлова, 2013].

В частности, данная категория исследуется в философских работах Р. Декарта, Г. Гегеля, Э. Гусселя, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, а также в работах ученых-психологов З. Фрейда, Ж. Лакана, Дж. Г. Мида. По мнению названных ученых были определены эпистемологические критерии онтологического понимания «Другого», определяемые посредством такой дихотомии как не-Я, а также, лица, отличного от Я, нетождественного и противопоставляемого Я [Петровский, 1981; Мельников, Юров, 2014].

Однако в то же время, проблема понимания «Другого», определения истинной природы данного явления может быть основана на более широком круге данных эмпирических исследований, зачастую имеющих прямо противоположное значение к распространенным представлениям в данной области. Так, в настоящее время является доказанным ряд положений относительно воздействия межличностного общения на психофизиологические реакции, которые не могли быть изучены без применения специализированных инструментальных средств.

По мнению автора, философско-психологическое обобщение понимания «Другого» как ключевой категории психологии, должно быть основано на принятой в современных исследованиях психофизиологической структуре личности, позволяющей комплексно выявлять все виды взаимоотношений «Я и не-Я».

Поэтому, для определения данной категории, и выявления ее эпистемологии необходимо развитие иных научных методов аналитической психологии, позволяющих обобщать развивающиеся положения психофизиологии, имплементировать положения в комплексную модель ее определения.

Однако в настоящее время необходимо осуществлять поиск новых методологических подходов, учитывающий, в том числе, изменение структуры межличностного взаимодействия в

части увеличения доли виртуального общения. Одним из них стал предложенная Дж. Г. Мидом концепция символического интеракционизма, согласно которой «Другой» является фактором формирования самосознания личности, так как индивид определяет Я-концепцию посредством рефлексии со стороны окружающих людей, и определяет поведение индивида.

Следует согласиться с тем, что данные положения являются верными, так как осуществляя те или иные действия человек оценивает ожидания окружающих. В дальнейших исследованиях Г. Блумера было сформулировано понятие «Обобщенный Другой», которое представляет собой неопределенную аудиторию, используемую для формирования Я-концепции в процессе взаимодействия, что составляет сущность процесса формирования и развития личности. Последующие исследования в той или иной степени используют обозначенный подход к определению сущности рассматриваемой категории, расширяя упрощенные модели «Я – не-Я» посредством включения в нее фактора интерсубъективности, и, в последствии, заменяя их на противопоставление Я всех окружающих людей.

Основываясь на концептуальном базисе символического интеракционизма понимание «Другого» в настоящее время активно развивается как область междисциплинарных исследований в философии как значимый элемент общественного развития. В настоящее время к изучению данного явления применяется феноменологический, психологический, этнографический, этический, диалогический и конфликтологический подходы. Это позволило сформировать общее представление данной категории как межличностного понимания в психологии, и как метод познания в философии науки.

По мнению автора, методология Миля-Блумера, как концептуальный базис определения онтологии понимания «Другого», актуален и в настоящее время. Однако, его фактическое содержание должно быть пересмотрено с учетом современных исследований в области оценки взаимовлияния межличностного взаимодействия и психофизиологической структуры личности.

Очевидно, что при выявлении характеристик Я-концепции в рамках межличностного взаимодействия необходимо учитывать, тот факт, что проявление каждой из характеристик личности возможно посредством его проявления в различных психофизиологических реакциях, определяемых с помощью различных типов воздействий – в процессе формирования, изучения, коррекции, развития.

Значим также и сам характер взаимодействия, сущность воздействия которого исследуется. Следовательно, при изучении психофизиологической структуры личности необходимо, также, учитывать характер эксперимента, субъектно-объектный состав категории «Другого», и характер его понимания в системе отношений «Я – не-Я».

Заключение

Для формирования целостного представления о влиянии межличностного взаимодействия на характеристики личности с позиции ее психофизиологической структуры возможно использовать следующие методологические механизмы:

– осуществлять обобщение полученных посредством результатов измерений психофизиологических реакций человека (например, сенсорных, двигательных), находящегося в различных ситуациях при выявлении и оценке характеристик личности на различных иерархических уровнях;

– формировать исследовательские задачи в области оценки воздействия различных типов межличностных взаимодействия на различных уровнях структуры личности.

Выявление онтологии понимания «Другого» не только на основании феноменологического подхода, а посредством комплексного отражения воздействия различных видов межличностных взаимодействий на психофизиологическую структуру личности. Все это, в свою очередь, позволит сформировать основу комплекса социально-психологического инструментария для развития концепции эффективного межличностного взаимодействия в смежных науках. Например, формирования понимания в рамках педагогического или политического процесса с позиции общего механизма воздействия психофизиологических особенностей личности на возможности понимания окружающих.

Библиография

1. Гиппенрейтер Ю. Б., Карягина Т. Д., Козлова Е. Н. Феномен конгруэнтной эмпатии //Вопросы психологии. – 1993. – №. 4. – С. 61-68.
2. Галимова А. К. Понимание Другого в символическом интеракционизме //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №. 9-2. – С. 51-53.
3. Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода //Вопросы психологии. – 1981. – №. 1. – С. 57-66.
4. Мельников В. М., Юров И. А. Структура личности в отечественной психологии //Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – №. 4-2. – С. 33.
5. Shibutani T. Society and Personality: Interactionist Approach to Social Psychology. – Routledge, 2017.
6. McAdams D. P. The person: An introduction to the science of personality psychology. – John Wiley & Sons, 2008.
7. Triandis H. C. Individualism-collectivism and personality //Journal of personality. – 2001. – Т. 69. – №. 6. – С. 907-924.
8. Pervin L. A. Goal concepts in personality and social psychology. – Psychology Press, 2015.
9. Larsen R. J. et al. Personality psychology: Domains of knowledge about human nature. – McGraw Hill Education, 2017.
10. Westenber P. M., Blasi A., Cohn L. D. Personality development: Theoretical, empirical, and clinical investigations of Loevinger's conception of ego development. – Psychology Press, 2013.

From the psychophysiological structure of the personality to the ontological understanding of the “Other”

Andrei V. Rudenko

Chairman of the Board,
Regional Public Fund Support Social Programs and Helping the Poor “BLAGOVEST”,
119270, 1/1, 3rd Frunzenskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Andrei_Rudenko@mail.ru

Abstract

The paper examines the problems of forming a holistic concept of understanding the “Other” in the context of the development of ideas about the psycho-physiological structure of a person. As a result of the research, it is shown that this problem can be solved by searching for new methodological bases for generalizing research. To form a holistic view of the influence of interpersonal interaction from the perspective of the psycho-physiological personality structure, it is possible to generalize the results of psycho-physiological responses of a person in different

situations when identifying the formation, identification and evaluation of personality characteristics at different hierarchical levels, as well as to form research assessing the impact of various types of interpersonal interactions on different levels of personality structure.

In addition, the work shows that when identifying the characteristics of the I-concept in the framework of interpersonal interaction, it is necessary to consider that the manifestation of each of the personality characteristics is possible through its manifestation in various psychophysiological reactions determined by different types of influences – in the process of formation, study development. Also, the author concludes that when studying the psycho-physiological personality structure, it is also necessary to consider the nature of the experiment, as well as the subject-object composition of the “Other” category.

For citation

Rudenko A.V. (2018) Ot psikhofiziologicheskoy struktury lichnosti k ontologicheskomu ponimaniyu «Drugogo» [From the psychophysiological structure of the personality to the ontological understanding of the “Other”]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 45-51.

Keywords

Personality, psycho-physiological structure of personality, “Other”, “I-concept”, understanding of “Other”.

References

1. Gippenreyter, YU. B., Karyagina, T. D., & Kozlova, Ye. N. (1993). Fenomen kongruentnoy empatii [The phenomenon of congruent empathy.] *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology] (4), 61-68.
2. Galimova, A. K. (2013). Ponimaniye Drugogo v simvolicheskom interaktsionizme. Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. [Understanding of the Other in symbolic interactionism. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history.] *Voprosy teorii i praktiki*, [Questions of theory and practice] (9-2), 51-53.
3. Petrovskiy, A. V. (1981). Lichnost' v psikhologii s pozitsiy sistemnogo podkhoda. [Personality in psychology from the standpoint of a systematic approach] *Voprosy psikhologii* [], (1), 57-66.
4. Mel'nikov, V. M., & Yurov, I. A. (2014). Struktura lichnosti v otechestvennoy psikhologii. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4-2), 33.
5. Shibutani, T. (2017). *Society and Personality: Interactionist Approach to Social Psychology*. Routledge.
6. McAdams, D. P. (2008). *The person: An introduction to the science of personality psychology*. John Wiley & Sons.
7. Triandis, H. C. (2001). Individualism-collectivism and personality. *Journal of personality*, 69(6), 907-924.
8. Pervin, L. A. (2015). *Goal concepts in personality and social psychology*. Psychology Press.
9. Larsen, R. J., Buss, D. M., Wismeijer, A., Song, J., & van den Berg, S. M. (2017). *Personality psychology: Domains of knowledge about human nature*. McGraw Hill Education.
10. Westenberг, P. M., Blasi, A., & Cohn, L. D. (2013). *Personality development: Theoretical, empirical, and clinical investigations of Loevinger's conception of ego development*. Psychology Press.

УДК 316.4

Гендерные особенности принятия решения в управленческой деятельности

Климова Елена Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической,
воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем
исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной
деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: klimova_em@mail.ru

Аннотация

В статье определяется эффективность применения решений управленческого характера. Эффективность любой организации зависит от множества факторов, но прежде всего на её стабильное развитие и процветание влияет грамотное руководство. В условиях крайне динамичной и неустойчивой внешней среды руководитель должен уметь не только обнаружить происходящие изменения, но и перестроить деятельность своего бизнеса в соответствии с ними. Поэтому, как отмечают исследователи, важнейшей функцией руководителя является своевременное и взвешенное принятие того или иного решения. Большинству руководителей приходится осуществлять управленческую деятельность и принимать решения в условиях жесткого дефицита времени. В подобных ситуациях крайне высока вероятность допустить управленческую ошибку, которая может привести не только к провалу отдельных нововведений, но и повлечь за собой крах всей организации. Кроме того, в последние годы различные руководящие посты все чаще занимают женщины. Как правило, руководителям обоих полов предъявляются совершенно идентичные требования, однако в целом исследователями отмечается, что руководство компанией мужчиной или женщиной имеют ряд отличий. Исходя из этого, можно предположить, что различия при принятии решений между руководителями разного пола будут проявляться и в ситуациях нехватки времени.

Для цитирования в научных исследованиях

Климова Е.М. Гендерные особенности принятия решения в управленческой деятельности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 52-61.

Ключевые слова

Гендерные особенности, управленческое решение, принятие выбора, деятельность, структура.

Введение

Последние годы характеризуются резко возросшим вниманием к проблемам управления, поиском путей совершенствования управленческих технологий [Авдони́на, Пути́вцев, 2015, 70; Бати́щев, Густо́ва, Еве́нко, Колесник, 2016; Климова, Камышанова, Кишиков, 2017, 62]. В первую очередь это вызвано тем, что все более очевидной становится ключевая роль, которую играет управление в обеспечении эффективной деятельности любой организации [Кишиков, 2014, 102].

Игнорирование психологических особенностей гендерных различий ведет к кризису управления, созданию и накоплению социальных противоречий, что в итоге сказывается на эффективности, как самого управления, так и производства и экономики в целом.

Литературный обзор

Несмотря на достаточно глубокую разработанность в психологической литературе вопросов принятия решений как важнейшей составляющей управленческой деятельности (Б.Г. Литвак, А.Л. Ломакин, Ю.Н. Кулюткин, А.И. Китов, К. Коростелина, А.В. Карпов, Н.А. Лаврова, Н.И. Кабушкин, Р.И. Мокшанцев, М.Л. Рощина, И.П. Чередниченко и Н.В. Тельных), гендерного аспекта управленческой деятельности (Г.П. Лиджеева, И. Словова, Ю.Н. Бодина, О.К. Самарцева, Т.А. Фомина Э. Бабушкин, А.Е. Чирикова), исследование гендерных особенностей принятия решения можно признать весьма фрагментарным, слабо проработанным (можно назвать немногочисленные работы, затрагивающие данную проблематику (М.Л. Рощина, Н.А. Лаврова, И.А. Ковалева).

Согласно представленным в научной литературе данным, руководители (и мужчины, и женщины) обладают профессионально важными качествами, достаточными и необходимыми для принятия эффективных управленческих решений. Несмотря на то, что у мужчин и женщин разные стили поведения и мышления, они могут достигать одинаково эффективного результата, но только разными способами.

Материалы и методы

Для женщин-руководителей в процессе принятия решений наибольшую актуальность представляют:

- личностный контекст,
- разнообразность и многочисленность вариантов решений,
- более осторожные стратегии,
- сочетание позиции жесткого лидера и эмпатии,
- лучшее видение перспективы и перемен,
- склонность к коллективным решениям,
- отсутствие выстраивания жестких планов,
- легкость в изменении линии поведения,
- ситуационный и реализаторский стиль принятия решений.

Для мужчин-руководителей свойственны:

- временной контекст,
- высокая степень риска,

- «проигрывание» заранее всевозможных вариантов разрешения проблемы,
- выделение значимых условий достижения целей,
- директивность
- активность в ситуации принятия решения,
- авторитарный стиль принятия решений.

В исследовании приняло участие 30 руководителей среднего звена торговых компаний в возрасте от 33 до 47 лет. Нами было проведено выравнивание выборки по половой принадлежности.

Для проведения эмпирического исследования были подобраны следующие диагностические методики:

- 1) опросник половых ролей BSRI С. Бэм,
- 2) тест-опросник диагностики мотивации достижения А. Мехрабиан,
- 3) опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР - 25) Т.В. Корнилова,
- 4) опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой.

Изначально представим данные, полученные по опроснику половых ролей BSRI С. Бэм. Интерпретация результатов по данной методике производилась по второму варианту определения типа личности, который основан на подсчете индекса маскулинности-фемининности (IS). По данному индексу в группе мужчин-руководителей выделены следующие категории испытуемых (рис. 1):

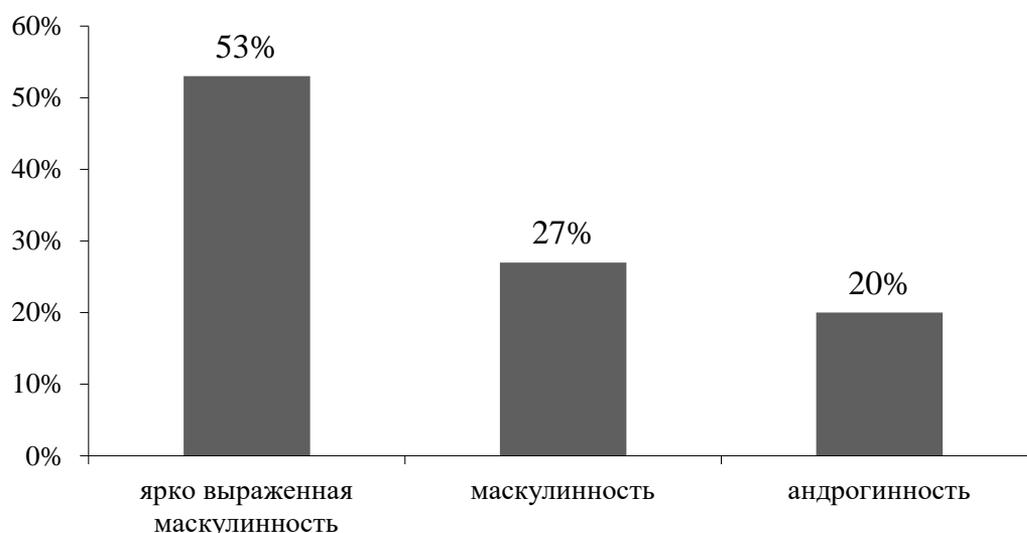

Рисунок 1 – Выраженность маскулинных и фемининных черт по группе мужчин-руководителей по итогам опросника половых ролей BSRI С. Бэм, в %

Ярко выраженная маскулинность (IS меньше -2,025) выявлена у 8-ми испытуемых по группе мужчин-руководителей (53%), маскулинность (IS меньше - 1) выявлена у 4-х испытуемых по группе мужчин-руководителей (27%), андрогинность (IS от -1 до +1) выявлена у 3-х испытуемых по группе мужчин-руководителей (20%).

По индексу IS в группе женщин-руководителей выделены следующие категории испытуемых (рис. 2):

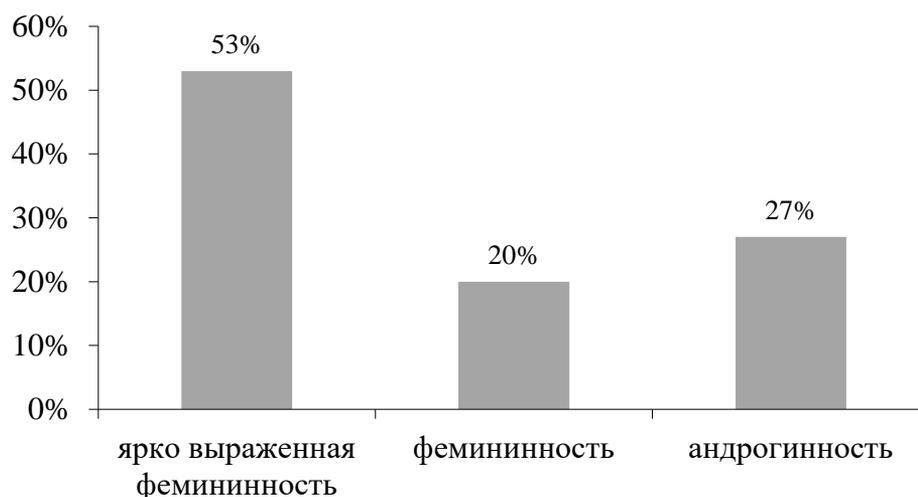

Рисунок 2 – Выраженность маскулинных и фемининных черт по группе женщин-руководителей по итогам опросника половых ролей BSRI С. Бэм, в %

Ярко выраженная фемининность (IS больше +2,025) выявлена у 8-ми испытуемых по группе женщин-руководителей (53%), фемининность (IS больше +1) выявлена у 3-х испытуемых по группе женщин-руководителей (20%), андрогинность (IS от -1 до +1) выявлена у 4-х испытуемых по группе женщин-руководителей (27%).

На рис. 3 представлены результаты по опроснику половых ролей BSRI С. Бэм в средних баллах по двум шкалам и по индексу маскулинности-фемининности (IS).

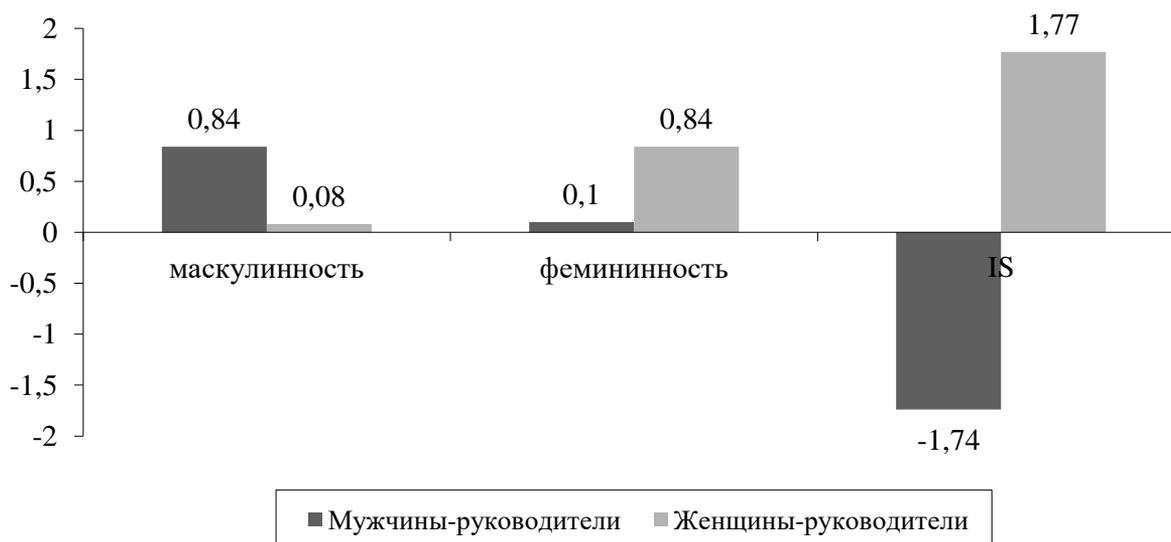

Рисунок 3 – Степень выраженности маскулинных и фемининных характеристик у мужчин и женщин руководителей по опроснику половых ролей BSRI С. Бэм, в средних баллах

На рис. 4 представлены результаты, полученные по тесту-опроснику диагностики мотивации достижения А. Мехрабиан по двум группам руководителей.

Рисунок 4 – Выраженность стремления к успеху и избегания неудачи у мужчин и женщин руководителей по тесту-опроснику диагностики мотивации достижения А. Мехрабиан, в средних баллах

Согласно полученным результатам, наиболее высокие средние показатели по тесту получены по группе мужчин-руководителей (средний балл – 171,4), следовательно, у мужчин-руководителей стремление к достижению успеха выражено в большей степени, чем избегание неудачи. По группе женщин-руководителей, напротив, получены более низкие показатели (средний балл составил 116,13), следовательно, у женщин-руководителей стремление избежать неудачи выражено в большей степени, чем стремление к достижению успеха [Brock-Utne, 2009, 215; Chan, & Ermisch, 2015, 381; Collette, 2000, 419].

На рис. 5 представлены результаты, полученные по опроснику «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР - 25) Т.В. Корниловой по двум группам руководителей.

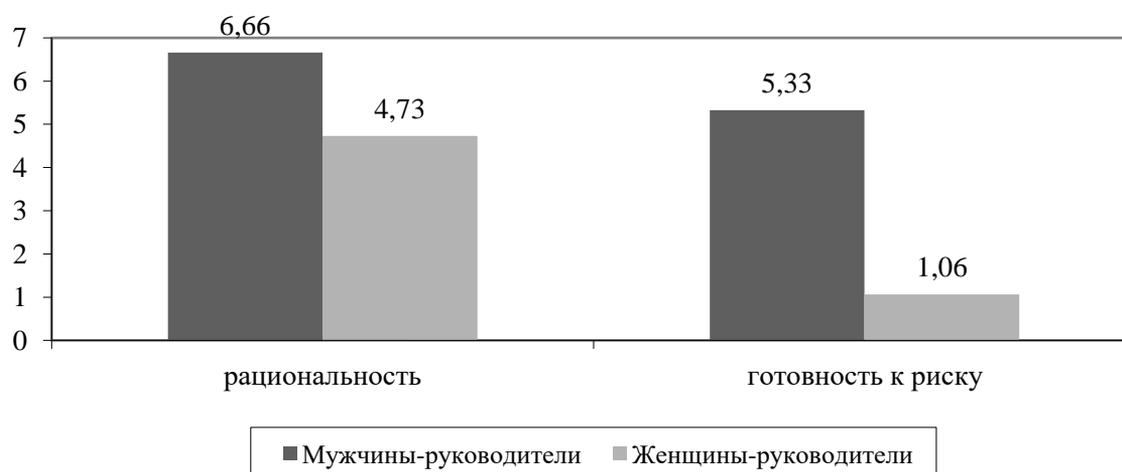

Рисунок 5 – Выраженность готовности к риску и рациональности у мужчин и женщин руководителей по опроснику «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР - 25) Т.В. Корниловой, в средних баллах

Средний суммированный балл по двум шкалам выше в группе мужчин-руководителей, следовательно, у мужчин-руководителей сильнее, чем у женщин-руководителей, выраженность и готовности к риску (средний балл составил 5,33 в противовес среднему баллу 1,06 по женской выборке), и рациональности (средний балл составил 6,66 в противовес среднему баллу 4,73 по женской выборке). Готовность к риску, в данном случае, трактуется как личностное свойство саморегуляции, позволяющее принимать решения и действовать в ситуациях неопределенности [Coltrane, 2010, 798; Diebolt, & Perrin, 2017, 84; Garrett, 1989, 538]. В отношении более высоких показателей по шкале «рациональность» по мужской выборке: мужчины-руководители характеризуются большей готовностью обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации, что может характеризовать и рискованные решения.

На рис. 6 представлены результаты, полученные по опроснику толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой по двум группам руководителей.

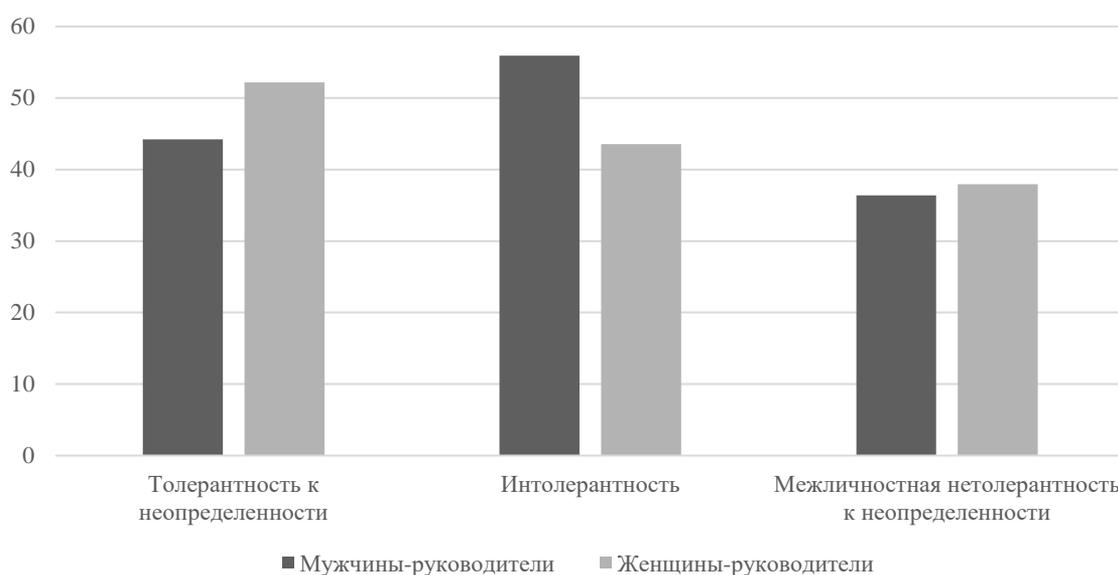

Рисунок 6 – Выраженность толерантности к неопределенности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности по опроснику толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой, в средних баллах

Согласно рис.6, по группе женщин-руководителей получены более высокие средние баллы по шкале «толерантность к неопределенности» (средний балл составил 52,2 в противовес среднему баллу 44,2 по группе мужчин-руководителей). Следовательно, для женщин-руководителей в большей степени свойственно стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений [Huffman, & Cohen, 2004, 135; Korman, 1982, 107].

Результаты и обсуждения

Напротив, по шкале «интолерантность» более высокие средние баллы получены по группе мужчин-руководителей (средний балл составил 53,93 в противовес среднему баллу 43,53 по группе женщин-руководителей). Следовательно, для мужчин-руководителей в большей степени

свойственно стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, главенствующая роль правил и принципов.

По шкале «межличностная интолерантность» по группе женщин-руководителей получены несколько более высокие результаты (средний балл составил 37,93), чем по группе мужчин (средний балл составил 36,4). Следовательно, для женщин-руководителей больше свойственно стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях [Kruker, Schier, & von Streit, 2002, 247; Mayer, 2015, 412; Misersky, Gygax, Canal, Gabriel, Garnham, Braun, ... Sczesny, 2014, 869].

В таблице 1 представлены корреляционные связи между выраженностью маскулинных и феминных черт особенностями принятия решения (в таблицу внесены только значимые корреляционные связи) по группе мужчин-руководителей:

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа по группе мужчин-руководителей

методики	характеристики	опросник половых ролей BSRI С. Бэм	
		маскулинность	фемининность
тест-опросник диагностики мотивации достижения А. Мехрабиан	стремление к успеху	0,8889***	
опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР - 25) Т.В. Корниловой	готовность к риску	0,6098**	
	рациональность	0,5001*	
опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой	интолерантность	0,5090*	

Примечание:

* - отмечены значимые корреляции на низком уровне значимости $p < 0,05$;

** - средний уровень значимости $p < 0,01$;

*** - высокий уровень значимости $p < 0,001$.

В табл. 2 представлены корреляционные связи между выраженностью маскулинных и феминных черт особенностями принятия решения (в таблицу внесены только значимые корреляционные связи) по группе женщин-руководителей:

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа по группе женщин-руководителей

методики	характеристики	опросник половых ролей BSRI С. Бэм	
		маскулинность	фемининность
тест-опросник диагностики мотивации достижения А. Мехрабиан	стремление к успеху		-0,6185**
опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР - 25) Т.В. Корниловой	готовность к риску		-0,7229***
опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой	толерантность к неопределенности		0,6678**

Примечание:

* - отмечены значимые корреляции на низком уровне значимости $p < 0,05$;

** - средний уровень значимости $p < 0,01$;

*** - высокий уровень значимости $p < 0,001$.

Заключение

По итогам статистической обработки результатов исследования было получено семь значимых корреляционных связей. По группе мужчин-руководителей получены четыре прямые корреляционные связи, по группе женщин-руководителей получены две обратные и одна прямая корреляционные связи.

Выраженность маскулинных качеств сильно прямо связана с доминированием мотива «стремление к успеху» ($r = 0,88$, $p = 0,001$), умеренно прямо коррелирует с готовностью к риску ($r = 0,60$, $p = 0,01$), слабо прямо коррелирует с рациональностью ($r = 0,50$, $p = 0,05$), слабо прямо коррелирует с интолерантностью ($r = 0,50$, $p = 0,05$).

Выраженность феминных качеств сильно обратно коррелирует с готовностью к риску ($r = -0,72$, $p = 0,001$), умеренно прямо коррелирует с толерантностью к неопределенности ($r = 0,66$, $p = 0,01$), умеренно обратно коррелирует со стремлением к успеху ($r = -0,61$, $p = 0,01$).

Таким образом, результаты проведенного исследования выявили следующее:

1) у людей с преобладанием мускулинных черт решения характеризуются большей рискованностью и стремлением к успеху;

2) у людей с преобладанием феминных черт решения направлены на избежание неудачи, или же они часто отказываются от принятия решения.

Проведенное исследование подтвердило необходимость при анализе управленческого потенциала руководителя опираться на данные гендерной, а не половой принадлежности. При этом полученные результаты позволяют в высоком уровне достоверности прогнозировать эффективность работы будущего руководителя в зависимости от сферы деятельности компании и стадии ее организационного развития.

Библиография

1. Авдони́на О.С., Пути́вцев П.В. О модели профессиональных компетенций главы муниципального образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2015. – № 2. – 69-74 с.
2. Батищев В.Н., Густова Е.А., Евенко С.Л., Колесник Н.Т. Личностно-профессиональное развитие в условиях эффективного управления организацией / коллективная монография / Москва. – 2016.
3. Кишиков Р.В. Позитивный менеджмент как управленческая концепция // Актуальные проблемы современной науки. – 2014. – № 4 (78). – 100-104 с.
4. Климова Е.М., Камышанов А.А., Кишиков Р.В. Когнитивные особенности инновационного мышления руководителей образовательных организаций // Психология обучения. – 2017. – № 7. – 60-66 с.
5. Brock-Utne, B. (2009). A GENDER PERSPECTIVE ON PEACE EDUCATION AND THE WORK FOR PEACE. *International Review of Education*, 55(2), 205–220. <https://doi.org/10.1007/s11159-008-9122-z>
6. Chan, T. W., & Ermisch, J. (2015). Proximity of Couples to Parents: Influences of Gender, Labor Market, and Family. *Demography*, 52(2), 379–399. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0379-0>
7. Collette, C. (2000). Questions of Gender: Labour and Women. In B. Brivati & R. Heffernan (Eds.), *The Labour Party: A Centenary History* (pp. 402–421). London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230595583_24
8. Coltrane, S. (2010). Gender Theory and Household Labor. *Sex Roles*, 63(11), 791–800. <https://doi.org/10.1007/s11199-010-9863-6>
9. Diebolt, C., & Perrin, F. (2017). Changes in the Labor Force. In *Understanding Demographic Transitions: An Overview of French Historical Statistics* (pp. 41–94). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44651-6_2
10. Garrett, J. E. (1989). Unredistributable corporate moral responsibility. *Journal of Business Ethics*, 8(7), 535–545. <https://doi.org/10.1007/BF00382929>
11. Huffman, M. L., & Cohen, P. N. (2004). Occupational Segregation and the Gender Gap in Workplace Authority: National Versus Local Labor Markets. *Sociological Forum*, 19(1), 121–147. <https://doi.org/10.1023/B:SOFO.0000019650.97510.de>

12. Korman, A. K. (1982). Commentary on Studies of Gender-Mix in Labor Market Research. In A. S. Glickman (Ed.), *The Changing Composition of the Workforce: Implications for Future Research and Its Application* (pp. 105-109). Boston, MA: Springer US. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-3464-4_7
13. Kruker, V. M., Schier, M., & von Streit, A. (2002). Geography and gendered labour markets. *GeoJournal*, 56 (4), 243-251. <https://doi.org/10.1023/A:1025920109255>
14. Mayer, N. (2015). The closing of the radical right gender gap in France? *French Politics*, 13 (4), 391-414. <https://doi.org/10.1057/fp.2015.18>
15. Misersky, J., Gygax, P. M., Canal, P., Gabriel, U., Garnham, A., Braun, F., ... Sczesny, S. (2014). Norms on the gender perception of role nouns in Czech, English, French, German, Italian, Norwegian, and Slovak. *Behavior Research Methods*, 46(3), 841–871. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0409-z>

Gender peculiarities of decision making in management

Elena M. Klimova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Leading Researcher of the Department for the development of methodologies
for social, psychological, educational and pedagogical work with convicts of the center
for the study of the problems of enforcement of criminal sentences and psychological support
for the professional activities of the penitentiary system,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: klimova_em@mail.ru

Annotation

The article defines the effectiveness of management decisions. The effectiveness of any organization depends on many factors, but above all, its stable development and prosperity is influenced by competent management. In an extremely dynamic and unstable external environment, the Manager must be able not only to detect the changes, but also to restructure the activities of his business in accordance with them. Therefore, as the researchers note, the most important function of the head is timely and balanced adoption of a decision. Most managers have to manage and make decisions in the face of severe time constraints. In such situations, it is extremely likely to make a management error, which can lead not only to the failure of individual innovations, but also lead to the collapse of the entire organization. In addition, in recent years, women have increasingly held various leadership positions. As a rule, the requirements for managers of both sexes are identical, but in General, researchers note that the management of the company by a man or a woman has a number of differences. On this basis, it can be assumed that the differences in decision-making between leaders of different sexes will also manifest themselves in situations of lack of time.

For citation

Klimova E.M. (2018) Gender peculiarities of decision making in management [Approaches to the assessment of damage from price discrimination in antimonopoly regulation]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 52-61.

Keywords

Gender features, managerial decision, decision making, activity, structure.

References

1. Avdonina O.S., Putivtsev P.V. O modeli professional'nykh kompetentsiy glavy munitsipal'nogo obrazovaniya [On the model of professional competence of the head of the municipality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2015, no. 2, pp. 69-74.
2. Batishchev, V.N., Gustova, E.A., Evenko, S.L., Kolesnik, N.T. (2016), *Personal-professional development in the conditions of effective organization management / collective monograph [Lichnostno-professional'noye razvitiye v usloviyakh effektivnogo upravleniya organizatsiyey / kollektivnaya monografiya]*, Moscow.
3. Kishikov R.V. Pozitivnyy menedzhment kak upravlencheskaya kontseptsiya [Positive management as a management concept], *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki – Actual problems of modern science*, 2014, no. 4 (78), pp. 100-104.
4. Klimova Ye.M., Kamyshanov A.A., Kishikov R.V. Kognitivnyye osobennosti innovatsionnogo myshleniya rukovoditeley obrazovatel'nykh organizatsiy [Cognitive features of innovative thinking of managers of educational organizations]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of learning*, 2017, no. 7, pp. 60-66.
5. Brock-Utne, B. (2009). A gender perspective on peace education and the work for peace. *International Review of Education*, 55(2), 205–220. <https://doi.org/10.1007/s11159-008-9122-z>
6. Chan, T. W., & Ermisch, J. (2015). Proximity of Couples to Parents: Influences of Gender, Labor Market, and Family. *Demography*, 52(2), 379–399. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0379-0>
7. Collette, C. (2000). Questions of Gender: Labour and Women. In B. Brivati & R. Heffernan (Eds.), *The Labour Party: A Centenary History* (pp. 402–421). London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9780230595583_24
8. Coltrane, S. (2010). Gender Theory and Household Labor. *Sex Roles*, 63(11), 791–800. <https://doi.org/10.1007/s11199-010-9863-6>
9. Diebolt, C., & Perrin, F. (2017). Changes in the Labor Force. In *Understanding Demographic Transitions: An Overview of French Historical Statistics* (pp. 41–94). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44651-6_2
10. Garrett, J. E. (1989). Unredistributable corporate moral responsibility. *Journal of Business Ethics*, 8(7), 535–545. <https://doi.org/10.1007/BF00382929>
11. Huffman, M. L., & Cohen, P. N. (2004). Occupational Segregation and the Gender Gap in Workplace Authority: National Versus Local Labor Markets. *Sociological Forum*, 19(1), 121–147. <https://doi.org/10.1023/B:SOFO.0000019650.97510.de>
12. Korman, A. K. (1982). Commentary on Studies of Gender-Mix in Labor Market Research. In A. S. Glickman (Ed.), *The Changing Composition of the Workforce: Implications for Future Research and Its Application* (pp. 105–109). Boston, MA: Springer US. https://doi.org/10.1007/978-1-4613-3464-4_7
13. Kruker, V. M., Schier, M., & von Streit, A. (2002). Geography and gendered labour markets. *GeoJournal*, 56(4), 243–251. <https://doi.org/10.1023/A:1025920109255>
14. Mayer, N. (2015). The closing of the radical right gender gap in France? *French Politics*, 13(4), 391–414. <https://doi.org/10.1057/fp.2015.18>
15. Misersky, J., Gygax, P. M., Canal, P., Gabriel, U., Garnham, A., Braun, F., ... Sczesny, S. (2014). Norms on the gender perception of role nouns in Czech, English, French, German, Italian, Norwegian, and Slovak. *Behavior Research Methods*, 46(3), 841–871. <https://doi.org/10.3758/s13428-013-0409-z>

УДК 159.9

Особенности опыта отношений в родительской семье у молодых людей (на примере полных и неполных семей)

Истратова Оксана Николаевна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: oksana-istratova@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00029 А).

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ представлений о своем опыте отношений с родителями молодыми людьми из полных и неполных семей. Теоретический анализ проблемы показал, что во взрослом возрасте семья и семейный опыт, полученный человеком в детстве, продолжает активно влиять на его становление как личности, реализацию его потенциала, жизненную успешность и психологическое благополучие в целом. Выявлено, что взрослые люди при ретроспективной оценке своего детского опыта склонны его переоценивать. Целью исследования стало изучение того, как оценивают свои внутрисемейные взаимоотношения в детстве молодые люди из полных и неполных семей. В исследовании приняли участие 548 студентов Южного федерального университета, а также юноши и девушки со средним специальным образованием. Результаты исследования показали, что респонденты из полных семей выше оценивают свой опыт отношений в родительской семье. Оценки включенности отца и матери в их жизнь выше, чем у респондентов из неполных семей. Респонденты обоих типов семей выше оценивают включенность матерей в их воспитание и общение с ними. У респондентов из неполных семей шире круг лиц, с кем у них были самые доверительные отношения.

Для цитирования в научных исследованиях

Истратова О.Н. Особенности опыта отношений в родительской семье у молодых людей (на примере полных и неполных семей) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 62-67.

Ключевые слова

Отношения с родителями, опыт взаимоотношений в родительской семье, полные и неполные семьи, молодые люди, психология.

Введение

Многочисленные исследования, посвященные проблемам семьи, показывают ее роль в самых разных аспектах развития ребенка. Однако ее более отдаленное влияние на становление личности в более поздних возрастах, в частности, в молодости велико: в формировании стратегий совладающего поведения [Сапоровская, 2012, 96-100], карьерных ориентаций [Седунова, Семенова, 2017, 175-179], построении молодым человеком своей собственной семьи и освоении семейных ролей [Карабанова, Молчанов, 2017, 92-97.]. Опыт, полученный человеком в родительской семье, ретроспективно рефлекслируемый во взрослой жизни, становится тем предиктором, который определяет реализацию личностью своего потенциала, а, следовательно, ее социальную адаптированность [Mallers, Charles, Neupert, Almeida, 2010, 1651-1661], жизненную успешность [Кибальченко, Эксакусто, Истратова, 2017, 63-75] и психологическое благополучие [Голубева, Истратова 2018, 358-362.]. Опыт отношений в родительской семье, как интегративный экзистенциальный феномен, отражающий всю систему взаимосвязей между членами семьи, может субъективно переживаться человеком как благоприятный или неблагоприятный, позитивный или негативный. При этом, как показывают зарубежные исследования, более прямая связь объективной семейной обстановки в детстве с субъективно переживаемым опытом в молодости наблюдается у девушек. Юноши же склонны оценивать в ретроспективе свой детский внутрисемейный опыт как более благоприятный, вне зависимости от того, каким он был на самом деле [Schneewind, Ruppert, 2013].

Отечественные исследователи также подчеркивают тот факт, что те знания, и переживания, которые получил человек в детстве относительно своих семейных взаимоотношений в детстве, преломляются, как сквозь призму опыта, полученного им в других социальных институтах, так и через уже сформировавшуюся личность, преобразуя эти переживания посредством автобиографического мышления, а также психологических защит вследствие желания сохранить ощущение психологического благополучия отношений с родителями [Распаева, Трошихина, 2009, 427-429.].

Такая объективная форма семейного неблагополучия как неполнота семьи, на наш взгляд, сегодня приобретает свою актуальность по ряду новых причин. Это не только непрочность традиционного брака, но также и то, что современные молодые люди более терпимо смотрят на ситуации сознательного одиночества, рождения женщиной ребенка «для себя» из-за неверия в мужчину, как опору семьи.

Проблема исследования

В современных условиях нестабильности самого института семьи становится актуальным изучение проблемы ресурса семьи, а также факторов риска в формировании опыта детско-родительских отношений у молодых людей, воспитывавшихся в полных и неполных семьях. Выявление особенностей опыта отношений в родительской семье у молодых людей из полных и неполных семей стало целью настоящего исследования.

Эмпирическое исследование

Выборка. Участниками исследования выступили молодые люди 18-25 лет (средний возраст 20, 2 года), студенты Южного федерального университета (инженерных, экономических и IT-специальностей), а также юноши и девушки со средним специальным образованием.

Методы и методики исследования. Основным методом изучения опыта взаимоотношений в родительской семье у молодых людей выступил автобиографический метод, реализованный в следующих методиках:

– анкета [Эксакусто, Вакуленко, 2014, www], содержащая вопросы относительно структуры семьи (полная, неполная) причин неполноты семьи (расторжение брака, смерть родителя/родителей, лишение родителей родительских прав, рождение ребенка вне брака и т.д.), степени включенности и доверительности общения ребенка с родителями и другими членами семьи;

– опросник BIV (анализировались результаты по шкалам FAM (субъективное описание семейной ситуации в детстве и юности, взаимодействия с родителями, отношения семьи к окружающим) и ERZIEN (оценка стиля воспитания родителей или замещающих лиц)).

Статистическая проверка достоверности полученных результатов осуществлялась с помощью критерия ϕ^* - углового преобразования Фишера, критерия λ – Колмогорова-Смирнова.

Результаты и их обсуждение

При формировании подвыборок по критерию полноты/неполноты семьи мы столкнулись с ситуацией, в которой респонденты из неполных семей (в течение 2-4 лет) по причине развода родителей или их смерти настаивали на том, что они из полной семьи, так как впоследствии их воспитывали мать и отчим. Учитывая факт пристрастности и субъективности опыта человека в его ретроспективной оценке, мы сочли уместным опираться именно на субъективную оценку самих участников исследования своей семейной ситуации в детстве. В результате подвыборку респондентов из полных семей составили 416 (76 %) человек, из неполных – 132 (24 %). В подвыборке из неполных семей пережили развод родителей 87 (66 %) человек, смерть одного и даже обоих родителей 24 (18 %) человека, лишение отца и/или матери родительских прав 7 (5 %) человек. 14 человек (11 %) респондентов родились вне брака и отца не видели никогда (10 человек), два раза в жизни (2 человека), 1-2 раза в год (2 человека).

Результаты исследования восприятия молодыми людьми своих отношений в родительской семье представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сводные результаты оценки своих взаимоотношений в родительской семье молодыми людьми

	Полная семья	Неполная семья
Оценка семейной атмосферы (FAM)	4,1	5,65
Включенность матери	9,47	7,9
Включенность отца	8,8	2,9
Наиболее доверительные отношения:		
Ни с кем	1%	6,5%
Мать	31%	29%
Отец	6%	1%
Оба родителя	34%	3%
Бабушка или дедушка	5%	20%
Мать и другие члены семьи (не отец)	12%	21%
Сиблинги	3%	10%
Другие родственники	0%	5,5%

Результаты опроса молодых людей на предмет их оценки семейной атмосферы (FAM) и воспитательских воздействий родителей (ERZIEN) показали, что большинство респондентов демонстрируют средний уровень удовлетворенности взаимоотношениями с родителями. Однако статистический анализ показал, что респондентов, оценивающих семейный климат, как благоприятный, больше среди представителей из полных семей ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 4,54$; $p = 0,01$), а тех, кто оценивает отрицательный характер взаимоотношений с родителями или опекунами, больше среди представителей из неполных семей ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 3,055$; $p = 0,01$).

Высокую включенность матери в жизнь и воспитание ребенка показали молодые люди, как из полных семей, так и неполных. При этом статистически значимо оценивание матери респондентами из полных семей выше ($\lambda_{\text{эмп.}} = 3,92$; $p = 0,01$). Оценки включенности отцов ниже (8,8 и 2,9 балла из 10, из полных и неполных семей соответственно), при этом более высокие показатели у отцов респондентов из полных семей ($\lambda_{\text{эмп.}} = 5,89$; $p = 0,01$). Однако в подвыборке респондентов из неполных семей даже после развода 12% отцов продолжали активно общаться с ребенком и участвовать в его жизни и воспитании. А в подвыборке респондентов из полных семей имеет место ситуация отстраненного отца (низкие показатели включенности у 7%) при внешне благополучной (полной) семейной ситуации.

Анализ того, с кем были наиболее гармоничные отношения в семье, может дать более полную картину того, насколько опыт, полученный ребенком в детстве в родительской семье, был гармоничным и благоприятным. Полученные результаты показали, что для представителей обеих подвыборок наиболее доверительные отношения были с матерью (31% и 29% из полных и неполных семей соответственно). Однако более трети респондентов из полных семей (34%) подчеркивают благоприятность и доверительность отношений с обоими родителями, чего не наблюдается у респондентов из неполных семей. Для них чаще, чем в ситуации полной семьи, родительскую любовь замещали другие родственники: бабушка с дедушкой ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 3,705$; $p = 0,01$), братья и сестры ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 1,846$; $p = 0,05$). Поддержку в брате или сестре чаще находили выходцы из неполных семей, где общение с отцом было очень редким (от «вообще никогда» до «1-2 раза в год»). В таких случаях, скорее всего, имело место быстрое «взросление» старшего ребенка и принятие роли взрослого члена семьи (ушедшего отца или в помощь матери).

Стоит отметить, что при том, что сам опыт отношений в родительской семье оценивается респондентами из неполных семей, как более негативный, круг лиц, с которыми молодые люди отмечают теплоту отношений, шире. Можно предположить, что лица, успешно заменившие родителя (родителей) могли «сгладить» трудности интеллектуального, личностного и социального развития ребенка из неполной семьи.

Заключение

В ходе исследования было подтверждено теоретическое положение о том, что опыт отношений в родительской семье оценивается более позитивно во взрослом возрасте: при ретроспективной оценке своего опыта респонденты оценивают его как средне-благоприятный с тенденцией к более благоприятному у представителей полных семей.

Более благоприятный опыт у респондентов из полных семей проявляется в большей включенности отцов и матерей, а также родительской диады в целом в жизнь и воспитание ребенка.

Круг лиц, с кем отношения были доверительными, шире у представителей из неполных семей, что объясняется замещением общения с отсутствующим родителем, а также – с

родителем, который, не справляясь с ситуацией распада семьи, может испытывать трудности и как воспитатель.

Перспективой исследования может стать изучение семейных ценностей и представлений о семейных ролях у молодых людей из разных типов семей сквозь призму опыта взаимоотношений в родительской семье, полученного ими в детстве.

Библиография

1. Голубева Е.В., Истратова О.Н. Опыт отношений в родительской семье как предиктор психологического благополучия молодых людей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т.7. № 2 (23). С. 358-362.
2. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Семейные факторы в формировании родительских установок у студенческой молодежи на этапе вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. 2017. № 2 (26). С. 92-97.
3. Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., Истратова О.Н. Интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития: теоретические основы. Таганрог, 2017. 160 с.
4. Распаева М. Ю., Трошихина Е. Г. Субъективное благополучие подростков в связи с восприятием родительского отношения к себе // Материалы научной конференции «Ананьевские чтения – 2009». Выпуск 2. Методологический анализ теорий, исследований и практики в различных областях психологии. СПб., 2009. С. 427-429.
5. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы. Кострома, 2012. 384 с.
6. Седунова Т.И., Семенова С.В. Характер отношений в родительской семье и карьерные ориентации молодых женщин // Семья и современный социум, серия: семья и дети в современном мире. СПб., 2017. С. 175-179.
7. Эксакусто Т.В., Вакуленко Е.Н. Гендерные представления мужчин, воспитывавшихся в неполных семьях // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16759>
8. Mellers M.H. et al. Perceptions of childhood relationships with mother and father: daily emotional and stressor experiences in adulthood // *Dev Psychol.* 2010. 46(6). P. 1651-1661. doi:10.1037/a0021020
9. Schneewind K.A., Ruppert S. Personality and family development: an intergenerational longitudinal comparison. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2013. 334 p.

Features of the experience of relations in the parental family of young people (on the example of two-parent and single-parent families)

Oksana N. Istratova

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of psychology and life safety,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: oksana-istratova@yandex.ru

Abstract

The scientific research on psychology presented in this article contains a comparative analysis of ideas about his experience of relations with parents by young people from full and single-parent families. Theoretical analysis of the problem showed that in adulthood family experience gain by a person in childhood continues to actively influence his development as a person, the realization of his potential, life success and psychological well-being in general. The research revealed that adults in retrospective evaluation of their childhood experience tend to overestimate it. The purpose of the research was to study how do young people from full and single-parent families evaluate their family

relationships in childhood. The study involved 548 students of the South Federal University, as well as boys and girls with an average special education. The results of the study showed that respondents from full families rate their experience in relationships in parental family higher. Estimates of father and mother involvement in their lives are higher, than respondents' from single-parent families. Respondents of both types of families above assess the involvement of mothers in their education and communication with them. The respondents from single-parent families have a wider circle of people with whom they had the most trusting relationship.

For citation

Istratova O.N. (2018) Osobennosti opyta otnoshenii v roditel'skoi sem'e u molodykh lyudei (na primere polnykh i nepolnykh semei) [Features of the experience of relations in the parental family of young people (on the example of two-parent and single-parent families)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 62-67.

Keywords

Relationship with parents, experience of relationships in the parent family, two-parent and single-parent families, young people, psychology.

References

1. Eksakusto T.V., Vakulenko E.N. (2014). Gendernye predstavleniya muzhchin, vospityvavshikh v nepolnykh sem'yakh [Gender perceptions of men, brought up in a single-parent family]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 6. Available at: <http://www.science-education.ru/120-16759> [Accessed 10/10/2018]
2. Golubeva E.V., Istratova O.N. (2018). Opyt otnoshenii v roditel'skoi sem'e kak prediktor psikhologicheskogo blagopoluchiya molodykh lyudei [Experience of relations in the parental family as a predictor of psychological well-being in young people]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 7, 2 (23), pp. 358-362.
3. Karabanova O.A., Molchanov S.V. (2017) Semeinye faktory v formirovani roditel'skikh ustanovok u studencheskoi molodezhi na etape vhozhdeniya vo vzroslost' [Family factors in shaping parental attitudes in young students at the stage of entering adulthood]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2(26), pp. 92-97.
4. Kibal'chenko I.A., Eksakusto T.V., Istratova O.N. (2017) *Intellektual'no-lichnostnyi resurs sub"ekta razvitiya: teoreticheskie osnovy* [Intellectual-personal resource of the subject of development: theoretical foundations]. Taganrog.
5. Mallers M.H. et al. (2010) Perceptions of childhood relationships with mother and father: daily emotional and stressor experiences in adulthood. *Dev Psychol.*, 46(6), pp. 1651-1661. doi:10.1037/a0021020
6. Raspava M.Yu., Troshihina E.G. (2009) Sub"ektivnoe blagopoluchie podrostkov v svyazi s vospriyatiem roditel'skogo otnosheniya k sebe [Subjective well-being of adolescents in connection with the perception of parental attitudes towards themselves]. In: *Materialy nauchnoi konferentsii «Anan'evskie chteniya – 2009». Vypusk 2. Metodologicheskii analiz teorii, issledovaniy i praktiki v razlichnykh oblastiakh psikhologii* [Anan'ev Readings 2009. Issue 2. Methodological analysis of theories, research and practice in various areas of psychology]. St. Petersburg.
7. Saporovskaya M.V. (2012) *Psikhologiya mezhpokolennykh otnoshenii: konflikty i resursy* [Psychology of intergenerational relations: conflicts and resources]. Kostroma.
8. Schneewind K.A., Ruppert S. (2013) *Personality and family development: an intergenerational longitudinal comparison*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
9. Sedunova T.I., Semenova S.V. (2017) Kharakter otnoshenii v roditel'skoi sem'e i kar'ernye orientatsii molodykh zhenshchin [The nature of relationships in the parental family and career orientations of young women]. In: *Sem'ya i sovremenniy sotsium, seriya: sem'ya i deti v sovremennom mire* [Family and modern society, a series: family and children in the modern world]. St. Petersburg.

УДК 159.9

**Исследование аттитюдов родителей в отношении
инклюзивного образования детей с расстройствами
аутистического спектра в отечественной и зарубежной науке**

Суслова Татьяна Федоровна

Кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный областной университет,
105005, Российская Федерация, Москва, ул. Радио, 10-а;
e-mail: sibir812@mail.ru

Светлакова Ольга Юрьевна

Старший преподаватель,
Институт инклюзивного образования,
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
220114, Республика Беларусь, Минск, ул. Франциска Скорины, 13;
e-mail: olgiza923@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-513-00018
Бел_а.

Аннотация

Целью статьи является анализ исследований отечественных и зарубежных ученых на предмет выявления установок родителей детей с нормативным развитием и детей с аутизмом. Метод исследования – анализ, интерпретация и сравнительно-сопоставительный анализ научных статей. Были выявлены установки двух групп родителей - сторонников и противников инклюзивного образования. Анализ показал, что у сторонников инклюзивного образования обеих групп смысловые установки выражаются в полном принятии идеи инклюзивного образования. Целевые установки соотносятся в большей степени с идеей гуманизации общества и стремления найти позитив в данной инновации. Операциональные установки связаны с желанием активного участия в меру своих возможностей и понимания самой идеи инклюзии. У родителей здоровых детей – противников инклюзивного образования – смысловые установки связаны с полной уверенностью в том, что дети с особыми нуждами должны учиться «вдали» от здоровых детей. Смысловые установки родителей детей с аутизмом (противников инклюзивного образования) выражаются с одной стороны в желании, чтобы их ребенок учился в обычной школе, с другой стороны в неверии, что такое образование принесет пользу их ребенку и будет безопасным. Целевые установки родителей здоровых детей и родителей детей с расстройствами аутистического спектра в отличие от смысловых установок имеют общее содержание: и те и другие стремятся достичь для своего ребенка безопасное обучение и общение. Операциональные установки родителей здоровых детей и детей с аутизмом также во многом схожи. Первые, не видят в этом вопросе проблему для обсуждения и не

желают по этому вопросу дискутировать. Вторые, считают себя еще не готовыми обсуждать возможность своего особенного ребенка интегрироваться в образовательную среду обычной школы.

Для цитирования в научных исследованиях

Сулова Т.Ф., Светлакова О.Ю. Исследование аттитюдов родителей в отношении инклюзивного образования детей с расстройствами аутистического спектра в отечественной и зарубежной науке // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 68-77.

Ключевые слова

Инклюзивное образование, родители нормотипичных детей, родители детей с расстройствами аутистического спектра, смысловые, целевые, операциональные установки.

Введение

Наличие ребенка с расстройствами аутистического спектра является одним из сложных испытаний, которое может произойти с семьей. Однако, несмотря на трудности, родители ребенка с аутизмом предпринимают все возможное, чтобы социализировать своего особого ребенка, обучить его навыкам взаимодействия с другими людьми, дать общее образование. В данном случае речь идет о включении своего ребенка в процесс инклюзивного образования. Конечно же, успешная вовлеченность детей с аутизмом в обучение и взаимодействие с нормотипичными детьми требует, чтобы общество верило в компетенцию системы образования удовлетворить потребность всех учащихся. Родители, имеющие детей с расстройствами аутистического спектра, должны быть уверены в способность образовательной организации понимать, обучать и социализировать своих особых детей, а родители детей с нормативным развитием иметь уверенность, что совместное обучение будет положительно влиять на их ребенка, не мешая образовательному процессу.

В связи с этим актуальным является выявление установок, потребностей и отношения родителей детей с расстройствами аутистического спектра, а также родителей здоровых детей к совместному обучению в образовательной организации.

Метод и выборка исследования

Нами было проанализировано 48 исследований отечественных ученых и практиков и 21 исследование зарубежных ученых, в которых изучается отношение родителей к инклюзивному образованию и интеграции детей с расстройствами аутистического спектра в образовательную среду обычной школы, детского сада, установки и потребности родителей нормотипичных детей и детей с расстройствами аутистического спектра.

В настоящей статье представлены только результаты исследования аттитюдов родителей детей с нормативным развитием и родителей, детей с расстройствами аутистического спектра.

Методом исследования был выбран метод изучения, интерпретации и сравнительно-сопоставительного анализа психолого-педагогической литературы.

Определение групп установок российских родителей, как детей с нормотипичным развитием, так и детей с расстройствами аутистического спектра, осуществлялось нами на

основе теории установки, согласно которой выделяются смысловые, целевые и операциональные установки.

Смысловые установки выражают отношение личности к тем объектам, которые имеют личностный смысл, это, установки, содержащие информационный компонент, к примеру, взгляды человека, образ того, к чему человек стремится; эмоционально-оценочный компонент – антипатии и симпатии по отношению к значимому компоненту; поведенческий компонент – готовность действовать по отношению к объекту, имеющему личностный смысл [Психология. Словарь, 1990].

Целевые установки вызываются целью личности, которую она преследует в отношении значимого объекта.

Операциональные установки имеют место в ходе решения задачи на основе учета условий наличной ситуации опирается на прошлый опыт поведения личности в подобной ситуации. Они обнаруживаются в стереотипности мышления, конформности личности, способности или неспособности действовать и т.д. [Психология. Словарь, 1990]. Операциональная установка понимается как готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации решения задачи на основе вероятностного прогнозирования и учета условий наличной ситуации [Иванченко, Асмолов, Ениколопов, 1991].

Результаты исследований аттитюдов родителей нормотипичных детей и родителей, детей с расстройствами аутистического спектра, проведенных отечественными учеными

Выделение установок осуществлялось на основе анализа исследований отечественных ученых: Т.Н. Адаевой, Е.А. Богомоловой, М.А. Дороньковой, Т.В. Захаровой, И.А. Алешиной, С.В. Калининой, Л.Г. Климацкой, Г.В. Кочетковой, Е.Н. Моргачевой, А.А. Нестеровой, Р.М. Айсиной, Т.Ф. Суловой, В.М. Поставнева, И.В. Поставневой, А.С. Ващиной, И.Н. Симаевой, В.В. Хитрюк, А.Я. Чигриной [Адаева, 2016; Богомолова, 2015; Доронькова, 2017; Захарова, Алешина, 2013; Калинина, 2015; Климацкая, 2015; Кочеткова, 2016; Моргачева, 2013; Нестерова, Айсина, Сулова, 2016; Поставнева, Поставнева, Ващилина, 2017; Симаева, Хитрюк, 2015; Чигрина, 2010].

В ходе анализа результатов исследования российских ученых было выявлено две группы родителей: сторонников и противников инклюзивного образования. В статье мы приводим обобщенные результаты по обеим выборкам, приводя некоторые примеры установок родителей, сохранив стилистику их высказываний.

У родителей здоровых детей – сторонников инклюзивного образования выявлены в большей степени смысловые установки, выражающие принятие инклюзивного образования, позитивность его последствий как для отдельной личности (здоровых детей и детей с расстройствами аутистического спектра, так и в целом для общества (*к примеру, инклюзивное образование будет способствовать развитию здоровых детей: («...поймет, что все дети имеют равные права», «...научится уважать различия»); Инклюзивное образование расширяет знания о непохожести людей*). А также операциональные установки, несущие в себе готовность что-то предпринимать для успешного внедрения инклюзии в образовательный и воспитательный процесс образовательной организации (например, *«я намерена помогать педагогу в налаживании дружественных отношений с особым ребенком»; «готова к информированию родителей о целях и задачах инклюзивного образования. По-моему, сегодня*

это необходимо»). Целевые установки связаны с необходимостью гуманизации общества и формирования у него толерантного отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья, вне зависимости от диагноза (*«это касается всех, ведь мы существуем в социуме! Это главная цель совместного обучения детей»*; *«задача инклюзии - обучение детей с типичным развитием и, имеющим особенности»*).

Родители – противники инклюзивного образования в большей степени демонстрируют смысловые установки, отражающие отношение к самой возможности внедрения такой формы обучения, а также отношение к детям с расстройствами аутистического спектра и другим детям, имеющим нарушения в развитии.

Смысловые установки родителей здоровых детей – противников внедрения инклюзивного образования связаны с нежеланием видеть в составе класса, дошкольной группы образовательной организации детей с особыми нуждами, так как, по их мнению, такой ребенок должен учиться в специальной школе, особенно это касается детей, имеющих ментальные нарушения, в группу которой входят дети с расстройствами аутистического спектра (*«Ребенок с нарушением в развитии неспособен учиться в обычной школе, ему сложно будет взаимодействовать с здоровыми детьми»*).

Такие установки в отношении инклюзивного образования порождают и негативные установки на восприятие самих детей с ограниченными возможностями здоровья, особенно детей с расстройствами аутистического спектра. В исследованиях отечественных ученых показано, что родители нормотипичных детей из всех групп детей с ОВЗ, выделили группы детей с ментальными нарушениями, заявив категорическое «против» их совместного обучения со своими детьми. Это также вызывает у них протест против собственного участия в становлении инклюзивного образования и желания не поднимать этот вопрос впредь, так как не видят в нем проблему для обсуждения.

Таким образом, родители – сторонники и противники инклюзивного образования выражают в большей мере смысловые установки, которые характеризуют их взгляды на идеи инклюзии, и детей с расстройствами аутистического спектра, позитивность и негативность идеи и принципов инклюзии, позитивное/ негативное отношение к детям, имеющих диагноз.

Далее отмечают операциональные установки, характеризующие их участие в данном процессе (сторонники инклюзии) и отведение себе роли «внешнего эксперта» и «наблюдателя» (противники инклюзии).

Целевые установки ярче представлены у родителей-сторонников инклюзии. Они считают, что инклюзивное образование должно быть в настоящее время целью общества, с внедрением инклюзивного образования, общество во многом выигрывает. Противники инклюзивного образования главной целью выражают желание оградить собственных детей от детей с особенностями в развитии, считая их обузой для педагогов и здоровых детей, в особенности трудной группой для обучения в инклюзивном классе они считают детей с диагнозом Даун и детей с расстройствами аутистического спектра.

Родители детей с расстройствами аутистического спектра, сторонники инклюзивного образования, в большей мере выражают целевые установки, содержательно направленные на желание сделать все, чтобы их особый ребенок имел возможность обучаться в обычной школе, чтобы обеспечить уважение общества к нему и его проблемам, а также внести конструктив в собственную жизнь и жизнь семьи. (*«Важнее не знания, приобретенные на уроках, а то, что ребенок сидит за партой не один»*; *«Мой ребенок должен быть принят и участвовать в «нормальной» социальной жизни, и чтобы у него был доступ к необходимой*

специальной помощи»). Для этого они готовы принять активное участие в становлении инклюзивного образования, которое во многом будет способствовать стиранию различий между детьми в обществе, поддерживают начинание в области инклюзивного образования – операциональные установки («Я готова выступить за внедрение инклюзивного образования»; «мы готовы перейти к модели инклюзивного образования»).

Установки родителей детей с расстройствами аутистического спектра – противников инклюзивного образования в нашей выборке исследований отечественных ученых выявлены в меньшей степени. Возможно, это связано с тем, что родители детей с расстройствами аутистического спектра не вполне представляют принципы инклюзии и имеют смутное видение механизмов и условий внедрения инклюзивного образования. На наш взгляд, эти родители еще не имеют опыта инклюзивного обучения своего ребенка и из-за многочисленных страхов и желания уберечь своего ребенка от насмешек, негативного восприятия и дискриминации, не пытаются использовать возможности инклюзии, оставляя за собой выбор домашнего обучения. Тем не менее, можно выделить смысловые установки, связанные с неготовностью общества и российского образования к внедрению инклюзии («*Инклюзивное образование – это только мечта, так как ни школа, ни педагоги, ни дети не готовы к принятию особых детей в общем классе»; «У нас в стране не признают и не уважают индивидуальные различия, поэтому говорить об инклюзивном образовании еще рано»*). Целевые установки в большей степени связаны с желанием родителей детей с аутизмом обеспечить своему ребенку безопасность («*Хочу уберечь ребенка от насмешек, дискриминации, как со стороны педагогов, так и здоровых детей»; «Хочу уберечь ребенка от ненужных глаз и высказываний. Он этого не заслуживает»*). В связи с этим операциональные установки связаны с нежеланием что-то для этого делать («*Еще нет мотивации сотрудничать со школой, детским садом в организации инклюзивного образования моего ребенка»*).

Результаты исследования аттитюдов родителей нормотипичных детей и детей с расстройствами аутистического спектра зарубежных ученых

Анализ проводился на основе изучения исследований зарубежных ученых: Y. Leyser, R. Kirk M., 2004; Kaiser 2018; Nicole Hollenbach-Biele, 2018; Von Silke Fokken, 2018; J. Elkins, Ch. Kraayenoord, A. Jobling, 2003; Shamsudin S., Rahman A., 2014; J. Witte, 2018 [Leyser, Kirk, 2004; Kaiser, 2018; Nicole Hollenbach-Biele, 2018; Von Silke Fokken, 2018; Elkins, Kraayenoord, Jobling, 2003; Shamsudin, Rahman, 2014; Witte, 2018.]

Логика изложения результатов зарубежных ученых соответствует логике предоставления и описания результатов и выводов исследований отечественных ученых.

Несмотря на немногочисленность выявленных аттитюдов, по причине отсутствия целенаправленных исследований установок, можно сделать вывод, что **родители детей с нормативным развитием здоровья (сторонники инклюзивного образования)** высказывали позитивные смысловые установки в отношении совместного обучения здоровых детей и детей с расстройствами аутистического спектра («*Дети с нарушением в поведении и интеллекте, как и дети с физическими отклонениями, имеют право на совместное обучение со здоровыми детьми»; «Ребёнок с аутизмом или синдромом Дауна обучается общению, в то время, как одарённые ученики разрабатывают новые математические решения. Однако все одновременно и друг с другом обучаются тому, что человеческие различия являются ценными и гуманными»*).

Они в большей степени нацелены на установление равных возможностей для всех детей, невзирая на диагноз, считая это целью общества, не исключая и себя.

Родители нормотипичных детей, противники инклюзивного образования меньше доверие выражают, рассуждая о потенциале инклюзивного образования, когда речь идёт о детях с ментальными, умственными или поведенческими отклонениями («*Учиться хорошо одинаковым с одинаковыми*»; «*Не знаю, как другие родители, но мой ребенок должен обучаться со здоровыми детьми, как он. Дети, особенно с нарушением интеллекта пугают и его, и меня*»). Основная целевая установка таких родителей связана с нежеланием, чтобы их здоровый ребенок «задерживался» в успешном освоении образовательной программы («*...я не хочу, что мой ребёнок с «этими» детьми задерживался в успешном обучении. Для этих целей буду делать все*»). Это и детерминирует формирование операциональной установки, содержание которой заключается не только в отсутствии поддержки совместного обучения здоровых и особых детей, но и нежелании обсуждать данную тему («*...не вижу смысла участвовать не только в поддержке совместного обучения здоровых детей и детей с нарушением в интеллекте и других детей, но и в обсуждении данного вопроса*»).

Родители детей с расстройствами аутистического спектра (сторонники инклюзивного образования) в большей степени имеют целевые установки («*Равноправие – главный принцип цивилизованного государства. Мой ребенок, который имеет легкую форму аутизма имеет право и должен учиться в обычном классе*»). Вероятно, этому легко найти объяснения, так как главная их цель – включение ребенка в образовательный процесс обычной школы, но с использованием индивидуальной программы при наличии квалифицированной экспертизы. Это детерминирует и их решительный настрой добиваться для своего ребенка такой формы обучения вплоть до обращения в Административный суд, к примеру, в Германии («*...я готова добиваться обучения моего ребенка, даже если понадобится обратиться в Административный суд*»).

Как и при анализе отечественных исследований, изучение статей зарубежных авторов позволило выделить небольшое число установок **родителей с расстройствами аутистического спектра противников инклюзивного образования**. Содержание всех трех групп установок родителей демонстрируют недоверие к инклюзивному образованию в отношении собственных детей («*В обществе есть еще предрассудки в отношении детей с аутизмом. Боюсь, что моему ребенку будет плохо, поэтому я склонна к обучению своего ребенка в специальных классах*»), в связи с чем, у родителей сформирована достаточно устойчивая целевая установка – защитить своего ребенка («*У меня есть негативный опыт включения моего ребенка с диагнозом РАС в школу. Повторять его больше не хочу. Мне дорог мой ребенок и его безопасность*») и операциональная установка, демонстрирующая непонимания и невидения перспектив своего участия в образовательном процессе инклюзивной школы («*мне сложно сказать, чем я могу помочь школе, чтобы инклюзивное образование стало нормой для детей с аутизмом*»).

Заключение

Сравнительный анализ результатов исследований отечественных и зарубежных ученых показал, что, несмотря на то, что инклюзивное образование на Западе имеет давнюю историю, хорошо развито и обеспечено необходимыми техническими средствами, кадровым составом педагогов и специалистов, поддержкой государства и мощной законодательной базой,

защищающей права особых детей, проявлением в большей степени толерантного поведения населения, в том числе поведения родителей здоровых детей, установки родителей нормотипичных детей и детей с расстройствами аутистического спектра, в России и зарубежных странах во многом схожи. Однако важно отметить, что в отличие от зарубежных стран, количество российских родителей обеих групп, имеющих смысловые, целевые и операциональные установки негативного содержания в разы больше, что позволяет говорить о наличии серьезных проблем, связанных с внедрением и развитием инклюзивного образования, как на уровне общества в целом, так и в сознании родителей детей с нормотипичным развитием и детей с расстройствами аутистического спектра.

Библиография

1. Адеева Т.Н. Проблема психологической готовности родителей различных категорий детей к инклюзивному образованию // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 4. С. 112-119.
2. Богомолова Е.А. К вопросу об отношении родителей к инклюзивному образованию. Калуга: ФГБУ ВПО «Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского», 2014. 171 с.
3. Глига Ф., Попа М. Отношение родителей детей с ОВЗ к инклюзивному образованию в Румынии // Социальные науки и науки о поведении. 2010. Вып. 2. С. 4468-4474.
4. Доронькова М.А. Отношение современных родителей к инклюзивному образованию: проблема недостаточной информированности при внедрении инклюзии в школы // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. М.: МГППУ, 2017. С. 457-459.
5. Захарова Т.В., Алешина И.А. Проблема отношения родителей детей дошкольного возраста к инклюзивному образованию // Череповецкие научные чтения. Педагогика. Психология. Методика преподавания. Череповец: ЧГУ, 2013. С. 54-55.
6. Иванченко В.Н., Асмолов А.Г., Ениколопов С.Н. Установки личности и противоправное поведение. Тематическое сообщение, 24.01.1991 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL http://go.mail.ru/redirect?via_page=1&type=sr&redir=eJwNi8EJAjEQAE-wB392sMZwyoFgMUtczJK4G5LcNmE1_uxD7MYCzHOYmdh7uThnXKg2lUNdHdbOIVNzBgJsKCGSJAWEO2B7aFaDNhQJpwFl4No6ilpiyByiaOsMDKvqZ9NS0UQJRki3MdE0-fO8-GX2p-P0ue7SdvNF3ZN7vZ-_P3woNXk (Дата обращения 16.09.2018 г.)
7. Калинина С.В. Участие родителей ребенка с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном процессе // Психологическое сопровождение: проблемы и перспективы: материалы научно-практической конференции с международным участием / сост. Т.Б. Беляева. М., 2015. С. 16-19.
8. Климацкая Л.Г. Формирование толерантного отношения детей старшего дошкольного возраста и их родителей к детям с ограниченными возможностями здоровья в условиях семейного клуба [Электронный ресурс] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015
9. Нестерова А.А., Айсина Р.М., Сулова Т.Ф. Руководство для родителей ребенка с расстройствами аутистического спектра: вопросы самооценки и социального развития ребенка. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство РИТМ», 2016. 214 с.
10. Поставнев В.М., Поставнева И.В., Вашилин А.С. Мониторинг готовности субъектов образовательных отношений к инклюзивному образованию // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2017. № 4. С. 19-34.
11. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. С. 419-421.
12. Симаева И.Н., Хитрюк В.В. Проблема готовности к инклюзивному образованию родителей обучающихся // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. 2015. № 11. С. 54-62.
13. Сулова Т.Ф. Особенности взаимоотношения с ребенком и окружающим миром матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Новые информационные технологии в науке. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Часть 2. Уфа: Научно-издательский центр «Аэтерна». 2015. С. 222-226.
14. Чигрина А.Я. Инклюзивное образование детей-инвалидов: отношение общества и практика распространения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2010. № 1 (17). С. 56-62.
15. Elkins J, Kraayenoord Ch., Jobling A. Parents' attitudes to inclusion of their children with special needs // Journal of Research in Special Educational Needs. Vol. 3. N. 2. 2003. P. 122-129.
16. Fokken S. Schulfrust wegen Inklusion Die Macht der wütenden Eltern Schulfrust wegen Inklusion Die Macht der wütenden Eltern // Online- Journal "Spiegel", Studien- und Lebensabschnitt. [Electronic resource]. Access mode: URL:

- <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/hamburg-schulfrust-wegen-inklusion-eltern-rechnen-mit-der-politik-ab-a-1151378.html> (Date of the application 07.10.2018).
17. Hollenbach-Biele N. Programm Integration und Bildung, Projekt Heterogenität und Bildung // [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/IB_Studie_Elternbefragung_Inklusion_in_Deutschland.pdf (Date of the application 06.10.2018).
 18. Kaiser M. Eine Schule für alle? Die Leiterin eines Bremer Gymnasiums möchte das lieber nicht. Unsere Autorin findet das krass // Online - die Zeitung "ze.tt", Partner der Zeitung "Zeit". Veröffentlichung vom 10.07.18. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://ze.tt/wie-krass-es-ist-dass-eine-schulleiterin-gegen-inklusion-klagt/> (Date of the application 07.10.2018).
 19. Leyser Y., Kirk R. Evaluating inclusion: an examination of parent views and factors influencing their perspectives // International Journal of Disability. 2004. N.51. P.71–85.
 20. Shamsudin S., Rahman A. Preliminary study: Awareness, knowledge and attitude of people towards children with autism // Proceeding of the Social Sciences Research ICSSR 2014 (e-ISBN 978-967-11768-7-0). 9-10 June 2014, P. 312-332.
 21. Witte J. Autistische Kinder haben Recht auf individuelle Förderung // Die Zeitung "Welt", Online-Version vom 19.04.2017. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.welt.de/regionales/hamburg/article163805813/Autistische-Kinder-haben-Recht-auf-individuelle-Foerderung.htm> (Дата обращения 08.10.2018).

Study of parents attitudes in relation to the inclusive education of children with autism spectrum disorders in domestic and foreign science

Tat'yana F. Suslova

PhD in Philology, Associate Professor,
Moscow State Regional University,
105005, 10-a, Radio st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sibir812@mail.ru

Ol'ga Yu. Svetlakova

Senior Lecturer,
Institute for Inclusive Education,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
220114, 13, Francis Skaryna st., Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: olgiza923@gmail.com

Abstract

The purpose of the article is to analyze the research of domestic and foreign scientists in order to identify the attitudes of parents with regulatory development and children with autism. Research method - analysis, interpretation and comparative analysis of scientific articles. The attitudes of two groups of parents - supporters and opponents of inclusive education were identified. The analysis showed that the advocates of inclusive education of both groups have semantic attitudes expressed in full acceptance of the idea of inclusive education. Target attitudes correlate to a greater degree with the idea of humanizing society and the desire to find a positive in this innovation. Operational attitudes are associated with the desire to actively participate to the best of their abilities and understanding of the very idea of inclusion. The parents of healthy children - the opponents of inclusive education - are bound to the complete confidence that children with special needs should learn "away from healthy children. Semantic attitudes of parents of children with autism (opponents

of inclusive education) are expressed on the one hand in the desire for their child to attend ordinary school, on the other hand in disbelief that such education will benefit their child and will be safe. Target attitudes of parents of healthy children and parents of children with autism spectrum disorders, unlike semantic attitudes, have a common content: both those and others strive to achieve safe learning and communication for their child. Operational attitudes of parents of healthy children and children with autism are also very similar. The first ones do not see this issue as a problem for discussion and do not wish to discuss this issue. Second, they consider themselves not yet ready to discuss the possibility of their special child integrating into the educational environment of an ordinary school.

For citation

Suslova T.F., Svetlakova O.Yu. (2018) Issledovaniye attityudov roditel'ey v otnoshenii inklyuzivnogo obrazovaniya detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke [Study of parents attitudes in relation to the inclusive education of children with autism spectrum disorders in domestic and foreign science]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 68-77.

Keywords

Inclusive education, parents of normotypical children, parents of children with autism spectrum disorders, semantic, targeted, operational settings.

References

1. Adeeva T.N. (2016). Problema psihogicheskoi gotovnosti roditel'ei razlichnykh kategorii detei k inklyuzivnome obrazovaniyu [The problem of psychological readiness of parents of various categories of children to inclusive education]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. 4. pp. 112-119.
2. Bogomolova E.A. (2014). K voposu ob otnosheniyi roditel'ei k inklyuzivnomu obrazovaniyu [On the question of the attitude of parents to inclusive education]. Kaluga: FGBU VPO "Kaluzhskii gos. un-t im. K.E Zialkovskogo [Kaluga: Kaluga State. un-t them. K.E. Tsialkovsky], 171 p.
3. Chigrina A.Ja. (2010). Inklyuzivnoe obrazovanie dete'-uvalidov: otnoshenie obshestva i praktika rasprostraneniya [Inclusive Education for Children with Disabilities: Attitude of Society and the Practice of Dissemination]. Vestnik Nezhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya "Sozial'nye nauki" [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series "Social Sciences"].1 (17). Pp.56-62.
4. Doron'kova M.A. (2017). Otnoshenie sovremennykh roditel'ei k inklyuzivnomu obrazovaniyu: problema nedostatochnoi informirovannosti pri vnedrenii inklyuzii v shkoly [Attitude of modern parents to inclusive education: the problem of insufficient awareness in introducing inclusion in schools]. Inklyuzivnoe obrazovanie; preemstvennozt' inklyuzivnoi kul'tury I praktiki: zbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Inclusive education: continuity of inclusive culture and practice: a collection of materials of the IV International Scientific Practical Conference]. M; MGPPU. pp.457-459
5. Elkins J, Kraayenoord Ch., Jobling A. (2003). Parents' attitudes to inclusion of their children with special needs // Journal of Research in Special Educational Needs. 3. 2. pp. 122–129.
6. Fokken S. (20018). Schulfrust wegen Inklusion Die Macht der wütenden Eltern Schulfrust wegen Inklusion Die Macht der wütenden Eltern // Online- Journal "Spiegel", Studien- und Lebensabschnitt. [Electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/schule/hamburg-schulfrust-wegen-inklusion-eltern-rechnen-mit-der-politik-ab-a-1151378.html> (Date of the application 07.10.2018).
7. Gliga F., Popa M. (2010). Otnoshenie roditel'ei s OBZ k inklyuzivnomu obrazovaniyu v Rumynii [Attitude of parents of children with disabilities to inclusive education in Romania]. Sozial'nye nauki i nauki o povedenii [Social and Behavioral Sciences]. 2. pp. 44-68-4474.
8. Hollenbach-Biele N. (2018). Programm Integration und Bildung, Projekt Heterogenität und Bildung // [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/IB_Studie_Elternbefragung_Inklusion_in_Deutschland.pdf (Date of the application 06.10.2018).

9. Ivanchenko V.N., Asmolov A.G., Enikolopov S.N. (1991). Ustanovki lichnosti I protivopravnoe povedenie. Tematicheskoe povedenie [Personality and unlawful behavior. Thematic message]. [elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: URL http://go.mail.ru/udir?via_page=1&type=sr&udir=eJwNi8EJAjEQAE-wB392sMZwyoFgMUtczJK4G5LcNmEl_uxD7MYCzHOYmdh7uThnXKg2lUNdHdbOIVNzBgJsKCGSJAWE02B7aFaDNhQJpwF14No6ilpiyB yiaOsMDKVqZ9NS0UQRki3MdE0-f08-GX2p-P0ue7SdvNF3ZN7vZ-_P3woNXk
10. Kaiser M. Eine Schule für alle? Die Leiterin eines Bremer Gymnasiums möchte das lieber nicht. Unsere Autorin findet das krass // Online - die Zeitung "ze.tt", Partner der Zeitung "Zeit". Veröffentlichung vom 10.07.18. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://ze.tt/wie-krass-es-ist-dass-eine-schulleiterin-gegen-inklusion-klagt/> (Date of the application 07.10.2018).
11. Kalinina S.V. (2015). Uchastie roditeli rebenka s ogranichennymi vozmozhnostjami v inklyuzivnom processe [Participation of parents of a child with disabilities in an inclusive process]. Psihologicheskoe soprovozhdenie; problem I perspektivy: materialy nauchno-prakticheskoi konferenzii s mezhdunarodnym uchastiem [*Psychological support: problems and prospects: materials of a scientific-practical conference with international participation*], pp.16-19.
12. Klimazkaja L.G. (2015). Formirovanie tolerantnogo otnosheniya detei starshego doshkol'nogo vozrasta I ich rodilei k detjam s ogranichennymi vozmozhnostlami zdorov'ja v uslovijah semeinogo kluba [*Formation of a tolerant attitude of children of senior preschool age and their parents to children with disabilities in a family club*]. Krasnojarskii gos. ped. Un-t im. V.P. Astafieva. Krasnojarsk [Krasnojarsk. state ped. un-t them. V.P. Astafieva. Krasnojarsk].
13. Leysler Y., Kirk R. (2004). Evaluating inclusion: an examination of parent views and factors influencing their perspectives // *International Journal of Disability*. 51. pp. 71–85.
14. Netrova A.A., Aisina R.M., Suslova T.F. (2016). Rukovodstvo dlja roditeli rebenka s rasstroistvami autisticheskogo spectra: voprosy samoozenki i sozial'nogo razvitija rebenka [A guide for parents of a child with autism spectrum disorders: issues of self-esteem and social development of a child]. M. Obzestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo RITM" [M.: Limited Liability Company "RITM Publishing House"]. 2014.
15. Postanev V.N., Postaneva I.V., Vishilin A.S. (2017). Monitorig gotovnosti sub'ektov obrazovatel'nyh otnoshenii k inklyuzivnomu obrazovaniju [Monitoring the readiness of subjects of educational relations to inclusive education]. Vestnik MGPU. Seriya "Pedagogika i psihologiya" [*Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology"*]. 4. pp. 19-34.
16. Psihologija. Slovar' (1990) [Psychology. Vocabulary]. Pod. obzh. red.. A.V.Petrovskogo, M.G. Jarozhevskogo. M.: Politizdat. [Under total ed. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. M.: Politizdat] pp. 419-421.
17. Shamsudin S., Rahman A.(2014). Preliminare study: Awareness, knowledge and attitude of people towards children with autism // *Proceeding of the Social Sciences Research ICSSR 2014* (e-ISBN 978-967-11768-7-0). pp. 312-332.
18. Simaeva I.N., Hitryuk V.V. (2015). Problema gotovnosti k inklyuzivnomu obrazovaniju roditeli' obuchayushih [The problem of readiness for inclusive education of parents of students]. Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo universiteta im. I. Kanta [*Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*]. 11. C. 54-62.
19. Suslova T.F. (2015). Osobennosti vsaimootnosheniya s rebenkom I okruzhayushim mirom materei, vospityvayushih detei s rasstroistvomami atisticheskogo spectra [Features of the relationship with the child and the outside world of mothers raising children with autism spectrum disorders]. Novye iformazionnye tehologii b nauke. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferenzii [*New information technologies in science. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference*]. Ufa: Nauchno-izdatel'skii zentr "Aeterna" [Ufa: Scientific and Publishing Center "Aeterna"]. pp. 222-226.
20. Witte J. (2017) Autistische Kinder haben Recht auf individuelle Förderung // Die Zeitung "Welt", Online-Version vom 19.04.2017. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.welt.de/regionales/hamburg/article163805813/Autistische-Kinder-haben-Recht-auf-individuelle-Foerderung.htm> (Дата обращения 08.10.2018).
21. Zaharova T.V., Aleshina B.A. (2013). Problema otnosheniya roditeli' detei doshkol'nogo vosrasta k inklyuzivnomu obrasovaniju [The problem of the attitude of parents of preschool children to inclusive education]. Cherepovezkie nauchnye cytenija. Pedagogika. Psihologija. Metodika pheapodavaniya [*Cherepovets scientific readings. Pedagogy. Psychology. Method of teaching*]. Cherepovez: SHGU. pp.54-55.

УДК 316

Социально-психологический феномен доверия к информации

Шанин Николай Михайлович

Независимый исследователь;
e-mail: Shanin_Nikolay@mail.ru

Аннотация

В работе показано, что доверие к информации как социально-психологический феномен в условиях трансформации социальных связей все больше становится актуальным направлением для исследования, как с позиции самых простых лабораторных экспериментов изучения социальной дилеммы ожидание-риск, так и со стороны изучения сложнocomпонентных аспектов допаминовой реакции на формирование и поддержание доверия. В настоящее время уже обозначены положения, согласно которым, формирование доверия представляет собой замкнутый цикл, где последовательно происходит переключение между стадиями вознаграждение-стратегия-предательство-надежность. Названные действия, повторяющиеся с определенной последовательностью и периодичностью, позволяют людям избегать риска, а также, приобретать новые знания за счет развития отношений доверия.

Помимо этого, показано, что наиболее распространенная и устоявшаяся в течение второй половины прошлого века, концепция двухступенчатого формирования отношения доверия информации, состоящая в последовательности: «официальные источники – лидеры мнений – потребители информации», говорит о том, что под воздействием процессов глобализации происходит трансформация роли лидеров мнений. Ранее лидерам мнений относились авторитетные люди в рамках определенного социального класса. В настоящее время, в условиях усиливающейся социальной изоляции, их замещают виртуальные знакомые в социальных сетях. Все это приводит к тому, что доверие к информации становится все более значимой областью изучения социально-психологических исследований.

Для цитирования в научных исследованиях

Шанин Н.М. Социально-психологический феномен доверия к информации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 78-86.

Ключевые слова

Доверие, доверие к информации, допаминовые реакции, потребители информации, социальная изоляция.

Введение

Доверие к информации является значимым социальным явлением, изучение которого осуществляется в различных разделах психологии. В настоящее время, в современной литературе предложено значительное количество социально-когнитивных моделей доверия к информации. Названные модели рассматривают категорию доверия в рамках различных подходов к концепции личности, а именно, нейропсихологии, психологии личности и социальной психологии. Вместе с тем, до настоящего момента нет комплексной модели, отражающей все аспекты данного явления.

В значительной степени модели доверия к информации основаны на определении взаимосвязи между внутренними и внешними атрибутами, вызывающими доверие. К этим атрибутам могут относиться такие компоненты как, компетентность, безопасность, социальный капитал источника информации [Amgoud, Demolombe, 2014]. То есть, ключевым в современных моделях доверия является изучение феномена убеждения человека в достоверности источника информации путем декомпозиции источников доверия. При этом, исследовательская проблема фокусировалась именно в области исследования различной природы источников веры в их достоверность [Krueger, Meyer-Lindenberg, 2018].

В результате, в современных исследованиях сформулированы методологические подходы к определению индекса доверия к информации на основании субъективной оценки ряда показателей - внешних и внутренних атрибутивных признаков [Amgoud, Demolombe, 2014]. Соглашаясь с тем, что доверие, как психологический феномен, имеет сложный компонентный состав, отметим, что выявление его значимых признаков наиболее приемлемо, именно в вероятностном отношении. Причиной этого, является то, что выбор субъекта доверять источнику информации или нет определяется в том числе и за счет случайных факторов. Кроме того, весьма значимым является тот факт, что для повышения доверия к информации могут быть использованы различные внешние манипуляции, например субъект может принимать решения о доверии находясь в различных условиях.

Однако в современных условиях феномен доверия к источникам информации, в том числе таким как СМИ, претерпевает существенные изменения. Все меньше доверия высказывается в пользу официальных источников информации, и все больше доверия завоевывают альтернативные источники информации, не обладающие сопоставимой с крупнейшими СМИ инфраструктурой и ресурсами, например, видеоблогеры YouTube. Очевидно, что компонентный состав источников доверия в данном случае принципиально другой, следовательно, чувство доверия возникает благодаря иным механизмам. В этих условиях возникает необходимость пересмотра концептуальных основ изучения феномена доверия к информации. Это может выражаться, например, в более глубоком изучении связей между источником информации и ее содержанием, а также поискам социально-психологических факторов, являющихся причинами ее трансформации.

Категория доверия в психологии

В значительном количестве исследований показано, что доверие является компонентом межличностных отношений и проникает во все аспекты социальной жизни. Доверие делает общество более открытым, благодаря чему у граждан такого общества возникает чувство

благополучия, что в свою очередь способствует принятию гражданами рациональных решений. Примером опасности усиливающегося недоверия к информации является расширение круга лиц, отказывающихся от вакцинации (как взрослых, так и детей), что приводит к существенному повышению риска их жизни и здоровью.

Однако в то же время доверие к другому человеку ассоциируется с неопределенностью, которой могут воспользоваться как отдельные личности, так и отдельные социальные группы. Так, в настоящее время не являются системно изученным вопрос, является ли постоянный рост рынка альтернативной медицины и экзотических услуг в мире в целом, отражением проблем доверия к официальным институтам здравоохранения, или наличием развитого доверия в обществе, позволяющего доверять вне зависимости от официального признания института [Thai, 2018].

Доверие является предметом исследования в значительном количестве работ в области психологии и социологии, в которых было сформулировано определение данного явления. Так, согласно самому общему определению, межличностное доверие включает в себя готовность принять риски, основанные на ожидании положительного результата в отношении поведения другой стороны.

Соглашаясь с данным определением, отметим, что доверие к информации и ее источникам, может изучаться с применением различных методологических подходов, как на уровне самых простых социальных взаимодействий, как явление психофизиологии. Поэтому, для комплексной оценки феномена доверия к информации необходимо исследовать данное явление как в структуре личности, так и в динамике его развития в обществе.

Концептуальные основы нейропсихологической модели доверия

Как было показано выше, феномен доверия в целом изучается в психологии с применением различного методологического аппарата. Этот аппарат включает как простые социальные взаимодействия, так и воздействия выработки гормонов-нейротрансмиттеров на соответствующие участки мозга в процессе формирования доверия.

На основании современных исследования можно сказать, что концептуально модель доверия включает в себя 5 основных уровней, содержание которых приведено в таблице 1.

Таблица 1 – Структура нейропсихологической модели доверия

Уровень	Содержание уровня
Бихевиористский	Изучение посредством лабораторных игр на доверие
Психологический	Исследование компонентов доверия
Нейрофункциональный	Оценка влияния на доверия социальных связей
Нейрохимический	Оценка влияния на доверие гормонов - нейротрансмиттеров
Нейрогенетический	Оценка влияние на доверие генетической предрасположенности к выработке гормонов - нейротрансмиттеров

Обобщено на основании источников: Krueger, F., & Meyer-Lindenberg, A. (2018). Toward a Model of Interpersonal Trust Drawn from Neuroscience, Psychology, and Economics. *Trends in neurosciences*; Castelfranchi, C., Falcone, R., & Pezzulo, G. (2003, July). Trust in information sources as a source for trust: a fuzzy approach. In *Proceedings of the second international joint conference on Autonomous agents and multiagent systems* (pp. 89-96). ACM.

На уровне простых социальных взаимодействий, таких как игры на доверие, исследуются фундаментальные основы доверия в лабораторных условиях. Суть данных экспериментов заключается в выявлении характеристик социальной дилеммы, в которой одна сторона (доверитель) уязвима перед риском предательства, который определяется на основании ожиданий действий с другой стороны, предполагающих получение определенного ожидаемого вознаграждения в будущем. В результате ряда лабораторных экспериментов было выявлено, что доверие является стратегией личности, позволяющей снижать риски. Также было выявлено, что формирование доверия всегда связано с ожиданием определенной выгоды.

На психологическом уровне определяются следующие компоненты доверия:

- предательство;
- награда;
- неопределенность;
- стратегия;
- надежность.

Данные компоненты связаны со такими психологическими системами как мотивация и познание. Структурно они образуют следующую схему (рисунок 1), где последовательно проходят данные стадии в замкнутом цикле. Определение некоторого явления или процесса как надежного приводит к получению вознаграждения, которая формирует определенную стратегию поведения, действующую до момента понимания ее ограничений и выражающееся в предательстве, в результате которого возникает новое понимание надежности.

Ожидание вознаграждения контрастирует с риском предательства и создает неопределенность, которая связана с уязвимостью доверия другому человеку или социальному институту.

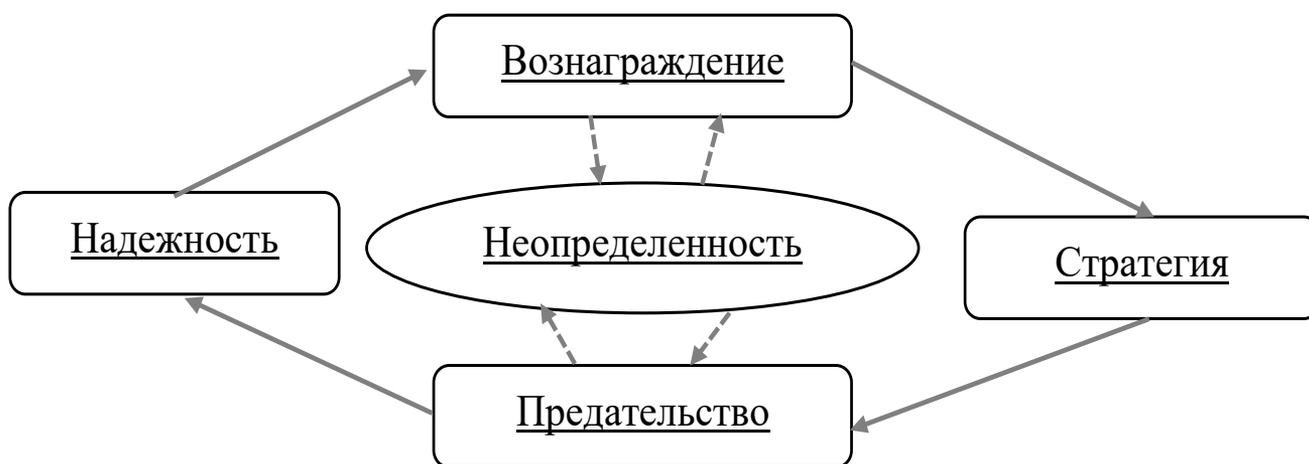

Рисунок 1 – Компоненты категории доверия

Для уменьшения неопределенности используются два типа рациональности - экономическая и социальная [Krueger, Meyer-Lindenberg, 2018]. В случае, если доверие мотивировано внешними стимулами, то оно становится экономически рациональным выбором личности, преследующей свои интересы. То есть, мотивацией доверия является ожидание награды за счет избегания неопределенности.

В случае, если доверие мотивировано внутренними стимулами, то оно является социально рациональным, способствующими успешности отношений и оценки принадлежности к группе. Доверитель социально мотивирован с целью получения выгоды за счет преодоления социального риска.

На нейрофункциональном уровне, основываясь на знаниях нейробиологии возникает доверие в результате взаимодействия психологических составляющих системы, которые задействуют крупные мозговые центры: награды, сети распознавания ситуаций, сети действий по умолчанию в центральной нервной системы. В результате их взаимодействия, образуется следующий механизм: мотивационная система вовлекает центр награды с целью того, чтобы определить насколько возможно и привлекательно ожидаемое вознаграждение за доверие. Кроме того, в процессе доверия задействуется система когнитивного контроля для принятия контекстно-ориентированных стратегий и система социального познания для оценки надежности объекта доверия.

На нейрхимическом уровне исследуется воздействие на выработку дофамина при формировании и поддержании доверия. На генетическом уровне определяется возможность вовлечения в отношения, предполагающие наличие доверия.

Таким образом, доверие образуется посредством повторяющихся взаимодействий, основанных на знаниях и доверии к собственной идентификации. В этих условиях люди сталкиваются с неоднозначными ситуациями в рамках которых определяются рациональные расчеты рисков и выгод от создания и поддержания доверительных отношений. При этом, доверительные отношения перерастают в знания, основанные на доверии.

Исследования в области социологии указывают на то, что уровень доверия, который может проявляться как «горизонтальные» (например, между членами семьи) и «вертикальные» доверительные взаимодействия между людьми и институтами (например, между гражданами и СМИ, государственной властью, политическими и религиозными организациями), является уникальным идентификатором, характеризующим состояние общества.

Следовательно, необходимо дальнейшее изучение психофизиологической концепции модели доверия в целом, и отдельных функций мозга, с позиции определения взаимодействия крупных сетей, участвующих в создании и поддержании доверительных отношений. В то же время, создание модели доверия в целом, как по отношению к информации, так и к действиям отдельных людей или институтов, может привести к совершенствованию социальной структуры взаимоотношений в обществе, и стать одним из ключевых условий его развития.

Психологический феномен доверия к информации

Говоря о психологическом феномене доверия к информации необходимо выделить, что данное явление рассматривается как в отношении новостей, публикуемых в различных СМИ, так и информации относительно различных аспектов социальной жизни, например, здоровья.

Впервые модели доверия к информации СМИ были исследованы в ходе президентских выборов в США в 1940-х, когда была обнаружена двухступенчатая модель формирования доверия согласно которой политическая информация распространяется посредством передачи информации на первом шаге от СМИ к заслуживающим доверия личностям, а на втором - передачу информации от них к проявляющим интерес людям.

В дальнейшем, в исследованиях 1950-х было показано, что межличностное общение для людей существенно более ценно, в аспекте доверия к источникам информации, чем новости,

передаваемые посредством СМИ. При этом, было показано, что для того, чтобы вызвать доверие, «лидеры мнений» должны иметь аналогичный социальный статус с людьми, испытывающими к ним доверие.

В настоящее время развитие социальных сетей привело к тому, что восприятие лидерства приводит к восприятию новостного контента, посредством социальных сетей, а не официальных СМИ.

В исследованиях за последние 10 лет было показано, что общество стало проявлять меньше доверия к информации в целом и новостям в частности. При этом в качестве причины была определена проблема увеличения отрицательного отношения к образованию и снижению его качества, как проблема доверия к информации в целом, и к СМИ в частности. В целом, исследования указывают на устойчивое снижение общественного доверия ко всем институтам, осуществляющим передачу информации.

В современных условиях разнообразия СМИ проблема достоверности новостей зависит от их составляющих. Так, например, в современных условиях средства массовой информации выбираются потребителями новостей в зависимости от доверия, которое, принято разделять на доверие к контенту, непосредственно СМИ, и владельцам СМИ. Однако в то же время, изучение доверия по отношению к различным элементам передачи информации, в настоящее время, не является насколько значимым, как оценка самого механизма возникновения доверия в информационных взаимоотношениях личности с различными общественными институтами.

Таким образом, современные социальные и технологические изменения стали причиной для возникновения теоретических проблем реализации, достаточно устойчивой в психологии и социологии, двухступенчатой модели формирования доверия к информации. В частности, данные проблемы связаны с появлением инструментов микротаргетинга, в которых профессиональные коммуникаторы распространяют сообщения обращаясь непосредственно к определенным людям, заинтересованным в получении той или иной информации. На процесс трансформации механизма возникновения доверия также оказывает внимание усиливающаяся социальная изоляция людей, сокращение социальных связей, и трансформация имеющихся связей, в пользу виртуального общения. В этих условиях потребители информации выбирают уникальный состав медиа-контента, которому оказывают доверие, и основываются на собственных суждениях относительно той или иной проблемы.

Таким образом, согласно современным исследованиям двухступенчатая модель доверия к информации, в современных условиях, фактически замещается на одноступенчатую, в которой люди не опираются в выборе объекта доверия на «лидеров мнений». Однако, согласно другим исследованиям, сам институт лидерства мнений претерпел изменения. Так, например, в настоящее время возможности дистанционного общения позволяют осуществлять более близкое межличностное общение. Например, доказано в ряде эмпирических исследований, что пользователи социальных сетей при поиске информации с целью покупки в большей степени склонны полагаться на мнение знакомых. В отношении новостей, потребители обращают внимание на те из них, которые получены посредством рекомендаций лидеров общественного мнения. Таким образом, увеличивающаяся диверсификация современного медиарынка делит потребителей на отдельные ниши, при этом информация, полученная от знакомого, считается более достоверной, чем полученная от СМИ.

Все это приводит к тому, что доверие к информации в первую очередь зависит от уровня образования и способностей использовать накопленные знания, в том числе в таких жизненно значимых областях как здоровье и обеспечение личной безопасности.

Заключение

Доверие к информации как социально-психологический феномен в условиях трансформации социальных связей все больше становится актуальным направлением для исследования как с позиции самых простых лабораторных экспериментов изучения социальной дилеммы ожидание-риск, так и с позиции изучения сложнокомпонентных аспектов допаминовой реакции на формирование и поддержание доверия. В настоящее время уже обозначены положения, согласно которым, формирование доверия представляет собой замкнутый цикл, где последовательно происходит переключение между стадиями вознаграждение-стратегия-предательство-надежность. Названные действия, повторяющиеся с определенной последовательностью и периодичностью, позволяют людям избегать риска, а также, приобретать новые знания за счет развития отношений доверия.

Помимо этого, наиболее распространенная и разработанная в течение второй половины прошлого века, концепция двухступенчатого формирования отношения доверия информации, состоящая в последовательности: «официальные источники – лидеры мнений – потребители информации», говорит о том, что под воздействием процессов глобализации происходит трансформация роли лидеров мнений. Ранее лидерам мнений относились авторитетные люди в рамках определенного социального класса. В настоящее время, в условиях усиливающейся социальной изоляции, их замещают виртуальные знакомые в социальных сетях. Все это приводит к тому, что доверие к информации становится все более значимой областью изучения социально-психологических исследований.

Библиография

1. Turcotte J. et al. News recommendations from social media opinion leaders: Effects on media trust and information seeking // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2015. – Т. 20. – №. 5. – С. 520-535.
2. Liu R., Pieniak Z., Verbeke W. Food-related hazards in China: Consumers' perceptions of risk and trust in information sources // *Food Control*. – 2014. – Т. 46. – С. 291-298.
3. Lubetkin E. I. et al. Health literacy, information seeking, and trust in information in Haitians // *American journal of health behavior*. – 2015. – Т. 39. – №. 3. – С. 441-450.
4. Golbeck J. Data We Trust—But What Data? // *Reference & User Services Quarterly*. – 2018. – Т. 57. – №. 3. – С. 196-199.
5. Dubé È., Gagnon D. Trust, Information Sources and the Impact on Decision-Making: The Example of Vaccination // *Confidence and Legitimacy in Health Information and Communication*. – 2018. – Т. 1. – С. 43-65.
6. Thai C. L. et al. Trust in Health Information Sources and Channels, Then and Now: Evidence from the Health Information National Trends Survey (2005–2013) // *eHealth: Current Evidence, Promises, Perils and Future Directions*. – Emerald Publishing Limited, 2018. – С. 43-67.
7. Xingyuan W., Li F., Wei Y. How do They Really Help? An Empirical Study of the Role of Different Information Sources in Building Brand Trust // *Proceedings of the 2009 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference*. – Springer, Cham, 2015. – С. 98-98.
8. Póinhos R. et al. Providing Personalised Nutrition: Consumers' Trust and Preferences Regarding Sources of Information, Service Providers and Regulators, and Communication Channels // *Public health genomics*. – 2017. – Т. 20. – №. 4. – С. 218-228.
9. Sbaffi L., Rowley J. Trust and credibility in web-based health information: a review and agenda for future research // *Journal of medical Internet research*. – 2017. – Т. 19. – №. 6.
10. Amgoud L., Demolombe R. An argumentation-based approach for reasoning about trust in information sources // *Argument & Computation*. – 2014. – Т. 5. – №. 2-3. – С. 191-215.
11. Krueger, F., & Meyer-Lindenberg, A. (2018). Toward a Model of Interpersonal Trust Drawn from Neuroscience, Psychology, and Economics. *Trends in neurosciences*
12. Castelfranchi C., Falcone R., Pezzulo G. Trust in information sources as a source for trust: a fuzzy approach // *Proceedings of the second international joint conference on Autonomous agents and multiagent systems*. – ACM, 2003. – С. 89-96.

Socio-psychological phenomenon of trust in information

Nikolai M. Shanin

Independent researcher;
e-mail: Shanin_Nikolay@mail.ru

Abstract

It is shown that trust in information as a socio-psychological phenomenon in the context of transformation of social ties is becoming increasingly relevant for research from the standpoint of the simplest laboratory experiments to study the social expectancy-risk dilemma, before studying the complex component aspects of the dopamine reaction to building and maintaining trust. At present, there are already formed provisions, according to which the formation of trust is a closed loop, where successive switching takes place between the stages of reward-strategy-betrayal-reliability. These repetitive actions allow people to avoid risk and, through the development of a relationship of trust, acquire new knowledge.

It also shows that the most common and established during the second half of the last century, the concept of a two-step formation of a relationship of trust information "official sources - opinion leaders - information consumers" says that under the influence of globalization processes, the role of opinion leaders, in which treated by reputable people within a particular social class. Currently, in conditions of increasing social exclusion, they are replaced by virtual acquaintances on social networks. All this leads to the fact that the trust information is becoming an increasingly important area of study of social and psychological research.

For citation

Shanin N.M. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskii fenomen doveriya k informatsii [Socio-psychological phenomenon of trust in information]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 78-86.

Keywords

Trust, trust in information, dopamine reactions, consumers of information, social exclusion.

References

1. Amgoud, L., & Demolombe, R. (2014). An argumentation-based approach for reasoning about trust in information sources. *Argument & Computation*, 5(2-3), 191-215.
2. Dubé, É., & Gagnon, D. (2018). Trust, Information Sources and the Impact on Decision-Making: The Example of Vaccination. *Confidence and Legitimacy in Health Information and Communication*, 1, 43-65.
3. Golbeck, J. (2018). Data We Trust—But What Data?. *Reference & User Services Quarterly*, 57(3), 196-199.
4. Liu, R., Pieniak, Z., & Verbeke, W. (2014). Food-related hazards in China: Consumers' perceptions of risk and trust in information sources. *Food Control*, 46, 291-298.
5. Lubetkin, E. I., Zabor, E. C., Isaac, K., Brennessel, D., Kemeny, M. M., & Hay, J. L. (2015). Health literacy, information seeking, and trust in information in Haitians. *American journal of health behavior*, 39(3), 441-450.
6. Póinhos, R., Oliveira, B. M., Van Der Lans, I. A., Fischer, A. R., Berezowska, A., Rankin, A., ... & De Almeida, M. D. (2017). Providing Personalised Nutrition: Consumers' Trust and Preferences Regarding Sources of Information, Service Providers and Regulators, and Communication Channels. *Public health genomics*, 20(4), 218-228.

7. Sbaffi, L., & Rowley, J. (2017). Trust and credibility in web-based health information: a review and agenda for future research. *Journal of medical Internet research*, 19(6).
8. Thai, C. L., Gaysynsky, A., Falisi, A., Chou, W. Y. S., Blake, K., & Hesse, B. W. (2018). Trust in Health Information Sources and Channels, Then and Now: Evidence from the Health Information National Trends Survey (2005–2013). In *eHealth: Current Evidence, Promises, Perils and Future Directions* (pp. 43-67). Emerald Publishing Limited.
9. Turcotte, J., York, C., Irving, J., Scholl, R. M., & Pingree, R. J. (2015). News recommendations from social media opinion leaders: Effects on media trust and information seeking. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 20(5), 520-535.
10. Xingyuan, W., Li, F., & Wei, Y. (2015). How do They Really Help? An Empirical Study of the Role of Different Information Sources in Building Brand Trust. In *Proceedings of the 2009 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference* (pp. 98-98). Springer, Cham.
11. Krueger, F., & Meyer-Lindenberg, A. (2018). Toward a Model of Interpersonal Trust Drawn from Neuroscience, Psychology, and Economics. *Trends in neurosciences*
12. Castelfranchi, C., Falcone, R., & Pezzulo, G. (2003, July). Trust in information sources as a source for trust: a fuzzy approach. In *Proceedings of the second international joint conference on Autonomous agents and multiagent systems* (pp. 89-96). ACM.

УДК 316.6

Динамика социальных представлений студенческой молодежи о массмедиа в период с 2009-2012 по 2017-2018 гг.

Жижина Мария Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: zhizhina5@mail.ru

Аннотация

В отечественной психологической науке последние десять лет наблюдается всплеск исследовательского интереса к проблеме социальных представлений. Свидетельством возросшего интереса служат разнообразная тематика диссертационных работ по изучению социальных представлений, а также большое количество публикаций, посвященных анализу социальных представлений о различных социальных явлениях. В междисциплинарных исследованиях массмедиа преимущественно рассматривается в качестве фактора формирования социальных представлений о том или ином социальном явлении, а между тем сами медиа могут выступать в качестве объекта социальных представлений. Несмотря на достаточно давнюю историю социально-психологических медиаисследований, до сих пор нет широкомасштабных социально-психологических исследований, посвященных изучению социальных представлений личности о массмедиа. Вместе с тем, социальные представления о массмедиа обуславливают организацию социального поведения в медиасреде и влияют на весь процесс взаимодействия человека с массмедиа. В статье проанализированы факторы формирования социальных представлений о массмедиа, представлены результаты эмпирического исследования динамики социальных представлений молодежи о массмедиа. Проанализированы изменения в содержании представлений респондентов о телевидении и интернете за последние 5 лет.

Для цитирования в научных исследованиях

Жижина М.В. Динамика социальных представлений студенческой молодежи о массмедиа в период с 2009-2012 по 2017-2018 гг. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 87-98.

Ключевые слова

Социальные представления, студенческая молодежь, динамика, массмедиа, телевидение, интернет.

Введение

За последние годы в геометрической прогрессии возрастает исследовательский академический интерес к проблемам медиа, о чем красноречиво свидетельствует количество монографий, публикаций, диссертаций; открывшиеся магистерские программы, лаборатории, научные центры; проведение конференций, посвященных медиа тематике.

Отдельно стоит обратить внимание на, что за последние 5 лет в тематике исследований различных организаций, таких как ВЦИОМ, Фонд Общественного Мнения, Левада Центр, Институт современных медиа и др. все чаще фигурирует медиатематика, и, конкретно, вопросы, связанные с изучением уровня доверия и отношения россиян к различным видам СМИ. Большое внимание в исследованиях уделяется также вопросам, касающимся анализа статистики медиапотребления, в целом наблюдается значительный интерес к медиаметрическим исследованиям. Касательно последних необходимо отметить наличие большого количества консалтинговых агентств, специализирующихся на изучении ИТ, телекоммуникационного и медиарынков, ориентированных на анализ статистики медиапотребления аудитории в маркетинговых целях. При этом современные исследователи отмечают, что статистика по медиарынку России характеризуется неупорядоченностью, фрагментарностью и противоречивостью, и данное обстоятельство также связывается с большим количеством консалтинговых агентств.

Основная часть

Обширная практика эмпирических социально-психологических исследований убедительно показывает, что многие исследователи справедливо акцентируют необходимость обновления методологии изучения медиа, важность создания и актуализации концептуально-терминологического аппарата медиаисследований, формирования общего методологического базиса медиатеории. Е.Л. Вартанова выделяет в качестве значимых драйверов, обуславливающих актуальность медиаисследований:

- расширение процесса медиатизации в социальных сферах; доминирование медиапотребления в досуге современного человека;
- формирование новой экономики и превращение медиаиндустрии в важнейшую отрасль, обладающую значительным потенциалом;
- усиление «обратной связи» между производителями и потребителями массмедиа, между профессионалами и любителями, стирание границ между разными акторами при повышении значения профессионализма информационного производства [Вартанова, 2015, 9].

Особое внимание исследователи уделяют вопросам, связанным с медиапотреблением – практикой использования медиа для получения и освоения информации, реализации социальных связей и взаимодействий. Так, например, В.П. Коломиец [Коломиец, 2018] обращает внимание на важность того, как личность в зависимости от собственных культурных норм, уровня медиакультуры декодирует медиаобразы, наполняя их определенными значениями. Данное обстоятельство, по мнению автора, требует от отправителя медиаинформации выстраивания коммуникационных связей: соотнесения своего контента с уровнем культуры потребителя и проведения определенной работы по повышению уровня культуры медиапотребителя. Т.Э. Гринберг, в контексте анализа изменений, происходящих в медиапотреблении, отмечает, что потребительское поведение имеет все более

индивидуализированный характер, отличается непредсказуемостью, высокой мобильностью, ориентацией потребителей на поиск интересного контента в разных источниках, расширением корпуса гражданских журналистов, блогеров, граждан как производителей контента [Гринберг, 2018].

Исследование Д.М. Вьюгиной (2017 г.) по изучению особенностей медиапотребления цифрового поколения показало, что «представители цифрового поколения фактически не взаимодействуют с печатными СМИ, в то время как Интернет становится главным источником новостного, развлекательного и образовательного контента. Основными источниками по типу контента в Интернете оказались различные видеоматериалы (развлекательные ролики, обучающие видео), в первую очередь на каналах YouTube. YouTube стал для поколения Z по активности использования и предпочтительности в качестве медиа своеобразной аналогией традиционного телевидения как самого популярного источника среди более старшего поколения» [Вьюгина, 2017]. Отметим, что в том же в 2017 г. международным коммуникационным агентством PBN Н+К совместно с независимой исследовательской компанией MAGRAM MR было проведено исследование, которое показало, что звезды YouTube вытесняют ТВ-кумиров, а сам YouTube заменяет молодым поиск в интернете [Московичи, 1995].

О том, что медиапотребление смещается в сторону электронных носителей, свидетельствуют многочисленные медиаметрические исследования, которые констатируют, что молодежь становится все более труднодостижимой аудиторией для телевидения, что связывается с распространением интернета, ростом популярности социальных сетей и новых медиа. Медиа уже давно являются неотъемлемой частью образа жизни и стиля жизни человека, медиа занимает основной ресурс времени человека (медиа стало времяобразующим фактором): так по статистическим данным в среднем современный медиапользователь тратит в день от 9 до 11 часов своего времени. В связи со все большей вовлеченностью человека в мир медиа (в потребление и создание медиапродуктов), исследователи справедливо относят медиа к важнейшим институтам социализации личности и отмечают расширение сферы влияния массмедиа на личность и общество в целом.

Развитие информационных технологий способствовало трансформации медиаповедения человека: изменились практики медиапотребления, многократно увеличилась вовлеченность человека в медийный контент, расширились возможности выбора медиаконтента и способов его потребления. Все эти изменения не могли не отразиться на восприятии медиа текстов и отношении аудитории к массмедиа. И, прежде всего, это повлияло на психологию взаимодействия человека и медиа: произошло расширение репертуара информационно-коммуникационных статусов и ролей человека как участника медиапроцесса, характеризующегося взаимопроникновением процессов медиапотребления и коммуникации; производства медиаконтента и коммуникации. Меняющаяся социальная среда изменяет социальные представления о ней.

В контексте нашего исследования мы, вслед за С. Московиси, будем понимать в качестве синонима социальных представлений обыденные знания, мнения, суждения, утверждения, появляющиеся в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Отметим, что, по мнению С. Московиси, социальные представления обязаны своим происхождением именно СМИ и благодаря им же социальные представления играют определяющую роль в формировании и распространении мнений, идей, ценностей и убеждений, представлений о значимых социальных проблемах общества [там же]. Созвучные мысли мы находим у Г.М.

Андреевой, которая отводила громадную и специфическую роль СМИ в процессе социального познания, рассматривая средства массовой информации в качестве канала формирования массового сознания и средства формирования целостного представления о мире. «Тот переход, пишет автор, – от социального познания индивида к социальному познанию группы, который предложен в теории социальных представлений, реализуется прежде всего при помощи средств массовой информации, которые не знают в принципе никаких границ своего действия» [Андреева, 2000, 112].

Социальные представления как источник знаний об отношении к тому или иному социальному объекту уже давно находятся в центре внимания исследователей. Более того, в отечественной психологической науке последние десять лет наблюдается всплеск исследовательского интереса к проблеме социальных представлений. Свидетельством возросшего интереса служат разнообразная тематика диссертационных работ по изучению социальных представлений, большое количество публикаций, посвященных анализу социальных представлений о различных социальных явлениях и объектах.

Вместе с тем, проблема социальных представлений о массмедиа, несмотря на достаточно давнюю историю социально-психологических медиаисследований, до сих пор не получила целостного изучения. В этом множестве, как мы полагаем, целесообразно специально выделить ряд работ, близких обозначенной нами проблематике, которые могут быть полезными для нашего исследования социальных представлений о массмедиа. В их числе психологическое исследование И.Б. Бовиной, С.В. Будыкина, И.В. Дворянчикова, посвященное изучению обыденных представлений родителей и учителей об информационной безопасности детей [Бовина, Дворянчиков, Будыкин, 2016]; исследование А.Б. Купрейченко и Е.В. Шляховой о доверии к электронным массмедиа [Купрейченко, Шляховая, 2012]; мониторинговое исследование, проведенное группой ученых МГППУ по изучению роли виртуальных социальных сетей в жизни современного школьника [Аржаных, 2014]; социологическое исследование М.А. Ермакова об изучении представлений студенческой молодежи об информационном обществе [Ермаков, 2018]; общероссийские мониторинговые исследования «Телевидение глазами телезрителей», осуществляемые под руководством И.А. Полуэхтовой [Полуэхтова, 2012].

Стоит особо выделить научно-исследовательский проект «Журналистика в информационном поле современной России: должное и реальное», выполненный группой сотрудников факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова [Лазутина, 2018]. Целью данного исследования явилось выявление различий в представлениях акторов информационного поля (медиаобщество, государственная власть, аудитория СМИ) относительно места и роли СМИ в обществе, их социальных функций и характера деятельности, об оценках функционирования в данный момент.

Тем не менее, следует еще раз отметить, что до сих пор нет широкомасштабных социально-психологических исследований, посвященных изучению социальных представлений личности о массмедиа, отсутствуют систематические и полные исследования в этой области, несмотря на то, что социальные представления человека о массмедиа определяют его медиаповедение и весь процесс его взаимодействия с массмедиа. Совершенно ясно, что на процесс конструирования представлений о массмедиа влияют различные факторы, и мы, прежде всего, обозначим наиболее значимые из них.

Первая группа факторов связана с влиянием самих массмедиа (в плане позиционирования и презентации своих функций) как важного субъекта и фактора формирования образа и

отношений человека к массмедиа. Сюда относится деятельность самих массмедиа, содержание медиаконтента, профессионализм работников СМИ, имидж работников медиасферы и др. «Это значит, – как писала Г.М. Андреева, – что информация, получаемая человеком через СМИ, не только препарирована в ее содержании, но и пропущена через личность подающего эту информацию, т.е. образ социального мира в каком-то смысле подсказан тем образом, который свойствен коммуникатору. ... «Собственно, перед каждым обыденным человеком социальный мир уже определенным образом «обозначен» средствами массовой информации» [Андреева, 2000, 43]. Это дает основание также считать, что влияние массмедиа на формирование социальных представлений человека носит как целенаправленный, так и незапланированный характер.

Вторая группа факторов, влияющая на формирование представлений человека о массмедиа связана, с индивидуально-психологическими, социально-экономическими, возрастными и гендерными особенностями, а также с повседневными медиапрактиками или опытом взаимодействия человека с массмедиа. Представления о массмедиа на уровне общественного сознания тесно связаны с представлениями личности о своем личном ежедневном опыте взаимодействия с медиа.

Третья группа факторов – это особая сфера референтной группы личности – семья, друзья, одноклассники, коллеги по работе. Уже известно, что на использование личностью тех или иных медиа каналов и источников информации непосредственно влияет характер и содержание межличностных отношений, социально-психологическая атмосфера социальной группы.

К четвертой группе факторов можно отнести всевозможные научно-статистические данные, полученные в результате опросов общественного мнения, медиаметрических и маркетинговых исследований медиа-аудитории, а также публикуемые результаты психологических экспертиз медиапродукции, публикации и выступления экспертов, содержащие данные о влиянии СМИ на конкретного человека и общество в целом.

Как писала Г.М. Андреева в своей работе «Психология социального познания»: «Конструирование социального мира осуществляется не в вакууме. Важную роль в этом процессе играет не только прошлый опыт индивида или группы, но вся система социальных институтов, в которой кристаллизована совокупность разнообразных социальных связей. К таким институтам нужно отнести: семью, школу, средства массовой информации, церковь, различные государственные учреждения» [там же, 89]. При этом Г.М. Андреева подчеркивала, что каждый из этих институтов может оказывать противоречивое по своей направленности воздействие на то, как у человека формируется картина социального мира, акцентируя необходимость подробного анализа роли каждого из институтов. Четвертая сфера – это транслируемые сообщения о деятельности массмедиа самими же медиа (публикации, видеорепортажи, передачи относительно деятельности журналистов, ведущих программ, блогеров). Социальные представления конкретного человека о массмедиа таким образом являются своеобразным интегратором обозначенных выше групп факторов, и являются отражением индивидуальных (собственная позиция личности) и коллективных (общественное мнение) оценок, мнений, суждений в отношении массмедиа.

В своих прежних работах мы уже отмечали, что изучение психологических особенностей социальных представлений о массмедиа – это новая область медиапсихологического анализа, в междисциплинарных исследованиях массмедиа преимущественно рассматриваются в качестве фактора формирования социальных представлений о том или ином социальном явлении, а между тем массмедиа сами могут выступать в качестве объекта социальных представлений, т.е.

в общественном сознании, в свою очередь, существуют определенные представления о массмедиа как о социальном институте, его роли, миссии, эффектах, функциях [Жижина, 2012].

Представляемая работа является продолжением серии исследований социальных представлений молодежи о массмедиа, предпринятого нами в 2009-2012 г. [там же]. Цель данного исследования состояла в том, чтобы проанализировать динамику социальных представлений о массмедиа у молодежной аудитории, и конкретно, о телевидении и интернете в период 2009-2011 г. по 2017-2018 гг. Выбор именно этих двух видов медиа – интернета и телевидения, обусловлен тем, что согласно проведенному предварительному исследованию (2009 г.) в медиапредпочтениях молодежи они занимают лидирующие позиции. Кроме того, необходимо вспомнить о непрекращающихся дискуссиях относительно противостояния телевидения и интернета, и воплощающиеся в таких заголовках публикаций «Интернет против телевидения. Кто выиграет финальную битву?», «Интернет против телевидения: кто кого?», «ТВ-просмотры уходят в интернет, но телевидение остается» и др.

Для реализации поставленной цели мы провели, используя те же методы и методики, исследование (январь 2017 по сентябрь 2018) аналогичное тому, которое проводилось и в 2009-2012 гг. Выборка данного этапа исследования составила также 260 студентов Саратовского государственного университета в возрасте от 17 до 22 лет. Средний возраст участников исследования около 21 года; 62% девушек, 38% юношей. В исследовании были использованы следующие методы и методики: анализ интернет-дискуссий с точки зрения отношения участников обсуждения к различным видам медиа; метод беседы; авторский опросник, включающий в себя 4 блока: первый – ориентирован на анализ ожиданий от массмедиа; второй – оценивает степень доверия к различным медиа; третий – направлен на выявление отношения к различным массмедиа; четвертый – блок направлен на выявление представлений о функциях массмедиа и мере их реализации в действительности.

В исследовании 2018 г. респондентам, как и в 2009 г., было предложено написать 5-7 прилагательных к каждому понятию, представляющему современную медиасреду («интернет» и «телевидение»), которые наиболее полно и точно их характеризуют. Подсчитав частоту упоминаний выделенных респондентами прилагательных к каждому понятию, мы получили список наиболее часто встречающихся описательных прилагательных, которым впоследствии был подсчитан ранг. В результате, в отличие от предыдущего исследования, на понятие «телевидение» было получено 68 неповторяющихся прилагательных (ранее 73 прилагательных) (рисунки 1 и 2); на понятие «интернет» получено 98 прилагательных (ранее 94 прилагательных), т.е. в отличие от предыдущих лет незначительно уменьшилось количество ассоциаций на слово «телевидение» и незначительно увеличилось количество неповторяющихся ассоциаций на слово «интернет». Далее нами был составлен рейтинг лидирующих характеристик респондентов относительно оцениваемых понятий. Сравнительный анализ данных, полученных в 2009 и в 2018 гг. показал, что в представлениях студентов о телевидении произошли изменения.

В характеристиках телевидения, так же, как и в ассоциациях интернета, изменились как сами характеристики, так и соответственно их рейтинг. Если раньше телевидение характеризовалось как информационное, народное, манипулирующее, доступное, однообразное, народное, рекламное, надоедливое, то теперь телевидение воспринимается респондентами как развлекательное, манипулирующее, новостное, однообразное, пропагандирующее, фоновое, рекламное, отвлекающее. Как видно из восьмерки лидирующих ассоциаций исчезли такие характеристики как: «информационное», «доступное», «народное», а вместо них появились следующие характеристики: «новостное», «пропагандирующее», «фоновое», «отвлекающее».

Характеристика «манипулирующее» как и прежде осталась занимать вторую позицию в рейтинге, в отличие от характеристики «информационное», которое вовсе исчезло из рейтинга лидирующих характеристик.

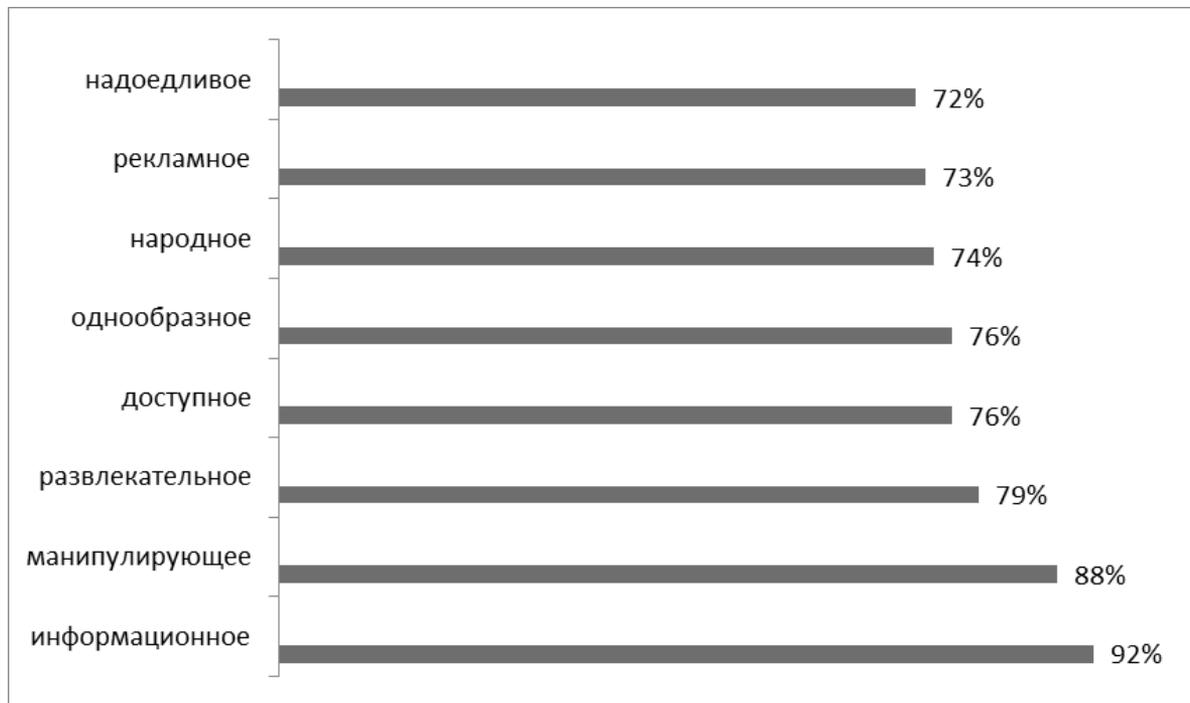

Рисунок 1 – Рейтинг лидирующих характеристик респондентов относительно телевидения (2009-2012 гг.)

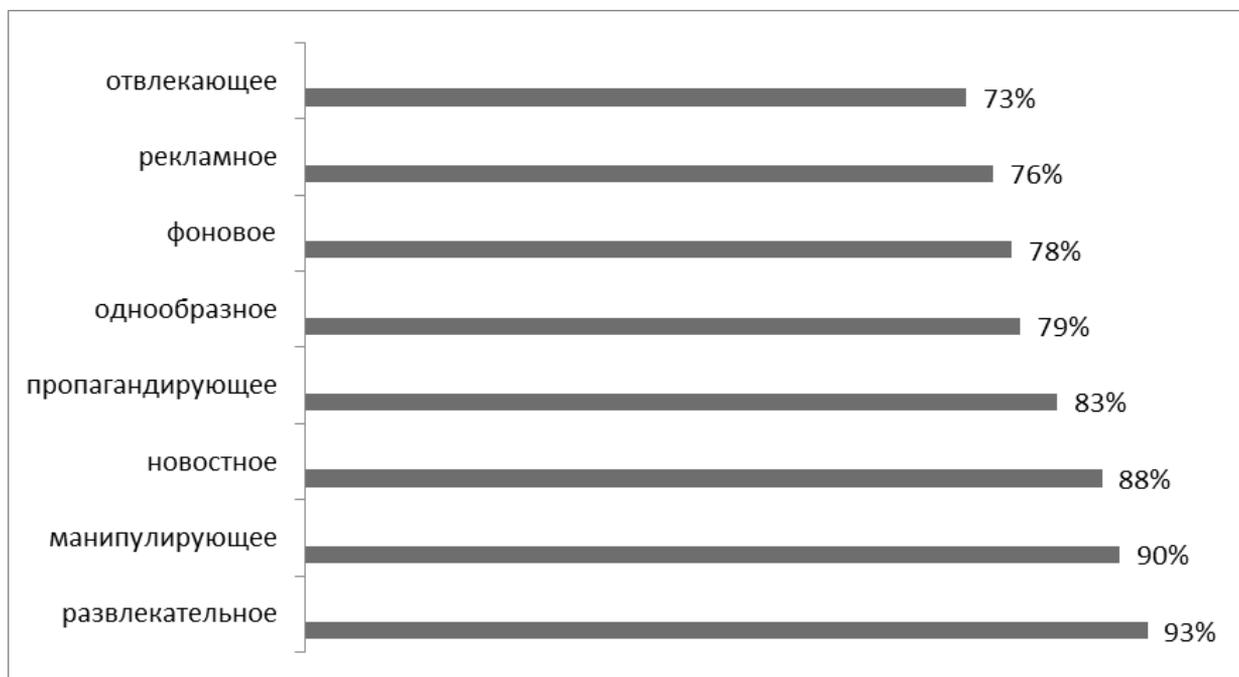

Рисунок 2 – Рейтинг лидирующих характеристик респондентов относительно телевидения (2017-2018 гг.)

Однако теперь на смену характеристики «информационное» пришла характеристика «новостное», которая заняла третье место в рейтинге, что свидетельствует о том, что в представлениях респондентов телевидение все же еще ассоциируется с новостями. Следующую, четвертую позицию по соседству занимает характеристика «пропагандирующее», неудивительно учитывая тот факт, что новости всегда являлись основным инструментом пропаганды. Следующие в рейтинге характеристики: 4 позиция «однообразное», 5 «фоновое», 6 «рекламное» и 7 «отвлекающее» однозначно нельзя отнести к числу позитивных характеристик, но самым важным моментом является отсутствие личностно значимого смысла в характеристиках телевидения и отсутствие пользы для респондента. Из сравнения данных можно сделать вывод, что респонденты не отводят телевидению столь значимого места в своей жизни, наделяя телевидение следующими лично значимыми для себя функциями, такими как «развлечение», «поставщик новостей», «фон» и «отвлечение».

Как видно из двух диаграмм, представленных на рисунках 3 и 4, за пятилетний отрезок времени представления студентов относительно интернета также претерпели изменения. При этом изменился не только *рейтинг лидирующих характеристик* (их последовательность), но изменились и сами прилагательные, точнее появились такие новые характеристики интернета как: «новостной», «необходимый», «полезный» и «вдохновляющий». Если пять лет назад интернет респондентами ассоциировался, с такими понятиями как «современный», «скоростной» и «доступный», и более того, эти характеристики входили в восьмерку лидирующих ассоциаций, то теперь эти ассоциации замыкают ассоциативный ряд и никак не относятся к числу часто встречаемых ассоциаций на слово «интернет». И если раньше характеристика «современный» занимала лидирующую первую позицию, то теперь на ее месте находится характеристика «информационный», а вот характеристика «социальный», по-прежнему осталась на своей второй позиции. Третью позицию в списке рейтинга занимает теперь новая характеристика «новостной».

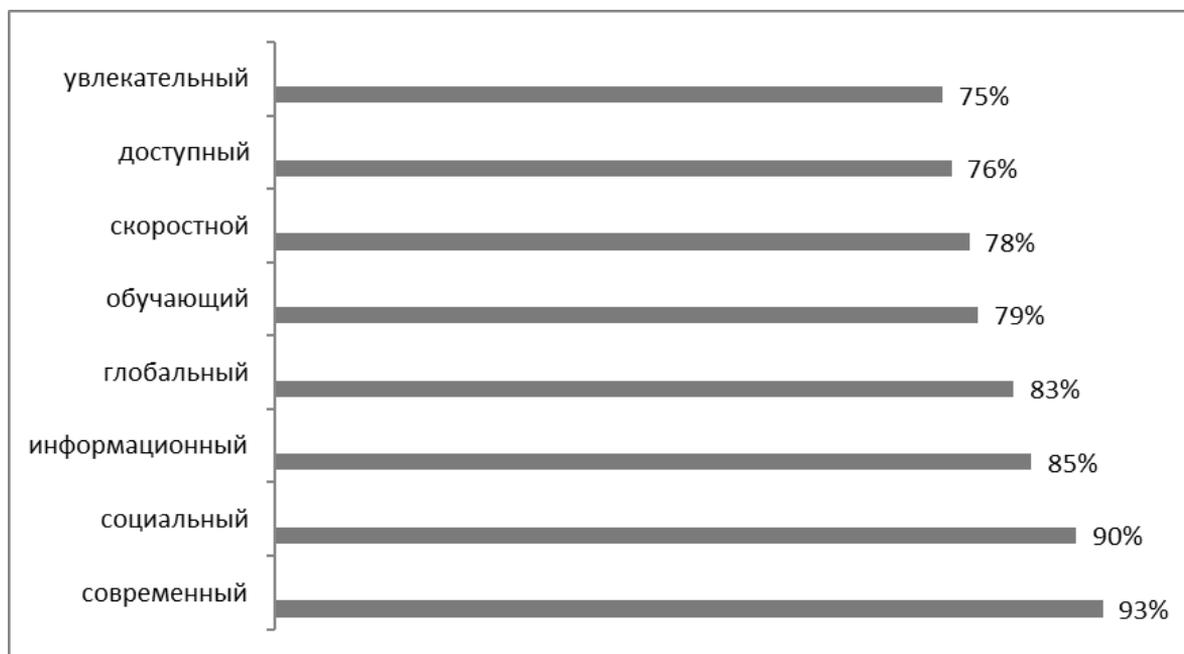

Рисунок 3 – Рейтинг лидирующих характеристик респондентов относительно интернета (2009-2012 гг.)

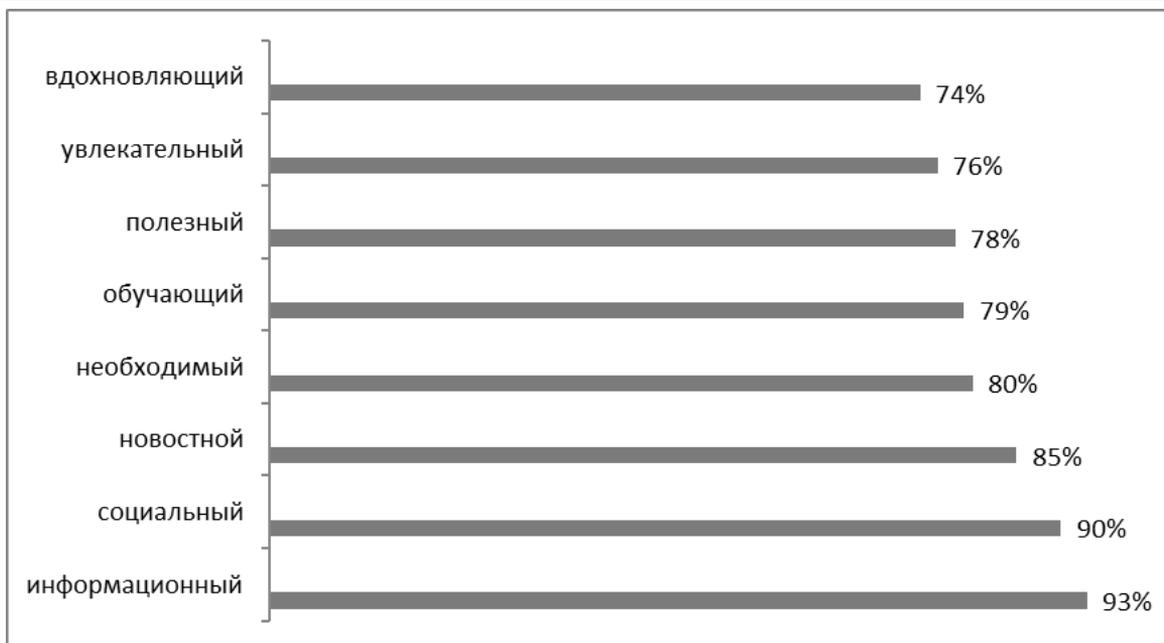

Рисунок 4 – Рейтинг лидирующих характеристик респондентов относительно интернета (2017-2018 гг.)

Судя по тройке лидирующих характеристик интернета: «информационный», «социальный», «новостной», в представлениях студентов интернет предстает, прежде всего, гигантским хранилищем информации, всемирной базой знаний, социальным средством коммуникации, последнее связывается с богатыми возможностями, предоставляемыми социальными сетями не только в плане коммуникации, поддержания социальных связей, контактов, обмена информацией, но и другими возможностями, которые касаются самопрезентации, саморазвития, самопродвижения и продвижения собственного бизнеса.

Кроме того, можно сказать, что в представлениях респондентов интернет является основным источником получения не только информации, но и новостей. Касательно оставшихся пятерке лидирующих в рейтинге характеристик: «необходимый», «обучающий», «полезный», «увлекательный», «вдохновляющий», можно сказать, что интернет стал восприниматься респондентами не только как необходимая, неотъемлемая часть жизни, но и стал наделяться большим количеством позитивных функций, более того, ориентируясь на такие характеристики как «полезный», «вдохновляющий», то можно говорить, что интернет воспринимается как субъективно значимый и наделяется неким личностным смыслом, выполняющих в жизни респондента, в частности, мотивирующую функцию, ориентирует на социальное сравнение, личные достижения, активизирует эмоционально-волевые состояния, и в целом является необходимым, незаменимым помощником в ответах на те или иные вопросы или решении проблем.

Таким образом, в результате сравнения полученных данных можно уверенно заключить, что за прошедшие пять лет интернет стал восприниматься респондентами более позитивно, стал оцениваться как необходимая полезная составляющая жизни и наделяться респондентами более положительными характеристиками, нежели телевидение, которое не воспринимается в качестве незаменимого атрибута жизни, а скорее, как вид медиа, играющего развлекательную роль, транслирующего новости и обладающего большими манипулирующими и

пропагандирующими возможностями. Наши данные вполне согласуются с результатами проведенных инициативных всероссийских опросов ВЦИОМ в 2014-2016 гг., которые показали тенденцию ухода большей части молодой аудитории в потребление информации через интернет, укреплению позиции интернета в качестве источника информации. Так, по данным опросов для 62% россиян в возрасте от 18 до 24 лет основным источником информации является интернет. «И если ранее традиционные источники информации (в первую очередь ТВ), по мнению наших граждан, считались более объективными и заслуживающими доверия, то и этот показатель в последние годы снижается».

Заключение

Таким образом, содержание социальных представлений об интернете и телевидении претерпело важные изменения: сегодня интернет воспринимается молодежной аудиторией лично значимым пространством, транслирующим определенные смыслы и ценности, обладающим мотивирующим потенциалом, необходимым атрибутом современной жизни, одна из наиболее любимых досуговых практик молодежи, не имеющего альтернативных замен. Представляется важным, что несмотря на то, что интернет, по мнению респондентов, превосходит любые другие источники информации, и отношение к нему более позитивное, нежели к телевидению, все же следует отметить, что респонденты (вероятно, в связи с большим количеством фейковых новостей, маркетинговых уловок, манипулирующих эпатажных заголовков статей) избирательно больше доверяют информации, размещенной в интернет-сети.

Библиография

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 289 с.
2. Аржаных Е.В. и др. Роль виртуальных социальных сетей в жизни современного школьника. Отчет по итогам НИР. М., 2014. 107 с.
3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. №1. С. 77-86.
4. Вартанова Е.Л. К вопросу о медиаисследованиях как актуальной области научного знания // Медиа-альманах. 2015. № 2 (67). С. 8-10.
5. Вьюгина Д.М. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2386>
6. Гринберг Т.Э. Трансформации поведения, медиапотребления и ожиданий аудиторий связей с общественностью // Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 412- 413.
7. Ермаков М.А. Социальные ориентации и представления студенческой молодежи об информационном обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2018. 17 с.
8. Жижина М.В. Исследование взаимосвязи социальных представлений о массмедиа с медиаповедением личности // Социосфера. 2012. № 2. С. 43-51.
9. Коломиец В.П. Медиапотребление – коммуникативная практика преодоления цифрового неравенства // Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия. Сборник материалов международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 539-540.
10. Купрейченко А.Б., Шляхова Е.В. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа // Психолого-педагогические исследования. 2012. №1. С. 370-380.
11. Лазутина Г.В. (ред.) Журналистика в информационном поле современной России: должное и реальное. М.: Аспект Пресс, 2018. 176 с.
12. Московичи С. Социальное представление: Исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3-18; № 2. С. 3-14.
13. Полуэхтова И.А. Телевидение в общественном мнении и повседневной жизни россиян // Знание. Понимание. Умение. 2012. №2. С. 166-172.

Dynamics of Student Youth's Social Perception of Mass Media in Periods of 2009-2012 and 2017-2018

Mariya V. Zhizhina

PhD in Pedagogy,
Associate Professor,
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky,
410012, 83, Astrakhanskaya st., Saratov, Russian Federation;
e-mail: zhizhina5@mail.ru

Abstract

For the past 10 years, there has been a surge of research interest in the problem of social perceptions in the domestic psychological science. The evidence of the growing interest is the variety of topics of scientific dissertations on the study of social perceptions, as well as a great number of publications on the analysis of social perceptions of various social phenomena. In interdisciplinary research, mass media is primarily regarded as a factor of shaping social views about a particular social phenomenon; meanwhile, the media themselves can act as an object of social perception. Despite the long history of social and psychological media research, there has been no large-scale social and psychological research on the study of individuals' social perceptions of media. At the same time, social perceptions of mass media determine the organization of social behavior in the media environment and influence the whole process of human interaction with mass media. The article analyzes the factors of shaping social views on mass media and presents the results of an empirical study of the dynamics of young people's social views of mass media. This work also analyzes the changes in the respondents' views on television and Internet over the past 5 years.

For citation

Zhizhina M.V. (2018) Dinamika sotsial'nykh predstavlenii studencheskoi molodezhi o massmedia v period s 2009-2012 po 2017-2018 gg. [Dynamics of Student Youth's Social Perception of Mass Media in Periods of 2009-2012 and 2017-2018]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 87-98.

Keywords

Social perceptions, student youth, dynamics, mass media, television, Internet.

References

1. Andreeva G.M. (2000) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press Publ.
2. Arzhanykh E.V. et al. (2014) *Rol' virtual'nykh sotsial'nykh setei v zhizni sovremennogo shkol'nika. Otchet po itogam NIR* [The role of virtual social networks in the life of the modern student. Report on the results of research]. Moscow.
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. (2016) Informatsionnaya bezopasnost' detei v obydennom ponimanii roditel'ei i uchitelei [Information security of children in the ordinary understanding of parents and teachers]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [PFUR Herald in Pedagogy and Psychology], 1, pp. 77-86.

4. Ermakov M.A. (2018) *Sotsial'nye orientatsii i predstavleniya studentcheskoi molodezhi ob informatsionnom obshchestve. Doct. Dis.* [Social orientations and ideas of the student youth about the information society. Doct. Dis.]. Nizhny Novgorod.
5. Grinberg T.E. (2018) Transformatsii povedeniya, mediapotrebleniya i ozhidaniy auditorii svyazi s obshchestvennost'yu [Transformations of behavior, media consumption and expectations of public relations audiences]. In: *Zhurnalistika v 2017 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Journalism in 2017: creativity, profession, industry. Collection of materials of the international scientific-practical conference]. Moscow.
6. Kolomiets V.P. (2018) Mediapotreblenie – kommunikativnaya praktika preodoleniya tsifrovogo neravenstva [Media consumption is a communicative practice of overcoming digital inequality]. In: *Zhurnalistika v 2017 godu: tvorchestvo, professiya, industriya. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Journalism in 2017: creativity, profession, industry. Collection of materials of the international scientific-practical conference]. Moscow.
7. Kupreichenko A.B., Shlyakhovaya E.V. (2012) Doverie k informatsii kak faktor doveriya k elektronnyim mass-media [Confidence in information as a factor of confidence in electronic mass media]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 1, pp. 370-380.
8. Lazutina G.V. (ed.) (2018) *Zhurnalistika v informatsionnom pole sovremennoi Rossii: dolzhnoe i real'noe* [Journalism in the information field of modern Russia: due and real]. Moscow: Aspekt Press Publ.
9. Moskovichi S. (1995) Sotsial'noe predstavlenie: Istoricheskii vzglyad [Social View: A Historical Perspective]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 16, 1, pp. 3-18; 2, pp. 3-14.
10. Poluekhova I.A. (2012) Televidenie v obshchestvennom mnenii i povsednevnoi zhizni rossiyan [Television in public opinion and everyday life of Russians]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2, pp. 166-172.
11. Vartanova E.L. (2015) K voprosu o mediaissledovaniyakh kak aktual'noi oblasti nauchnogo znaniya [On the issue of media research as a relevant area of scientific knowledge]. *Media-al'manakh* [Media Almanac], 2 (67), pp. 8-10.
12. V'yugina D.M. (2017) Osobennosti mediapotrebleniya tsifrovogo pokoleniya Rossii [Features of media consumption of the digital generation of Russia]. *Mediascope* [Mediascope], 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2386> [Accessed 10/10/2018]
13. Zhizhina M.V. (2012) Issledovanie vzaimosvyazi sotsial'nykh predstavlenii o massmedia s mediapovedeniem lichnosti [The study of the relationship of social ideas about mass media with the media behavior of the individual]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2, pp. 43-51.

УДК 159.9

Психологические проблемы семьи ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями

Цапина Светлана Юрьевна

Аспирант,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
127051, Российская Федерация, Москва, ул. Сретенка, 29;
e-mail: tcapina@bk.ru

Аннотация

В проведенном исследовании изучалась зависимость семейной структуры и психологического состояния родителей от психофизического состояния ребенка. Использованы: методика психолого-педагогического обследования детей Е.А.Стребелевой; «Шкала депрессии» А. Бека; тест «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; методика «Незаконченные предложения»; авторская методика «Возможности ребенка». Исследовано 76 семей. В целевую группу вошли 39 детей с тяжелыми психофизическими нарушениями в возрасте 2-7 лет и 46 взрослых членов семей; в контрольную группу – 37 взрослых, воспитывающих здоровых детей 2-7 лет. Выявлена проблематика, типичная для родителей ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями: трудности с принятием состояния ребенка, искажение представлений о будущем и смысложизненных ориентаций. Типичными психологическими проблемами данного типа семей также являются: угнетенное эмоциональное состояние родителей, чрезмерная фиксация на проблемах ребенка, дисгармония семейных отношений, снижение стремления матерей к личностному росту. Отмечается низкая активность родителей в поиске ресурсов. В ходе исследования определены типы переживания жизненной ситуации, конкретизированы соответствующие выявленным типам направления психологического сопровождения. Конкретизированы задачи психологической помощи, разработаны методы психокоррекционного вмешательства. Установлена эффективность разработанных методов психологического сопровождения.

Для цитирования в научных исследованиях

Цапина С.Ю. Психологические проблемы семьи ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 99-106.

Ключевые слова

Ребенок с психофизической патологией, ДЦП, тяжелая умственная отсталость, психологические проблемы семьи, депрессия, психологическая помощь.

Введение

Одной из важнейших задач современного общества признано укрепление института семьи. Согласно системной семейной теории, изменения, связанные с одним из членов семьи, отражаются на каждом члене семьи и на семье в целом [Эйдемиллер, Юстицкис, 2008]. В частности, несомненно влияние нарушений развития ребенка на всю его семью и на отдельных ее членов.

Современные исследования состояния здоровья детского населения говорят о неуклонном росте числа детей, имеющих различные нарушения развития. Рождение аномального ребенка является мощным психотравмирующим фактором, что подтверждается многими исследованиями: показано, что узнавание диагноза вызывает у родителей шок и личностную дезинтеграцию, психоэмоциональное состояние родителей резко ухудшается. Рождение ребенка с нарушениями создает в семье трудную жизненную ситуацию, которая действует на семью на всех уровнях и с высокой вероятностью определяет потребность семьи в психологической помощи [Сагдуллаев, 2007; Эйдемиллер, Юстицкис, 2008]. Часто семья дезадаптируется: по данным В.В. Ткачевой, в 32 % случаев после рождения больного ребенка браки распадаются [Левченко, Ткачева, 2008]. Не только отношения между супругами, но и отношения между родителями и детьми принимают деформированный характер: современные исследования, посвященные взаимодействию в диаде мать-ребенок, говорят об отличии детско-родительских отношений от нормальных в семьях, воспитывающих детей с нарушениями здоровья, уже на этапе новорожденности и младенчества [Мухамедрахимов, 2003]. Часто у родителей формируется сверхценное отношение к тяжело больному ребенку: смысл существования сводится к опеке над ребенком, в чем родители видят оправдание и объяснение нереализованных жизненных целей [Буянов, 1988].

Особенно трудной является жизненная ситуация семьи ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, то есть с совокупностью физической и психической патологии, обусловленной грубыми органическими поражениями. Состояние здоровья такого ребенка характеризуется выраженностью и стойкостью нарушений, заболевания часто носят прогрессивный характер [Лильин, Доскин, 2011]. Такой ребенок полностью зависит от посторонней помощи, нуждается в постоянном уходе и обслуживании на протяжении всей жизни [Басилова, 2007; Забрамная, Исаева, 2012; Маллер, Цикото, 2003]. Родители вынуждены совмещать обязанности по уходу и по материальному обеспечению семьи, а в случае, когда уход за ребенком является особо ресурсоемким, ухаживающий взрослый вынужден полностью прервать ранее осуществлявшуюся профессиональную и социальную самореализацию. Специфика семейной ситуации во многом определяется ограничением потенциала психического развития ребенка, обусловленным грубой патологией центральной нервной системы. Значительные ограничения жизнедеятельности ребенка определяют отсутствие сколько-нибудь значимых перспектив для реабилитации. У ребенка нет перспективы в будущем стать самостоятельной, автономной от внешней помощи личностью, что деформирует временную перспективу всей семьи. Обычные задачи, решение которых обеспечивает успешное развитие ребенка, теряют для такой семьи свою актуальность. Однако это не значит, что нет возможности улучшить качество жизни как ребенка, так и всех членов семьи.

Анализ отдельных проблем и вопросы адаптации семьи ребенка с нарушениями в той или иной степени были затронуты во многих исследованиях [Левченко, Ткачева, 2008; Мастюкова, Московкина, 2003; Сагдуллаев, 2007; Стребелева, Мишина, 2016]. На основании проведенных исследований разработаны некоторые модели комплексного сопровождения семьи. Однако на

сегодняшний день вопросы адаптации семьи, воспитывающей ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, все еще недостаточно изучены. В современной практике работы специалистов с семьей преобладает коррекционно-педагогическая составляющая. Хотя она и очень важна, но, в силу тяжести состояния ребенка, зачастую побуждает родителей к недостижимым целям, что не способствует принятию ими состояния ребенка. Потребность родителей в реализации их воспитательской функции фрустрируется, их собственные психологические проблемы остаются нерешенными. Четкая методология психологической и психотерапевтической помощи семье ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, ориентированной как на ребенка, так и на остальных членов семьи, в настоящее время отсутствует. В связи с этим нами под руководством А.Л. Венгера было предпринято исследование психологических проблем такой семьи. В исследовании были поставлены следующие задачи:

Выявить и систематизировать психологические проблемы семьи ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, определить варианты переживания родителями жизненной ситуации.

Определить направления психологической помощи семье ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, соответствующие выявленным психологическим проблемам.

Разработать психокоррекционные методы и экспериментально проверить их эффективность.

Организация и ход исследования

Площадкой для проведения исследования стал Евпаторийский детский клинический санаторий (Крым), в который приезжают на лечение дети с детским церебральным параличом из различных регионов. Включение семьи в исследование осуществлялось на основании анализа медицинской документации (решение принимали совместно психолог и лечащий врач). Критерием отбора являлись тяжелые формы ДЦП в сочетании с тяжелой или глубокой степенью умственной отсталости (диагнозы детей получены из медицинской документации – санаторно-курортных карт детей), возраст детей 2–7 лет.

В исследовании приняли участие 76 семей: группу исследования составили 39 семей детей с тяжелыми психофизическими нарушениями (39 детей, 36 матерей, 3 бабушки, 7 отцов), контрольную группу – 37 семей здоровых детей (30 матерей, 7 отцов). Всего в исследовании приняли участие 122 человека: 39 детей с психофизическими нарушениями и 83 взрослых.

Исследование включало:

Констатирующую часть: обследование ребенка и родителей с помощью пакета методик, в том числе авторской методики оценки соответствия представлений родителей о возможностях ребенка его реальным возможностям.

Психокоррекционное вмешательство, соответствующее результатам обследования, и наблюдения в процессе психокоррекционной работы.

Контрольное обследование по завершении психокоррекционного вмешательства.

Для обработки данных использовались качественный анализ и статистическая обработка данных с помощью программ Microsoft Excel и SPSS.

Для психолого-педагогического обследования детей использовалась методика Е.А. Стребелевой [Стребелева, Мишина, 2016]. Для обследования взрослых были использованы: адаптированный вариант теста «Шкала депрессии» (BDI) А. Бека [Бек и др., 2003], тест «Смыслжизненные ориентации» [Леонтьев, 2006], модифицированный вариант проективной

методики «Незаконченные предложения» [Шипицына, 2005], авторская методика «Возможности ребенка», а также специально составленная анкета социального опроса.

Результаты констатирующей части исследования

Сопоставление данных психолого-педагогического обследования ребенка с ответами родителей на вопросы авторского опросника «Возможности ребенка» показало, что у 36 из 46 респондентов группы исследования (78,3%) имелись существенные трудности в принятии состояния ребенка. У 20 человек (43,5%) оно было сформировано частично, у 16 человек (34,8%) выявлено активное отрицание проблем со здоровьем ребенка. Значительная переоценка возможностей ребенка фрустрировала ожидания родителей, вызывая у них невротизацию, агрессию и т.д. Ребенку она грозила чрезмерными физическими и психологическими нагрузками, не соответствующими его возможностям.

Опросник «Шкала депрессии» выявил у 34 из 46 (73,9%) респондентов группы исследования депрессивную симптоматику той или иной степени выраженности. С наибольшей частотой и интенсивностью отмечались такие симптомы, как раздражительность, ожидание наказания, снижение сексуального влечения, пессимизм и слезливость. У родителей, отрицающих проблемы с состоянием здоровья ребенка, выявлены наиболее высокие показатели депрессивной симптоматики (среднее значение по шкале депрессии у них составило 21,3 балла, что соответствует депрессии средней тяжести; по группе в целом – 15,8; соответствует умеренной депрессии). Наиболее часто выявлялась депрессивная симптоматика у матерей: в 83,3% случаев (30 матерей, из них у 12 – субдепрессия, у 18 – более выраженная депрессивная симптоматика, вплоть до тяжелой). В группе контроля признаки депрессии проявлялись значительно реже – у 17 родителей из 37 (45,9%). При этом они встречались примерно с одинаковой частотой и у женщин, и у мужчин (у 14 из 30 матерей – 46,7% и у 3 из 7 отцов – 42,9%). Различия между группами оказались значимы при $p \leq 0,01$ (здесь и далее статистическая значимость различий проверялась с помощью углового преобразования ф Фишера).

По результатам методики «Незаконченные предложения» определялась специфика психологических проблем семьи: состояние здоровья ребенка вызывало страх, переживание горя у 50% респондентов группы исследования (23 человека из 46); установки на недостижимые цели (например, полное излечение ребенка) были выявлены также у 50% респондентов. У большинства респондентов выявлены значительные трудности с построением временной перспективы: будущее представлялось неопределенным 17 респондентам (37%), у 5 человек (10,9%) с будущим связывались негативные переживания, у 19 человек (41,3%) представления о будущем имели тенденцию к прожектерству («Моя семья будет самой счастливой от того, что мой сын выздоровеет»). По совокупности ответов в группе «Семейные отношения» устойчивую семейную поддержку удалось выявить лишь у четверти респондентов (12 человек – 26,1%); высказывания 20 человек (43,5%) прямо указывали на деформированные семейные отношения («...ждут, что я сломаюсь когда-нибудь» и т.п.).

С помощью методики «Смысложизненные ориентации» были обследованы 40 респондентов из группы исследования (33 матери, 7 отцов) и 37 респондентов из контрольной группы (30 матерей, 7 отцов). Результаты оценивались в соответствии с нормативными значениями (по данным Д.А. Леонтьева [2006]).

В группе исследования низкие значения встречались чаще всего по субшкалам «Процесс жизни» – 20 человек (50%) и «Локус контроля жизни» – 19 человек (47,5%). Низкий итоговый

показатель «Осмысленность жизни» выявился у 16 человек (40 %). Эти показатели в контрольной группе составили, соответственно: 2 человека (5,4 %); 4 человека (10,8 %); 1 человек (2,7 %). По всем пяти субшкалам и по общему показателю «осмысленность жизни» различия между группами значимы при $p \leq 0,01$.

Учитывая степень принятия состояния ребенка (сформировано/частично сформировано/не сформировано) и уровень осмысленности жизни (соответствует нормативным значениям/ниже нормативных значений), можно было выделить 6 вариантов, определяющих характер переживания родителями жизненной ситуации. Однако в исследовании нам не встретилось сочетание сформированного принятия состояния ребенка со сниженным уровнем осмысленности жизни. Таким образом, выявилось 5 типов родителей:

1 тип. Принятие состояния ребенка сформировано; показатели осмысленности жизни соответствуют нормативным значениям.

Несмотря на то, что это сочетание является благоприятным по обоим параметрам, родители и в этом случае часто сталкиваются с проблемой построения приемлемой картины будущего. В качестве основных задач психологической помощи семье в этом случае нами были выделены следующие: помочь родителям осознать возможность обеспечить ребенку эмоциональный комфорт; повышение уверенности родителей в собственных силах, способности влиять на проживаемое настоящее и планируемое будущее.

2 тип. Принятие состояния ребенка частично сформировано; показатели осмысленности жизни соответствуют нормативным значениям.

В качестве основной психологической проблемы выступает несоответствие жизненных целей возможностям ребенка. Задачами психологической помощи становятся побуждение родителей к эмпатии по отношению к ребенку, формирование новых смыслообразующих целей, соответствующих его возможностям.

3 тип. Принятие состояния ребенка частично сформировано; низкие показатели осмысленности жизни.

Основную психологическую проблему в этом случае составляет отсутствие целей, определяющих жизненный смысл. Задача психологической помощи – поиск новых жизненных смыслов, тесно связанных с принятием состояния ребенка.

4 тип. Принятие состояния ребенка не сформировано; показатели осмысленности жизни соответствуют нормативным значениям.

Основная психологическая проблема состоит в том, что жизненной целью родителей часто становится стремление к достижению ребенком нормативного уровня развития. Задачи психологической помощи – формирование принятия состояния ребенка, обучение адекватному взаимодействию с ним.

5 тип. Принятие состояния ребенка не сформировано; низкие показатели осмысленности жизни.

Как по характеру психологических проблем семьи, так и по задачам психологической помощи это сочетание, по нашим данным, не имеет принципиальных отличий от типа 3. Различие не в качественном характере проблем, а лишь в степени их выраженности и, соответственно, в объеме необходимой психологической помощи.

Психокоррекционный и контрольный этапы исследования

Психокоррекционное вмешательство осуществлялось в соответствии с выделенными направлениями и проводилось в очной и дистанционной форме. Очный этап осуществлялся во

время пребывания семьи в санатории. Продолжительность дистанционного этапа зависела от степени выраженности психологических проблем (до 1 года с постепенно убывающей частотой встреч от 4 до 1 в месяц). В коррекционной работе использовались неформальные техники и приемы, уменьшающие риск причинения вреда клиенту (формы общения, приближенные к нетерапевтическим; арт-терапевтические методы – рисуночные методики, проективные метафорические карты, игры с использованием элементов народного фольклора), релаксационные техники, психолого-педагогическое обучение.

По завершении коррекционного этапа было проведено повторное обследование с помощью методик «Смысложизненные ориентации» и «Шкала депрессии». Результаты повторного обследования показали, что выбранная стратегия психологической помощи в целом была успешной: низкие показатели осмысленности жизни были выявлены только у 11% (40% при первичном обследовании; различия статистически значимы при $p \leq 0,01$). Среднее значение по «Шкале депрессии» изменилось с 15,8, что соответствует умеренной депрессии, до 11,3, что соответствует субдепрессии. При анализе отдельных случаев было отмечено, что улучшение более явно выражено у тех респондентов, чьи показатели были наиболее низкими при первичном обследовании. На положительную динамику указывали и качественные изменения, о которых сообщали респонденты (улучшение семейных отношений, появление жизненных планов, успешный поиск вариантов самореализации).

Заключение

Проведенное исследование показало, что психологическая помощь нужна каждой семье, которая воспитывает ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, даже если у семьи не сформирован запрос на такую помощь. Ведущим направлением психологической помощи семье, воспитывающей ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, является помощь в принятии состояния ребенка. Дополнительными направлениями являются: преодоление чрезмерной фиксации на проблемах ребенка, формирование временной перспективы, побуждение матерей к самореализации, нормализация эмоционального состояния родителей.

Варианты переживания родителями жизненной ситуации могут быть установлены по соотношению степени принятия ситуации и степени осмысленности жизни, чем и определяются ключевые задачи психологической помощи данной семье. Наиболее эффективен комплексный подход, предполагающий взаимодействие психологической и медицинской помощи. В психологическом сопровождении семьи использовать как беседы, так и другие методы – в частности, арт-терапевтические и релаксационные.

Библиография

1. Басилова Т.А. Воспитание в семье ребенка раннего возраста со сложным или множественным нарушением // Психология семьи и больной ребенок. СПб.: Речь, 2007. С. 64-74.
2. Бек А. и др. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
3. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. Записки детского психиатра. М.: Просвещение, 1988. 208 с.
4. Забрамная С.Д., Исаева Т.Н. Знаете ли Вы нас? Методические рекомендации для изучения детей с умеренной и тяжелой умственной отсталостью. М., 2012. 120 с.
5. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2008. 240 с.
6. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 2006. 22 с.
7. Лильин Е.Т., Доскин В.А. Детская реабилитология. М.: Литтерра, 2011. 640 с.

8. Маллер А.Р., Цикото Г.В. Воспитание и обучение детей с тяжелой интеллектуальной недостаточностью. М.: Academia, 2003. 208 с.
9. Мاستюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. М.: Владос, 2003. 408 с.
10. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. М.: Речь. 2003. 288 с.
11. Сагдуллаев А.А. О проблемах отношений в семьях, имеющих детей с отклонениями в развитии // Психология семьи и больной ребенок. СПб.: Речь, 2007. С. 43-50.
12. Стребелева Е.А., Мишина Г.А. Психолого-педагогическая диагностика нарушений развития детей раннего и дошкольного возраста. М.: Мозаика-Синтез, 2016. 200 с.
13. Шипицына Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. СПб.: Речь, 2005. 477 с.
14. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.

Psychological problems of the family of a child with severe psychophysical disorders

Svetlana Yu. Tsapina

Postgraduate,
Moscow State Psychological and Pedagogical University,
127051, 29, Sretenka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tcapina@bk.ru

Abstract

The article presents a study of family problems caused by the severe psychophysical pathology. Severe mental and developmental disorders of the child influence on his/her entire family. The objective of this study was to identify the psychological characteristics of parents, and develop methods of psychological assistance to them. The study involved 39 families with children aged 2–7 years with cerebral palsy of high severity, combined with severe mental retardation (39 children and 46 adult family members). The control group included 37 families with healthy children (37 children and 37 parents). Evaluation was carried out using E.A. Strebeleva device for assessing a child, Depression scale by A. Beck, Purpose in Life Test by D.A. Leont'ev, Unfinished sentences method, author's technique "Child's Skills". The problems typical for the parents of a child with severe psychophysical disorders revealed as follows: distorting the life meaning orientations and ideas about the future, reducing the desire for self-realization, depressive symptoms. In accordance with these findings, a psychological assistance program was developed. Parents were assisted in acceptance the current situation, in developing the strategies of coping with the identified psychological problems. Art therapy, games, relaxation, narrative techniques were used. After psychological intervention, the same diagnostic methods were repeated. They showed that the emotional state of both the child and the parents was significantly improved. Parents' awareness of life goals increased.

For citation

Tsapina S.Yu. (2018) Psikhologicheskie problemy sem'i rebenka s tyazhelymi psikhofizicheskimi narusheniyami [Psychological problems of the family of a child with severe psychophysical disorders]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 99-106.

Keywords

A child with a psychophysical pathology, cerebral palsy, severe mental retardation, psychological problems of the family, depression, psychological assistance.

References

1. Basilova T.A. (2007) *Vospitanie v sem'e rebenka rannego vozrasta so slozhnym ili mnozhestvennym narusheniem* [Education in the family of a young child with a complex or multiple disorder]. *Psikhologiya sem'i i bol'noi rebenok* [Family psychology and a sick child]. St. Petersburg: Rech' Publ.
2. Beck A. et al. (2003) *Kognitivnaya terapiya depressii* [Cognitive Therapy of Depression]. St. Petersburg: Piter Publ.
3. Buyanov M.I. (1988) *Rebenok iz neblagopoluchnoi sem'i. Zapiski detskogo psikhiatra* [A child from a dysfunctional family. Notes of a Child Psychiatrist]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
4. Eidemiller E.G., Yustitskis V.V. (2008) *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family psychology and psychotherapy]. St. Petersburg: Piter Publ.
5. Levchenko I.Yu., Tkacheva V.V. (2008) *Psikhologicheskaya pomoshch' sem'e, vospityvayushchei rebenka s otkloneniyami v razviti* [Psychological assistance to a family raising a child with developmental disabilities]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
6. Leont'ev D.A. (2006) *Test smyslozhiznennykh orientatsii* [Purpose in Life Test]. Moscow: Smysl Publ.
7. Lil'in E.T., Doskin V.A. (2011) *Detskaya reabilitologiya* [Pediatric Rehabilitation]. Moscow: Litterra Publ.
8. Maller A.R., Tsikoto G.V. (2003) *Vospitanie i obuchenie detei s tyazheloi intellektual'noi nedostatochnost'yu* [Education and training of children with severe intellectual disabilities]. Moscow: Academia Publ.
9. Mast'yukova E.M., Moskovkina A.G. (2003) *Semeinoe vospitanie detei s otkloneniyami v razviti* [Family education of children with developmental disabilities]. Moscow: Vldos Publ.
10. Mukhamedrakhimov R.Zh. (2003) *Mat' i mladenets: psikhologicheskoe vzaimodeistvie* [Mother and Baby: Psychological Interaction]. Moscow: Rech' Publ.
11. Sagdullaev A.A. (2007) *O problemakh otnoshenii v sem'yakh, imeyushchikh detei s otkloneniyami v razviti* [On the problems of relationships in families with children with developmental disabilities]. In: *Psikhologiya sem'i i bol'noi rebenok* [Family psychology and a sick child]. St. Petersburg: Rech' Publ.
12. Shipitsyna L.M. (2008) *«Neobuchaemyi» rebenok v sem'e i obshchestve. Sotsializatsiya detei s narusheniem intellekta* [“Uneducated” child in the family and society. Socialization of children with intellectual disabilities]. St. Petersburg: Rech' Publ.
13. Strebeleva E.A., Mishina G.A. (2016) *Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika narushenii razvitiya detei rannego i doshkol'nogo vozrasta* [Psychological and pedagogical diagnosis of developmental disorders of children of early and preschool age]. Moscow: Mozaika-Sintez Publ.
14. Zabramnaya S.D., Isaeva T.N. (2012) *Znaete li Vy nas? Metodicheskie rekomendatsii dlya izucheniya detei s umerennoi i tyazheloi umstvennoi otstalost'yu* [Do you know us? Guidelines for the study of children with moderate and severe mental retardation]. Moscow.

УДК 159.9**Психологические факторы репродуктивного поведения
представительниц сообщества чайлдфри****Шляпникова Юлия Владимировна**

Магистр психологии,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: yulia13shlapnicova@mail.ru

Устин Павел Николаевич

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии личности,
Институт психологии и образования,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pavust@mail.ru

Попов Леонид Михайлович

Доктор психологических наук, профессор,
завкафедрой психологии личности,
Институт психологии и образования,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: Leonid.Popov@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта «Психология самоконструирования жизненных миров современных сообществ» № 17-06-00664 ОГН-А.

Аннотация

В статье рассмотрены психологические факторы, которые характерны для девушек-чайлдфри и способны повлиять на их отношение к материнству. Практическая значимость работы заключается в определении социальных ценностей и установок, оказывающих влияние на репродуктивное поведение девушек – представительниц сообщества чайлдфри. Показано, что установки на бездетность являются либо следствием протестного поведения девушек на социальные нормы и ограничения, культивируемые в обществе, либо отражением их системы взглядов и ценностей. Раскрыто, что принятие представителями сообщества чайлдфри ценностей бездетного поведения не выступает проявлением их агрессивных тенденций. Прикладная ценность работы заключается в том, что показаны пути трансформации установок девушек с бездетности на деторождение через пропаганду ценностей полной семьи, реформацию семейной политики и условий жизнедеятельности детей и матерей.

Для цитирования в научных исследованиях

Шляпникова Ю.В., Устин П.Н., Попов Л.М. Психологические факторы репродуктивного поведения представительниц сообщества чайлдфри // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 107-113.

Ключевые слова

Добровольная бездетность, чайлдфри, сообщество, жизненный мир, социальный конструктивизм, ценности, установки, репродуктивное поведение.

Введение

Сообщество является смысловой единицей, формирующей современное общество в целом. В рамках социального конструктивизма исследуется роль дискурса и отношений между людьми в создании ими мира и собственного «я», а также необходимость отказаться от представления о неких общих абсолютных истинах, эталонах поведения и психологических процессах [Улановский, 2009]. Понятие конструкта означает способы истолкования мира, особые шаблоны классификации и оценки, которые нужны человеку для прогнозирования событий и восприятия мира как через линзы [Улановский, 2009]. Сообщество – это также конструкт, который позволяет понять и изучить поведение человека в социуме, так как в сообществах проявляются паттерны поведения, физические условия, факторы обмена ресурсами, взаимодействия разных «сеттингов» поведения, а также социальный климат и сам индивид как участник внутренних процессов [Смит, 2003].

При этом каждому сообществу предшествуют возникшие в обществе предпосылки к его образованию. В случае с чайлдфри такими факторами стали появление Интернета как площадки для зарождения сообщества, назревшего кризиса деторождения ввиду естественного уменьшения количества детей в семьях и одновременного с этим увеличения численности населения Земли, а также эмансипация женщин и увеличение роли женщины как участника производства. Чайлдфри в данном случае выступают как «маячок» изменения традиционных ценностей, частью которых всегда было большое количество детей в семье.

Причины разделения взглядов сообщества чайлдфри рассматривались разными исследователями. Среди зарубежных авторов выделяются как внешние факторы (например, мода или окружающая среда), так и внутренние, например, отвращение к деторождению или гедонистический образ жизни [Veevers, 1980; Kneale, Joshi, 2008; Tanturri, Mencarini, 2008; Lee, Zvonkovic, 2014]. Среди российских авторов господствует мнение о связи появления сообщества с репродуктивным кризисом 90х годов и последующими экономическими и социальными проблемами в обществе, что повлияло на установки и ценности молодых людей [Грицай, 2013; Орлова, Петровская, 2014; Казачихина, 2014; Вильданова, 2017]. Однако, вне зависимости от качественного и количественного разнообразия факторов, большинство исследователей отмечает, что отличия представителей сообщества чайлдфри от людей с установкой на детность выявляются во всех сферах личности.

В работе представлены результаты эмпирического исследования влияния установки на бездетность на ценности и мотивационно-потребностную сферу личности женщин.

Исследование психологических факторов репродуктивного поведения девушек-чайлдфри

В результате предшествующего теоретического изучения сообщества [Шляпникова, Устин, 2017] нами была выдвинута гипотеза о том, что представителей сообщества чайлдфри отличает специфическое репродуктивное поведение, которое выражается в нежелании иметь детей и которое зависит от ряда внутренних факторов мотивационно-ценностной сферы личности. Данная специфика поведения особенно ярко проявляется у женщин, поэтому целью исследования стало изучить внешние и внутренние факторы, влияющие на изменение репродуктивного поведения и на мотивационно-ценностную сферу личности у представителей сообщества чайлдфри-женщин [Шляпникова, 2018].

Исследование заключалось в проведении диагностики ценностей и мотивационно-потребностной сферы личности девушек-чайлдфри (вопросник на выявление доминирующего инстинкта [Гарбузов, 1994], опросник «Репродуктивных ролевых ориентаций деторождения» [Родштейн, 2013], методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» [Бубнова, 2007], а также в беседе и анкетном опросе представительниц сообщества на тему их отношения к сообществу и разделению его ценностей. Всего в проведенном исследовании приняло участие 120 девушек, из них 60 составили контрольную группу (девушки, планирующие рождение детей или уже воспитывающие их).

В итоге были получены следующие результаты.

Во-первых, для девушек-чайлдфри свойственны снижение либо отсутствие генофильного инстинкта, снижение приоритетности ценности «любовь» в их общей системе, а также иная репродуктивная установка, выражающаяся в нежелании иметь детей, репродуктивной пассивности, избегании беременности (данные приведены в Табл.1). В сравнении с контрольной группой, у которых данные показатели были выше, но ненамного, можно резюмировать, что для современных девушек в целом (а не только для представительниц данного сообщества) характерно снижение потребности в детях в отличие от их матерей и бабушек.

Таблица 1 – Результаты сравнительного анализа

Шкалы	x_1	δ_1	x_2	δ_2	t кр.	P
Генофильный	1,65	1,43	3,2	1,44	5,88	0,001
Любовь	2,96	1,19	3,46	1,30	2,18	0,05
Генофилия/генофобия	-15,3	14,82	2,05	13,35	6,73	0,001
Репродуктивная активность / пассивность	-17,9	11,02	-3,43	13,71	6,36	0,001

Примечания: x_1 – средние значения по девушкам-чайлдфри, δ_1 – значения стандартного отклонения по девушкам-чайлдфри, x_2 – средние значения по обычным девушкам, δ_2 – значения стандартного отклонения по обычным девушкам, p – уровень достоверности значений.

Во-вторых, в структуре признаков, являющихся системообразующими для составления представления о картине личности девушек-чайлдфри, особенно выделяются признаки, свидетельствующие о стремлении к лидерству, критичности мышления, эгоцентризме, склонности к продуманному риску и способности к прогнозированию, а также отмечается стремление к самостоятельности, предрасположенность к риску, некоторый авантюризм,

индивидуализм и подавленный инстинкт продолжения рода. Все это выражается преобладании доминантного и либертофильного типов по типологии Гарбузова. При этом им свойственны ценности здоровья, познания, наслаждения прекрасным (гедонистические), а также материального благосостояния и высокого социального статуса. Получается интересный тип личности, более свойственный стереотипному мужчине в общественном представлении.

В-третьих, важно отметить, что на репродуктивное поведение особенно сильное влияние имеют такие факторы, как выраженность дигниофильного типа инстинкта (то есть нетерпимость к оскорблениям, индивидуальность и выраженные самооценку и самолюбие), а также преобладание ценностей отдыха, материального благосостояния, познания и высокого социального статуса (данные приведены в Табл.2). При этом получается, что именно эти факторы становятся ключевыми при описании личности девушки-чайлдфри. Основу данного фактора мы видим в особенностях воспитания и влиянии современного общества с его преобладанием материальных ценностей над духовными.

Таблица 2 – Результаты дисперсионного анализа показателей репродуктивного поведения

Показатели	F	Sig.
Дигниофильный тип (7) и ценность «отдых» (8)	4,271	0,001
Ценность «отдых» (8)	2,993	0,032
Ценность «материальное благосостояние» (9)	6,181	0,001
Ценность «материальное благосостояние» (9) и ценность «наслаждение прекрасным» (10)	2,587	0,012
Ценность «наслаждение прекрасным» (10)	2,458	0,045
Ценность «статус» (14)	3,745	0,006

В-четвертых, отметим, что мотивы отсутствия детей у всех девушек разные. Участницы опроса в большинстве своем – это молодые девушки от 18 до 30 лет из благополучных семей, зачастую полных и с еще одним или большим количеством детей. Большинство из них поддерживает контакт с родными, отношения описывают как теплые и дружественные либо принимающие. То есть причиной разделения ценностей и взглядов сообщества чайлдфри не могут являться неблагополучный опыт родительской семьи или детские травмы. На основании анализа анкетных данных и бесед нами были получены следующие наиболее значимые мотивы в принятии решения не заводить детей: ощущение неготовности к рождению детей (60,7%), нежелание брать на себя ответственность (34,5%) и эгоистические мотивы вроде «Пожить для себя» (40,4%), а также материальные и финансовые причины (50,9%). Отметим, что многие участницы опроса (средний возраст – 21 год) не исключают вероятности того, что в будущем их мнение относительно деторождения изменится. Однако есть и твердо убежденные в неизменности собственной позиции при любом развитии ситуации (40%).

Исходя из результатов исследования, мы предполагаем, что возрастной порог, после которого женщина решает родить первого ребенка, становится все выше. Девушки перед тем, как стать матерью, предпочитают сначала получить образование и сделать карьеру, подготовить материальную почву для воспитания детей. Поэтому чайлдфри – это скорее попытка сообщить миру о том, что ценности нового поколения отличаются от традиционных, а, следовательно, существует больший диапазон вариантов семьи и отношения к деторождению.

Заключение

В работе показано, что современным девушкам характерны два типа установок: «генофильная» (направлена на продолжение рода) и «доминантно-исследовательская» (направлена на лидерство, познание, саморазвитие, социальную активность). Второй тип установок характеризует поведенческую активность девушек-чайлдфри, у которых отмечается торможение репродуктивного инстинкта.

На репродуктивное поведение девушек значимое влияние оказывают ценности и установки, принятые в обществе. В одних случаях установки чайлдфри становятся протестом, в других – показателем того, что существует не один взгляд на деторождение. Присоединение к сообществу чайлдфри и разделение его взглядов не является чем-то экстремальным или агрессивным. Зачастую это выражение собственного мнения и крайне редко следование моде.

Можно отметить, что установка на бездетность также определяется внешними неустойчивыми условиями, которые сочетаются с внутренними противоречиями и подвижностью взглядов. Это говорит о том, что изменение установок с бездетности на деторождение возможно через улучшение условий жизни и позиций матери и ребенка в современном обществе. К средствам такого влияния могут быть отнесены как пропаганда ценностей полной семьи, так и реформация семейной политики и условий жизнедеятельности.

Библиография

1. Алексеев А.А. (ред.) Современные системы психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
2. Вильданова С.М. и др. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192-205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13
3. Васильченко О.Н. Репродуктивное поведение: возможности диагностики // Вестник практической психологии образования. 2013. №2 (35). С. 119-127.
4. Гарбузов В.И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. СПб.: Сфера, 1994. 160 с.
5. Гребень Н.Ф. (сост.) Психологические тесты для профессионалов. Минск: Современная Школа, 2007. 496 с.
6. Грицай Л.А. Некоторые аспекты научного изучения феномена «чайлдфри» // Культура и образование. 2013. № 2. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2013/10/1003>
7. Казачихина М.В. Чайлдфри как одна из форм современной семьи // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 3. С. 10-14.
8. Орлова А.А., Петровская О.А. Движения чайлдфри как явление современного общества // Материалы VI Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум 2014» (15 февраля – 31 марта 2014 года). URL: <https://www.scienceforum.ru/2014/523/1287>
9. Хабалашвили Т.А. Психологические особенности отношений в семейной системе без детей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 19 с.
10. Шляпникова Ю.В. Психологические факторы репродуктивного поведения представительниц сообщества чайлдфри. Казань, 2018. 114 с.
11. Шляпникова Ю.В., Устин П.Н. Психология жизненного мира представителей сообщества «чайлдфри» // Материалы съезда Российского психологического сообщества. Казань, 2017. Т.2. 478 с.
12. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness: Evidence from two British cohorts // Demographic research. 2008. V. 19. P. 1935-1968.
13. Lee K.-H., Zvonkovic A.M. Journeys to remain childless: A grounded theory examination of decision-making processes among voluntarily childless couples // Journal of Social and Personal Relationships. 2014. Vol. 31. P. 535-553.
14. Tanturri M.L., Mencarini L. Childless or childfree? Paths to voluntary childlessness in Italy // Population and development review. 2008. V. 34(1). P. 51-77.
15. Veivers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworths, 1980. 220 p.

Reproductive behavior's psychological factors of the childfree community**Yuliya V. Shlyapnikova**

Master of Psychology,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: yulia13shlapnicova@mail.ru

Pavel N. Ustin

PhD in Psychology,
Associate Professor at the Department of personality psychology,
Institute of Psychology and Education,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pavust@mail.ru

Leonid M. Popov

Doctor of Psychology,
Professor,
Head of the Department of personality psychology,
Institute of Psychology and Education,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: Leonid.Popov@inbox.ru

Abstract

The article discusses the psychological factors that are typical for girls childfree and can affect their attitude to motherhood. The practical significance of the work lies in the identification of social values and attitudes that affect the reproductive behavior of girls from the childfree community. It is shown that attitudes towards childlessness are either a consequence of the protest behavior of girls on social norms and restrictions that are cultivated in society, or a reflection of their belief systems and values. It is revealed that the adoption of the values of childless behavior by the representatives of the childfree community is not a manifestation of their aggressive tendencies. The applied value of the work lies in showing the ways of transforming the attitudes of girls from childlessness to childbearing through the promotion of the values of a full family, the reformation of family policy and the living conditions of children and mothers. It can be noted that the installation on childlessness is also determined by external unstable conditions, which are combined with internal contradictions and mobility of views. This suggests that changing attitudes from childlessness to childbearing is possible through the improvement of the living conditions and positions of the mother and child in modern society. The means of such influence can be attributed both to the propaganda of the values of a full family, and the reformation of family policy and living conditions.

For citation

Shlyapnikova Yu.V., Ustin P.N., Popov L.M. (2018) Psikhologicheskie faktory reproduktivnogo povedeniya predstavitel'nits soobshchestva chaildfri [Reproductive behavior's psychological factors of the childfree community]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 107-113.

Keywords

Voluntary childlessness, childfree, community, social constructivism, values, attitudes, reproductive behavior.

References

1. Alekseev A.A. (ed.) (2003) *Sovremennye sistemy psikhologii* [Modern systems of psychology]. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK Publ.
2. Garbuzov V.I. (1994) *Prakticheskaya psikhoterapiya, ili kak vernut' rebenku i podrostku uverenost' v sebe, istinnoe dostoinstvo i zdorov'e* [Practical psychotherapy, or how to restore a child and teenager self-confidence, true dignity and health]. St. Petersburg: Sfera Publ.
3. Greben' N.F. (comp.) (2007) *Psikhologicheskie testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk: Sovremennaya Shkola Publ.
4. Gritsai L.A. (2013) Nekotorye aspekty nauchnogo izucheniya fenomena «chaildfri» [Some aspects of the scientific study of the phenomenon of childfree]. *Kul'tura i obrazovanie* [Culture and education], 2. Available at: <http://vestnik-rzi.ru/2013/10/1003> [Accessed 10/10/2018]
5. Kazachikhina M.V. (2014) Chaildfri kak odna iz form sovremennoi sem'i [Childfree as one of the forms of the modern family]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki* [Bulletin of social and humanitarian education and science], 3, pp. 10-14.
6. Kneale D., Joshi H. (2008) Postponement and childlessness: Evidence from two British cohorts. *Demographic research*, 19, pp. 1935-1968.
7. Lee K.-H., Zvonkovic A.M. (2014) Journeys to remain childless: A grounded theory examination of decision-making processes among voluntarily childless couples. *Journal of Social and Personal Relationships*, 31, pp. 535-553.
8. Orlova A.A., Petrovskaya O.A. (2014) Dvizheniya chaildfri kak yavlenie sovremennogo obshchestva [Childfree movement as a phenomenon of modern society]. In: *Materialy VI Mezhdunarodnoi studencheskoi elektronnoi nauchnoi konferentsii «Studentcheskii nauchnyi forum 2014» (15 fevralya – 31 marta 2014 goda)* [Proceedings of the VI International Student Electronic Scientific Conference "Student Scientific Forum 2014" (February 15 – March 31, 2014)]. Available at: <https://www.scienceforum.ru/2014/523/1287> [Accessed 10/10/2018]
9. Khabalashvili T.A. (2009) *Psikhologicheskie osobennosti otnoshenii v semeinoi sisteme bez detei. Doct. Dis.* [Psychological features of relations in the family system without children. Doct. Dis.]. Moscow.
10. Shlyapnikova Yu.V. (2018) *Psikhologicheskie faktory reproduktivnogo povedeniya predstavitel'nits soobshchestva chaildfri* [Psychological factors of reproductive behavior of the representatives of the childfree community]. Kazan.
11. Shlyapnikova Yu.V., Ustin P.N. (2017) Psikhologiya zhiznennogo mira predstavitelei soobshchestva «chaildfri» [Psychology of the life world of the representatives of the childfree community]. In: *Materialy s"ezda Rossiiskogo psikhologicheskogo soobshchestva* [Materials of the congress of the Russian psychological community]. Kazan. Vol. 2.
12. Tanturri M.L., Mencarini L. (2008) Childless or childfree? Paths to voluntary childlessness in Italy. *Population and development review*, 34(1), pp. 51-77.
13. Vasil'chenko O.N. (2013) Reproaktivnoe povedenie: vozmozhnosti diagnostiki [Reproductive behavior: diagnostic possibilities]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education], 2 (35), pp. 119-127.
14. Veivers J.E. (1980) *Childless by choice*. Toronto: Butterworths.
15. Vil'danova S.M. et al. (2017) Tendentsii rasprostraneniya tsennostei chaildfri v Rossii i ikh vliyanie na krizis instituta sem'i [Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the family institution]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 3, pp. 192-205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13

УДК 159.9

Исследование взаимосвязи межличностных отношений и ксенофобии

Банайтис Наталья Георгиевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Институт гуманитарного образования и информационных технологий,
105264, Российская Федерация, Москва, ул. Верхняя Первомайская, 53;
e-mail: banaitis.nata@gmail.com

Аннотация

В работе представлен обзор основных теоретических положений по изучению межличностных отношений, ксенофобии и их роли в жизнедеятельности человека. Проанализированы результаты эмпирического исследования, в ходе которого выявлены взаимосвязи уровней ксенофобии, толерантности и межличностных отношений. Показано, что в целом у испытуемых наблюдается стабильный и открытый характер коммуникативных особенностей, отмечается субъективное эмоциональное благополучие испытуемых, что говорит об успешном разрешении или отсутствии у них трудностей в общении с другими людьми, а также демонстрируется общая удовлетворенность в целом отношениями с окружающими людьми. Наблюдается проявление у большинства испытуемых стремления к принятию групповых правил и норм поведения, социальных и морально-этических ценностей, стремления к установлению и развитию близких доверительных отношений с членами группы и за ее пределами, готовности к взаимодействию, сочувствию и оказанию поддержки и помощи окружающим. У большинства испытуемых наблюдается доминирование среднего уровня склонности к ксенофобии. У испытуемых наблюдается преобладание среднего и высокого уровней толерантности, что говорит о том, что в целом такие индивиды обладают позитивной этнической идентичностью, воспринимая представителей других наций без негативных предубеждений и опасений и позитивно оценивая большинство представителей других этносов.

Для цитирования в научных исследованиях

Банайтис Н.Г. Исследование взаимосвязи межличностных отношений и ксенофобии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 114-125.

Ключевые слова

Межличностные отношения, ксенофобия, конфликт, толерантность, коммуникативные особенности.

Введение

Изучение особенностей межличностных отношений обусловлено потребностью понять, объяснить и устранить социальные противоречия в развитии современного общества, решить проблемы в малых и больших социальных группах, достигнуть взаимопонимания в семьях и коллективах.

Одним из факторов, мешающих продуктивному и благоприятному протеканию межличностных отношений, является высокий уровень ксенофобии в современном обществе. Ксенофобия превращается в очень опасное психологическое и социальное явление. Когда различия между людьми сами по себе начинают восприниматься как проблема, когда данных различий боятся, вот именно тогда «чужие» из «других» превращаются в «чуждых», вызывают ненависть, неприязнь, агрессию и страх и воспринимаются как угроза нашей позитивной самобытной идентичности и привычному образу жизни. Страх порождает неприязнь, которая может перейти в ненависть и враждебность [Солдатова, Макачук, 2006].

Ксенофобия быстро разрушает межличностные отношения и негативно влияет на личность в целом. Чувство страха, лежащее в основе ксенофобии, является огромным препятствием для саморазвития и продуктивного общения с окружающими, тем самым пагубно воздействуя на межличностные отношения. Особенно повышение уровня ксенофобии характерно для современного человека, развивающегося в современном обществе. Современному успешному человеку постоянно нужно осваивать новые навыки, умения, знания, контактировать с большим количеством людей, но из-за страха и ксенофобии индивид может замкнуться в себе, перестать контактировать с окружающими и осваивать новые знания. Выполняя функцию изоляции, ксенофобия мешает развитию продуктивного межкультурного диалога и тормозит прогресс человечества. Все эти факторы крайне неблагоприятно влияют на межличностные отношения человека, порождают тревожность и разрушают его личность в целом.

Страхи, неприязнь и недоверие, порожденные ксенофобией, заполняют все существование человека, всю его жизнь и неизбежно приводят к повышению уровней тревожности, напряжения и даже полному разрушению межличностных отношений.

Межличностные отношения

В «Словаре практического психолога» понятие «межличностные отношения» определяется следующим образом: «межличностные отношения – это субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний людей в ходе совместной деятельности и общения. Система разнообразных установок, ориентаций, ожиданий, различных стереотипов и прочих понятий, с помощью которых люди воспринимают и оценивают друг друга. Эти понятия характеризуются содержанием, ценностями, целями и организацией совместной деятельности; являются основой формирования психологического климата в коллективе» [Бодалев, 2011].

Межличностные отношения – это особая связь человека с другими людьми. Они индивидуальны и уникальны для каждого человека, так как задействуют его разум, чувства, эмоции, которые определяют и оказывают влияние на качество и продуктивность его взаимодействия с другими.

В настоящее время в российской психологии существуют различные точки зрения по поводу того, какое место занимают межличностные отношения в реальной жизни людей. Например,

В.Н. Мясищев считал, что самое главное, что определяет личность, – «...ее отношения к людям, являющиеся одновременно взаимоотношениями...» [Мясищев, 1999, т. 2, 206].

Изучая разновидности межличностных отношений в социально-психологической литературе, Г.М. Андреева заметила, что К.К. Платонов рассматривал их как «отражение в сознании общественных отношений» [Платонов, 1974, 65]. Сама же она была уверена в том, что «...природа межличностных отношений может быть правильно понята, если их не ставить в один ряд с общественными отношениями, а увидеть в них особый ряд отношений, возникающих внутри каждого вида общественных отношений, а не вне их...» [Андреева, 2001, 72].

Н.Н. Обозов, последователь идей В.Н. Мясищева, замечает, что «межличностные отношения – это всегда "субъект – субъектные" связи, особенностью которых являются постоянная взаимность и изменчивость» [Обозов, 1990, 7]. Основываясь на таких понятиях, как глубина отношения, функции отношений, избирательность в выборе партнеров, Н.Н. Обозов разработал следующую классификацию межличностных взаимоотношений: отношения знакомства, приятельские, товарищеские, дружеские, любовные, супружеские, родственные и деструктивные отношения. Главным критерием межличностных отношений ученый считал глубину вовлечения индивида в отношения [Там же, 32].

Межличностные отношения оказывают большое влияние на особенности поведения не только каждого члена группы, но и всей группы в целом. Положение личности в структуре отношений внутри группы определяется, прежде всего, таким понятием, как социометрический статус. Л.И. Шумская расшифровала данное понятие как «результат многофакторного эмоционального сплоченного отношения членов группы к личным, деловым, моральным и другим качествам данного человека» [Шумская, 2005]. Неблагоприятное положение личности в структуре межличностных отношений является серьезной помехой на пути формирования и развития положительных качеств и характеристик индивида, существенно замедляет его развитие и личностный рост.

Межличностные отношения никогда не стоят на месте, они постоянно меняются и очень динамичны. Анализ и отслеживание динамики таких характеристик межличностных отношений, как эмоциональная сплоченность, ценностно-ориентационное единство и социометрическая структура группы, дают возможность составить реальный отчет о развитии группы в целом. Таким образом, межличностные отношения являются важнейшим компонентом структуры группы и позволяют сделать вывод о продуктивности ее функционирования.

Чувства, лежащие в основе межличностных отношений, можно разделить на две группы: чувства, сближающие людей, дающие стимул к совместным действиям, общению, и чувства, разъединяющие людей, когда не возникает желания взаимодействовать и общаться с другим индивидом. Стиль общения, результаты деятельности и особенности поведения человека в малой группе, как правило, вызывают со стороны окружающих определенные ответные реакции и чувства. Таким образом, формируется отношение членов коллектива к человеку – негативное, позитивное или равнодушное [Бодалев, 2002].

В процессе трудовой деятельности между людьми возникают официальные или деловые отношения, которые регламентируются обязанностями и инструкциями, установленными администрацией. Личные отношения в большей мере управляются симпатией и антипатией, они носят доверительный и непринужденный характер. Приятельские отношения возникают в том случае, если люди друг другу нравятся, стремятся к контакту, общению, имеют общие интересы и взгляды.

Межличностные отношения имеют большое значение в жизни современного человека. Люди не только общаются, совместно действуют, но и оказывают влияние друг на друга, оценивают свои и чужие поступки, вырабатывают у себя положительные или отрицательные качества, усваивают определенные правила и нормы поведения. В процессе межличностных отношений индивиды часто стремятся реализовать свои собственные планы и цели, высказать свое мнение, поступать по своему желанию в той или иной ситуации. Поэтому зачастую эти обстоятельства приводят к возникновению конфликтов. Конфликт – это столкновение противоречивых взглядов, несовместимых друг с другом точек зрения, интересов, норм и форм поведения, чреватое серьезными, далеко идущими последствиями, если оно своевременно не будет устранено [Немов, 2001, 83].

Большим препятствием к установлению доверительных отношений является ксенофобия, которая опутывает человека страхами и предубеждениями, не только мешая ему выстраивать продуктивные межличностные отношения, но и не позволяя даже заводить новые знакомства.

Ксенофобия

Ксенофóбия (от греч. Ξένος – чужой + φόβος – страх) – страх, нетерпимость, вражда, неприязнь, неприятие, ненависть к чему-либо или кому-либо незнакомому, непривычному, чужому; восприятие незнакомого как непонятого, непостижимого, а поэтому враждебного, опасного и отталкивающего. По мере своего развития ксенофобия может вызывать даже навязчивый страх и боязнь перед незнакомыми лицами и неизвестными явлениями [Ожегов, 1987, 205].

Ксенофобия имеет давние биологические корни, которые с легкостью могут быть выявлены и прослежены при изучении науки о поведении – этологии. Об этом говорил и Конрад Лоренц в своем труде «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества»: «Каждая достаточно четко выделенная культурная группа стремится в действительности и на самом деле рассматривать себя как замкнутый в себе вид – настолько, что членов других себе подобных групп и сообществ не считают полноценными людьми» [Лоренц, 1998, 205].

Объектами ксенофобии могут являться как конкретные группы – представители чуждой религии (инверцы), племени или нации, расы, государства (иностранцы, граждане), так и вообще все «чужие» («обобщенный Чужой»), по выражению известного российского социолога Ю. Левады [Левада, 2004].

В современной социальной психологии данные явления трактуются в более четких аналитических терминах, таких как социальная нетерпимость, межгрупповой конфликт, этнические предубеждения и стереотипы. Человек, страдающий ксенофобией, относится с нетерпимостью и отчуждением как к незнакомым и чужим людям, так и к чему-либо непонятному для него, незнакомому. Общение с данным индивидом затруднено, и часто окружающие просто от него отдаляются и оставляют его наедине со своими проблемами и страхами.

Ксенофоб воспринимает новых людей или события как реальную и очевидную угрозу, опасность или враждебность. В самых тяжелых формах ксенофобия может оказаться воздвигнутой в ранг особого мировоззрения и повлечь за собой серьезные негативные последствия, вызывая и провоцируя серьезную вражду по принципу национального, социального или религиозного деления людей. В некоторых случаях, хотя они и не часты, подобные идеи трактуются в буквальном смысле, представляя собой навязчивую

отчужденность и боязнь перед большим количеством самых разных людей. Когда это происходит, такому человеку становится уже просто необходима помощь психолога, так как в данном случае это перерастает уже в клиническую фобию. Некоторые современные ученые говорят о том, что практически каждый гражданин может найти скрытую грань ксенофобии, которая окажется ему близкой и понятной [Кондратьев, Ильин, 2007].

Российский социолог Лев Гудков в ходе ряда исследований подсчитал, что в России вероятность конфликтов по причине ксенофобии составляет 75-80% от общей массы населения. Таким образом, российский ксенофоб может выбрать объектом своей неприязни любого представителя иной, чуждой ему субкультуры [Гудков, 2005, 60].

Для России вопросы национальных конфликтов и ксенофобии были актуальны всегда, так как с давних пор шло постоянное присоединение новых земель, а вместе с ними и новых этнических групп со своими особыми традициями и обычаями. Особенно широко в настоящее время конфликты на почве ксенофобии возникают в крупных промышленных городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др. Это происходит из-за переполненности крупных городов представителями самых различных этнических групп. Авторы новой стратегии развития по программам Университета ООН в конце 70-х гг. «подчеркивали, что каждый этнос должен выбирать тот путь развития, который в наилучшей мере отвечает его социальным и культурным традициям» [Стефаненко, 2003].

Причины происхождения ксенофобии гораздо сложнее, чем в случаях с остальными фобическими расстройствами. Здесь мы можем увидеть целый ряд причин и механизмов, которые формируют ксенофобию и другие признаки и проявления национальной неприязни, которая доходит до настоящего национализма с политическим подтекстом.

Важная особенность феномена ксенофобии заключается в том, что возникновение данного психического расстройства у каждого человека может иметь свою индивидуальную причину. Как и в случаях с другими фобиями, причина часто скрывает свои истоки в детских впечатлениях, сохранившихся на всю жизнь и оказавших немалое влияние на дальнейшее мировоззрение индивида. В большинстве случаев дети часто подражают своим родителям, другим старшим родственникам и вообще любым знакомым им взрослым людям. Если случается так, что в семье кто-то отрицательно относится к людям другой национальности или просто к тем, кто является незнакомым, непонятым и чуждым, то можно с высокой долей вероятности быть уверенным в том, что подобные негативные идеи, настроения и опасения перенимает и ребенок [Рогов, 2001, кн. 1]. Определенную ясность в исследование феномена ксенофобии вносит психоаналитическая теория «авторитарной личности», согласно которой предубежденный субъект проецирует на другого и приписывает ему свои собственные морально неприемлемые чувства и влечения (агрессивность, зависть, расчетливость, боязнь, лицемерие и т. д.). В экстремальных и запущенных ситуациях ксенофобия действительно развивается и превращается в неконтролируемую фобию, по своим симптомам напоминающую манию преследования, когда человеку везде и повсюду мерещатся враги [Ядов, 2000].

Современные психологи пришли к выводу о том, что в основе ксенофобии находятся три чувства – презрение, отвращение и гнев. Эти негативные эмоции порождают тревожное и агрессивное поведение людей в социуме. В основе ксенофобии лежит страх, страх всего неизвестного и чуждого, не имеющий четкого направления и логических объяснений [Муравьев, 1997].

Повышенный уровень ксенофобии крайне отрицательно влияет на личность человека, сопровождается эмоциональным дискомфортом, предчувствиями грозящей опасности, боязни

всего нового. Все эти факторы тормозят личностное развитие, человек замыкается в себе и постепенно погружается в затяжную депрессию, неврозы и пессимизм. Из-за всего вышесказанного у индивида появляются проблемы в межличностных отношениях с другими людьми, повышаются агрессивность, напряженность, отчужденность и конфликтность в общении с окружающими. Развитие уровня ксенофобии у человека и воздвижение ее в ранг мировоззрения очень опасны для общества в целом. Это может стать причиной вражды по принципу национального, социального или религиозного деления людей [Андреева, 2001].

Выявление взаимосвязи межличностных отношений и ксенофобии

Эмпирическое исследование, целью которого являлось выявление взаимосвязи межличностных отношений и ксенофобии, проводилось среди жителей города Москвы. В исследовании принимали участие 60 человек (30 мужчин и 30 женщин) в возрасте от 40 до 45 лет. Все испытуемые хорошо образованные и развитые люди, имеющие одно и более высшее образование. Исследование включало три этапа.

На первом этапе исследования для изучения субъективной оценки межличностных отношений нами был применен опросник СОМО С.В. Духновского. Автор данного опросника под межличностными отношениями понимает реализацию субъективных отношений людей друг к другу, изменяющую их состояния и настроения. Методика «Субъективная оценка межличностных отношений» представляет собой психодиагностический инструмент для измерения характеристик дисгармонии межличностных отношений с помощью самооенок обследуемого. Индикаторами дисгармоничности отношений выступают напряженность, отчужденность, конфликтность и агрессивность в отношениях между людьми, поэтому в тесте четыре одноименные шкалы и сорок вопросов. В данном опроснике необходимо было оценить каждую фразу исходя из того, какой вариант ответа был больше всего близок к обычной реакции испытуемого. Для дальнейшего изучения межличностных отношений нами была использована методика диагностики особенностей межличностного поведения человека в группе, или «Q-сортировка» В. Стефансона. Методика применяется для изучения представлений личности о себе, выявления основных тенденций поведения в группе. При использовании этой методики появляется возможность выявления и определения шести основных тенденций поведения человека, проявляемых им в реальной группе: зависимость, независимость, принятие «борьбы» и избегание «борьбы», общительность, необщительность. По мнению авторов данной методики, эти шесть базовых тенденций поведения в совокупности составляют характерную специфику установления и поддержания человеком межличностных отношений в социальной группе, специфику организации им коммуникации с окружающими.

В ходе второго этапа изучаются уровень ксенофобии и толерантности испытуемых. Для выявления склонности испытуемых к ксенофобии нами был взят тест-опросник, состоящий из 12 вопросов, в каждом из которых предлагался на выбор один из пяти вариантов ответа. Обработка полученных результатов заключалась в подсчитывании общего количества баллов по всем вопросам. Если испытуемый набирает менее 20 баллов, это свидетельствует о низком уровне склонности к ксенофобии, 21-30 баллов говорят о среднем уровне склонности к ксенофобии, а 31-50 баллов показывают высокий уровень склонности к ксенофобии. Для дальнейшего изучения подверженности испытуемых влиянию ксенофобских идей и настроений мы провели диагностику общего уровня толерантности испытуемых с помощью методики

«Индекс толерантности». В основу данного опросника лег отечественный и зарубежный опыт исследований в области психологии толерантности.

Толерантность – это термин социологии, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, обычаям и поведению, отсутствие стремления к навязыванию своих убеждений другим людям. Толерантность подразумевает также терпимое восприятие иного мировоззрения или образа жизни, уважение, принятие и адекватное восприятие других культур, способов индивидуального самовыражения личности и человеческой индивидуальности (Г.У. Солдатова, Г.Д. Дмитриев, П.В. Степанов, С.К. Бондырева, Д.В. Колесов и др.). Интолерантность включает в себя неприятие или отрицание культуры, поведения, традиций, ценностей, образа жизни представителей других этносов. Одной из форм проявления интолерантности является ксенофобия. Данный опросник состоит из 22 утверждений, которые отражают как общее отношение к окружающему миру и другим людям, так и социальные установки в различных областях взаимоотношений, где проявляются толерантность и интолерантность человека. В данную методику также входят утверждения, выявляющие отношение к некоторым социальным группам (меньшинствам, психически нездоровым людям, нищим), коммуникативные установки (уважение и принятие мнения оппонентов, готовность к конструктивному решению конфликтов и продуктивному сотрудничеству). Также уделено внимание такому явлению, как этническая толерантность/интолерантность (отношение к людям иной расы и этнической группы, к собственной этнической группе, оценка культурной дистанции). Три шкалы данного опросника направлены на диагностику и исследование таких аспектов толерантности, как толерантность этническая, толерантность социальная и толерантность как черта личности. Этническая толерантность направлена на выявление отношения индивида к представителям других этнических групп, определение установок и предубеждений в сфере межкультурного взаимодействия. Социальная толерантность предоставляет возможность для исследования толерантных и интолерантных проявлений в отношении различных социальных групп, а также для изучения установок и убеждений индивида по отношению к некоторым социальным явлениям. Толерантность как черта личности выявляет личностные особенности, убеждения и установки, которые определяют отношение человека к окружающему миру.

В ходе третьего этапа выявляются корреляционные связи между уровнем ксенофобии, толерантностью и межличностными взаимоотношениями путем математико-статистической обработки результатов по Спирмену. При корреляционном анализе ставится задача установить, существует ли какая-то связь между двумя показателями в одной выборке, причем если данная связь является значимой, то она сопровождается увеличением либо возрастанием одного показателя при положительной корреляции или уменьшением другого при отрицательной корреляции.

На основании результатов изучения межличностных отношений путем тестирования респондентов по методике СОМО С.В. Духновского можно сделать следующие выводы. Средние значения шкалы напряженности (63%) говорят нам о субъективном эмоциональном благополучии испытуемых, успешном разрешении или отсутствии у них трудностей в общении с другими людьми и показывают нам общую удовлетворенность в целом отношениями с окружающими людьми. Преобладание у испытуемых средних значений по шкале отчужденности (57%) указывает на отсутствие у них чувства одиночества и изолированности от других людей и преобладание доверительных и позитивных отношений в большинстве межличностных контактов. Преобладание у испытуемых средних показателей по шкале агрессии (63%) говорит в целом об отсутствии негативных эмоций и раздражения при общении

с окружающими и преобладании во взаимодействиях дружелюбия и тактичности. Средние значения шкалы конфликтности (75%) указывают нам в целом на отсутствие у испытуемых стремления к спорам, противоречиям и разжиганиям конфликтов в общении с окружающими.

Для дальнейшего изучения межличностных отношений нами была проведена методика диагностики особенностей межличностного поведения человека в группе, или «Q-сортировка» В. Стефансона. После обработки данных мы обнаружили высокие уровни показателей у большинства испытуемых по следующим шкалам-тенденциям: зависимость (62%), общительность (89%) и решительность (или принятие борьбы) (83%). Проявление у большинства испытуемых показателей тенденции к зависимости (62%) проявляется в стремлении индивида (внешнему или внутреннему) к принятию групповых правил и норм поведения, социальных и морально-этических ценностей. Данная особенность личности связана с доверчивостью, уступчивостью, пассивной подчиняемостью человека в межличностных контактах, с его зависимостью от членов группы. Преобладание у большинства испытуемых показателей тенденции к общительности (89%) заключается в наличии у них стремления к установлению и развитию близких доверительных отношений с членами группы и за ее пределами, готовности к взаимодействию, сочувствию и оказанию поддержки и помощи окружающим. Высокие показатели тенденции к принятию борьбы (или решительности) (83%) указывают на наличие у большинства испытуемых стремлений к активному участию в социальной жизни группы, совместному обсуждению и принятию основных решений и вопросов, управлению действиями окружающих в соответствии со своими желаниями и целями.

Для выявления склонности испытуемых к ксенофобии нами был взят соответствующий тест-опросник. После получения результатов обработки мы сделали следующие выводы. У большинства испытуемых (58%) наблюдается средний уровень склонности к ксенофобии. Данные индивиды признались нам в том, что в целом особого негативного отношения к представителям иных национальностей за собой не замечали, для них большее значение имеют поведение, характер и моральные ценности человека, чем его национальность. Испытуемые с низким уровнем склонности к ксенофобии (27%) пояснили нам, что вообще крайне редко обращают внимания на национальность человека, она для них не важна. И 10 человек (15%) с высоким уровнем склонности к ксенофобии заявили, что часто придают большое значение национальности собеседника. Испытуемые данной группы также признались в том, что стараются избегать общения с представителями иных национальностей, отличных от русской.

Для дальнейшего изучения подверженности испытуемых влиянию ксенофобских идей и настроений мы провели диагностику общего уровня толерантности испытуемых с помощью методики «Индекс толерантности». Толерантность как черта личности выявляет личностные особенности, убеждения и установки, которые определяют отношение человека к окружающему миру. После обработки, расшифровки и интерпретации полученных показателей исследования мы получили следующие результаты.

У большинства испытуемых было выявлено преобладание среднего (44%) и высокого (44%) уровней толерантности, результаты получились равными. Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что для испытуемых со средним уровнем толерантности характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт, в одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность. В большинстве случаев такие люди обладают позитивной этнической идентичностью, воспринимая представителей других наций без негативных предубеждений и опасений и позитивно оценивая большинство представителей других этносов.

Испытуемые с высоким уровнем толерантности (44%) обладают выраженными чертами толерантной личности: им свойственно наличие позитивной этнической идентичности, они характеризуются положительным, заинтересованным и уважительным отношением к представителям других наций, низким уровнем социальной дистанции (допускают видеть представителей других этносов в качестве своих друзей, близких родственников, соседей, коллег по работе). Отношение к различным социальным группам у таких людей также без явных негативных предубеждений и опасений, в целом они готовы к продуктивному коммуникативному взаимодействию (уважение и принятие мнения оппонентов, готовность к конструктивному решению конфликтов и успешному сотрудничеству).

Далее на основании результатов корреляционного анализа показателей, полученных в процессе исследования, путем применения метода математической статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) были оценены наличие и теснота взаимосвязей. После обработки и сравнения данных уровней ксенофобии с данными по каждой из четырех шкал межличностных отношений (напряженности, отчужденности, конфликтности и агрессии) подтвердилась достоверность взаимосвязи межличностных отношений и ксенофобии. Положительная корреляция указывает на тесную прямую взаимосвязь межличностных отношений и ксенофобии, т. е. чем выше уровень ксенофобии, тем напряженнее межличностные отношения.

После обработки и сравнения данных уровней толерантности с данными по каждой из трех преобладающих шкал – тенденций поведения в реальной группе (зависимость, общительность, решительность) подтвердилась достоверность взаимосвязи тенденций поведения в реальной группе и толерантности. Положительная корреляция указывает на тесную прямую взаимосвязь зависимости, общительности, решительности и толерантности, т. е. чем выше уровень толерантности, тем более положительными, лучше развитыми и продуктивными будут особенности межличностного поведения индивида в реальной группе.

Заключение

Обобщая полученные результаты исследования, можно сделать следующее заключение: в целом у испытуемых наблюдается стабильный и открытый характер коммуникативных особенностей; отмечается субъективное эмоциональное благополучие испытуемых, что говорит об успешном разрешении или отсутствии у них трудностей в общении с другими людьми; демонстрируется общая удовлетворенность в целом отношениями с окружающими людьми. Наблюдается проявление у большинства испытуемых стремления к принятию групповых правил и норм поведения, социальных и морально-этических ценностей, стремления к установлению и развитию близких доверительных отношений с членами группы и за ее пределами, готовности к взаимодействию, сочувствию и оказанию поддержки и помощи окружающим. У большинства испытуемых наблюдается доминирование среднего уровня склонности к ксенофобии. У испытуемых наблюдается преобладание среднего и высокого уровней толерантности, что говорит о том, что в целом такие индивиды обладают позитивной этнической идентичностью, воспринимая представителей других наций без негативных предубеждений и опасений и позитивно оценивая большинство представителей других этносов. Лишь у 12% испытуемых (8 человек) мы можем наблюдать низкий уровень толерантности, что говорит о наличии у них негативных установок и предубеждений по отношению к представителям других национальностей или различных чуждых им

социальных групп. У этих же людей был выявлен высокий уровень склонности к ксенофобии.

Стоит предположить, что на результаты исследования повлияли различные факторы, включая характеристики испытуемых, в частности наличие высшего образования. В любом случае результаты исследования требуют, на наш взгляд, глубокого осмысления и продолжения изучения данной проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что изучение межличностных отношений и механизмов достижения в них гармонии и взаимопонимания дает возможность изменить к лучшему многие социальные противоречия в развитии современного общества, семьи и отдельного конкретного индивида. Межличностные отношения проходят практически через все сферы жизнедеятельности человека, поэтому наша задача заключается в том, чтобы сделать их более продуктивными и позитивными, исключить напряженность, конфликтность, агрессию и ксенофобию, которые мешают людям жить в мире и согласии.

Библиография

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 376 с.
2. Бодалев А.А. Общение. Энциклопедический словарь. М.: Когито-Центр, 2011. 2280 с.
3. Бодалев А.А. Психология общения. Избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2002. 320 с.
4. Гудков Л.Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6. С. 60-77.
5. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
6. Левада Ю. Обобщенный чужой // Вестник общественного мнения. 2004. № 3.
7. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. М.: Республика, 1998. 393 с.
8. Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее. М.: Вопросы психологии, 1997.
9. Мясищев В.Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии // Психология личности. Самара: Бахрах, 1999. Т. 2.
10. Немов Р.С. Психология. Словарь-справочник. М.: Дрофа, 2001. 204 с.
11. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лебедь, 1990. 192 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 790 с.
13. Платонов К.К. О системе психологии. М., 1974. 158 с.
14. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: в 2 кн. М.: Владос, 2001. Кн. 1. 384 с.
15. Солдатова Г.У., Макаrchук А.В. Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, 2006. 256 с.
16. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. 368 с.
17. Шумская Л.И. Личностно-профессиональное становление студентов в процессе социализации. Минск: РИВШ, 2005. 271 с.
18. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество. Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. 390 с.

A study of the interrelation between interpersonal relations and xenophobia

Natal'ya G. Banaitis

PhD in Pedagogy,
Associate Professor at the Department of general and social psychology,
Institute for the Humanities and Information Technologies,
105264, 53, Verkhnyaya Pervomaiskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: banaitis.nata@gmail.com

Abstract

The article presents an overview of the main theoretical positions on the study of interpersonal relations, xenophobia and their role in human life. It analyses the results of the empirical research, which demonstrate the interrelation between the levels of xenophobia, tolerance and interpersonal relations. In general, the answers of the respondents show the stable and open nature of the communicative features and demonstrate the subjective emotional well-being of the respondents, which reveals that the respondents succeed in communicating with other people or experience almost no difficulties during communication, they also demonstrate overall satisfaction with relationships with other people. Most of the respondents try to observe group rules and behavioural norms, hold social and ethical values, establish and maintain close relationships with group members and other people, they are willing to communicate, support and help others. Most of the respondents demonstrate the dominance of the average level of the propensity for xenophobia. The respondents show the predominance of the medium and high levels of tolerance, which reveals that, in general, such individuals maintain a positive ethnic identity, perceiving representatives of other nations without any negative preconceptions and fears and adopting a positive attitude the majority of representatives of other ethnic groups.

For citation

Banaitis N.G. (2018) Issledovanie vzaimosvyazi mezhlichnostnykh otnoshenii i ksenofobii [A study of the interrelation between interpersonal relations and xenophobia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 114-125.

Keywords

Interpersonal relations, xenophobia, conflict, tolerance, communicative peculiarities.

References

1. Andreeva G.M. (2001) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press Publ.
2. Bodalev A.A. (2011) *Obshchenie. Entsiklopedicheski slovar'* [Communication. An encyclopedia]. Moscow: Kogito-TsentrPubl.
3. Bodalev A.A. (2002) *Psikhologiya obshcheniya. Izbrannye psikhologicheskie trudy* [The psychology of communication. Selected psychological works]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute.
4. Gudkov L.D. (2005) Smeshchennaya agressiya: otnoshenie rossiyan k migrantam [Displaced aggression: the attitude of the Russians towards migrants]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussion], 6, pp. 60-77.
5. Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. (2007) *Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika* [The ABC book for practicing social psychologists]. Moscow: PER SE Publ.
6. Levada Yu. (2004) Obobshchennyi chuzhoi [The generalised alien]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion], 3.
7. Lorenz K. (1973) *Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit.* (Russ. ed.: Lorenz K. (1998) *Vosem' smertnykh grekhov tsivilizovannogo chelovechestva.* Moscow: Respublika Publ.)
8. Murav'ev A. (1997) *Ksenofobiya: ot instinkta k idee* [Xenophobia: from instincts to ideas]. Moscow: Voprosy psikhologii Publ.
9. Myasishchev V.N. (1999) Ponyatie lichnosti v aspektakh normy i patologii [The concept of personality in the aspects of the norm and pathology]. In: *Psikhologiya lichnosti* [Personality psychology], Vol. 2. Samara: Bakhrakh Publ.
10. Nemov R.S. (2001) *Psikhologiya. Slovar'-spravochnik* [Psychology. A dictionary]. Moscow: Drofa Publ.
11. Obozov N.N. (1990) *Psikhologiya mezhlichnostnykh otnoshenii* [The psychology of interpersonal relations]. Kyiv: Lebed' Publ.
12. Ozhegov S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
13. Platonov K.K. (1974) *O sisteme psikhologii* [On the system of psychology]. Moscow.

-
14. Rogov E.I. (2001) *Nastol'naya kniga prakticheskogo psikhologa: v 2 kn.* [A handbook of practical psychologists: in 2 books], Book 1. Moscow: Vldos Publ.
 15. Shumskaya L.I. (2005) *Lichnostno-professional'noe stanovlenie studentov v protsesse sotsializatsii* [Personal and professional development of students in the process of socialisation]. Minsk: RIVSh Publ.
 16. Soldatova G.U., Makarchuk A.V. (2006) *Trening po profilaktike ksenofobii* [Training for the prevention of xenophobia]. Moscow: Genezis Publ.
 17. Stefanenko T.G. (2003) *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow.
 18. Yadov V.A. (2000) *Rossiya kak transformiruyushcheesya obshchestvo. Kuda idet Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'* [Russia as a transforming society. Where is Russia going? Power, society, personality]. Moscow.

УДК 15

Динамика изменения мотивации химически зависимой личности в процессе реабилитации

Бельшева Оксана Ивановна

Аспирант,
Башкирский государственный университет,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
клинический психолог,
Центр аддиктологии и восстановления личности «Эталон»,
450014, Российская Федерация, Уфа, ул. Соловьиная, 1;
e-mail: bereznulya@mail.ru

Аннотация

В статье проводится анализ динамики изменения мотивации на лечение у химически зависимых в процессе реабилитации. Автор отмечает, что реабилитация является ключевым звеном в процессе оказания помощи. Именно в период реабилитации происходят самые значимые изменения в ценностной ориентации личности. Представлены результаты лонгитюдных исследований в двух реабилитационных центрах, практикующих разные подходы к реабилитационному процессу в целом. В ходе исследования был использован экспериментально-психологический метод «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) А.А. Реана. Установлено, что, несмотря на некоторые положительные сдвиги в развитии мотивации на лечение, в целом химически зависимые люди в процессе реабилитации проявляют крайне высокую, устойчивую и длительную форму психологической защиты – отрицание. Результаты проведенных исследований подтверждают тот факт, что более 50% реабилитируемых остаются на стадии отрицания, тогда как в реабилитационном процессе они проходят уже стадию адаптации. Это значительно усложняет процесс реабилитации, поскольку сроки прохождения реабилитационных этапов не соответствуют личностно-эмоциональным изменениям.

Для цитирования в научных исследованиях

Бельшева О.И. Динамика изменения мотивации химически зависимой личности в процессе реабилитации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 126-132.

Ключевые слова

Мотивация, реабилитация, химически зависимая личность, лечение, психоактивные вещества.

Введение

В последние годы в России отмечается стойкая тенденция к интеграции в системе реабилитационных программ для химически зависимых людей и применяемых методов, связанных с изучением различных аспектов мотивации в выздоровлении. Вместе с тем психологических исследований, посвященных данной теме, особенно центральному компоненту – мотивации и ее влиянию на процесс восстановления и выздоровления химически зависимого человека в целом, явно недостаточно.

Мотивационный компонент химически зависимых людей, бесспорно, является связующим звеном в процессе адаптации к самой болезни – химической зависимости, к глубинным изменениям личности и сбалансированности жизненных сфер [Чирко, 2001]. Зависимость от психоактивных веществ является последствием мотивационной деформации, которая формирует наркотическую или алкогольную доминанту. Употребление психоактивных веществ становится смыслообразующим фактором в мышлении и поведении зависимого, а фундаментальные потребности становятся дефицитарными и приводят к трансформации ведущих мотивов.

Основная часть

Мотивация химически зависимой личности состоит из трех компонентов: внутренняя мотивация – «хочу» (доминирование здорового и нормативного «Я»); промежуточная мотивация – «хочу, но» (доминирование диссоциированного «Я»); внешняя мотивация – «не хочу, но» (доминирование алкогольного или наркотического «Я») [Ильин, 2000].

Развивающийся дефект мотивационного компонента личности химически зависимого и сужение мотивов до уровня влечения расструктурируют деятельность, и человеком начинает управлять жажда получения удовольствий любой ценой. Такого рода личностные изменения накладывают отпечаток на психологический портрет личности зависимого, что, в свою очередь, определяет специфику психотерапевтического подхода в реабилитационной деятельности [Агибалова, 2013].

Исследования различных подходов и программ по реабилитации химически зависимых людей с целью выявления эффективных технологий в этой области привели нас к изучению взаимосвязи между мотивацией зависимого и продолжительностью ремиссии. Нами было проведено лонгитюдное исследование в двух реабилитационных центрах, практикующих разные подходы к реабилитационному процессу в целом: с 2011 по 2013 год – в реабилитационном центре «Иремель», где зависимый сам или с помощью близких и персонала принимал решение о прохождении реабилитации, и с 2017 по 2018 год – в центре аддиктологии и восстановления личности «Эталон», где у зависимого был смешанный вид мотивации с преобладанием ультимативной формы прохождения курса.

Итак, мы имеем две картины мотивационного аспекта зависимой личности: в первом случае – внутренняя и смешанная мотивация; во втором случае – внешняя и смешанная мотивация.

В ходе исследования был использован экспериментально-психологический метод (МУН) А.А. Реана. Данный опросник разработан для выявления следующих типов мотивации:

1. Мотивация успеха. Выражается в стремлении к достижению успеха, в основе которого лежит вера в свои силы и позитивный результат. Люди с данным типом

мотивации отличаются целеустремленностью, ответственностью, энтузиазмом и активностью в достижении цели [Валентик, 2000]. Данный тип мотивации определяется количеством набранных баллов от 14 до 20.

2. Мотивация боязни неудачи. Выражается в стремлении избежать неудачи, основанном на страхе наказания и неверии в положительный результат. Люди с данным типом мотивации заранее думают о гипотетически построенных неудачах, а не о способах достижения цели [Байкенов, 2010]. В данной связи они отличаются неуверенностью в себе и высокой тревожностью и страхом ответственности, склонны к переоценке своих успехов в свете неудач, что объясняется эффектом контроля ожиданий. К данному типу мотивации относятся испытуемые, набравшие от 1 до 7 баллов.
3. Смешанная, или промежуточная, мотивация. К этому типу мотивации относятся испытуемые, набравшие от 8 до 13 баллов, то есть где нет ярко выраженного полюса в ту или иную сторону. По мнению А.А. Реана, при количестве баллов 8-9 испытуемый скорее тяготеет к мотивации боязни неудачи, тогда как при количестве баллов 12-13 – к мотивации успеха.

В ходе исследования проанализированы личные истории и медицинские данные, а также проведены мониторинговые занятия и беседы.

Данная методика была проведена с каждым реабилитантом в начале стационарного курса реабилитационной программы, в завершении курса и затем на амбулаторной программе на этапе социализации. В ходе исследования испытуемых разделили на три группы: химически зависимые, прошедшие весь курс реабилитации; химически зависимые, прервавшие курс по разным причинам; химически зависимые, отказавшиеся от программы социализации амбулаторного типа.

Важно отметить, что мотивационный подход в реабилитационном центре «Иремель» строился на понимании того, что мотивация на изменения возникает у самого зависимого в процессе реабилитации, так как там уже организованы условия, способствующие естественному желанию развиваться. Другими словами, мотивация не навязывается извне.

Результаты экспериментально-психологического исследования, проведенного в реабилитационном центре «Иремель» в 2011–2013 годах, показали следующее. В исследовании приняли участие 181 (100%) реабилитантов, имеющих химическую зависимость. Срок стационарной реабилитации составлял 42-60 дней и 90 дней программы социализации.

При анализе результатов экспериментально-психологического исследования в начале курса у 67 (37,01%) испытуемых выявлен позитивный тип мотивации, у 52 (28,7%) – смешанный тип, а у 61 (33,7%) – негативный тип мотивации.

Повторное исследование проводилось в конце стационарного курса реабилитации, в нем участвовали 132 (100%) испытуемых. Из них 78 (59,09%) имели смешанный тип мотивации и собирались пройти курс социальной адаптации, 34 (25,7%) имели позитивный тип мотивации и 20 (15,1%) испытуемых показали негативный тип мотивации, не имея желания перейти на курс социализации.

Третье исследование проводилось в конце курса социальной адаптации, в котором участвовали 78 (100%) испытуемых. Результаты полученных данных распределились так: 59 (75,6%) испытуемых имели позитивный тип мотивации, 12 (15,3%) испытуемых – смешанный тип мотивации и 7 (8,9%) испытуемых – негативный тип мотивации.

Анализ результатов экспериментально-психологического исследования 2017-2018 годов, проведенного в центре аддиктологии и восстановления личности «Эталон», позволил сделать

следующие выводы. Мотивационный подход в данной организации строился на важности конструктивной конфронтации, принуждения, убеждения и использования внешних источников, таких как семья зависимого, полиция, работа и т.д.

Для изучения взаимосвязи мотивации и срока ремиссии у химически зависимых людей нами в течение полутора лет проводилось исследование, в котором участвовали 140 реабилитантов, имеющих химическую зависимость. Все испытуемые проходили курс реабилитации с проживанием в центре «Эталон».

Анализ результатов экспериментально-психологического исследования показал, что из 140 (100%) реабилитантов в начале курса реабилитации 98 (70%) человек демонстрировали мотивацию на неудачу, у 20 человек (14,2%) имелась позитивная мотивация, а у 22 (15,7%) испытуемых – смешанный тип мотивации.

Повторное исследование проводилось с участием дошедших до окончания стационарного курса 77 (100%) испытуемых. Из них 39(50,6%) человек имели в начале курса мотивацию на неудачу и, соответственно, низкую мотивацию на прохождение курса реабилитации; 36 (46,7%) испытуемых сохранили мотивацию на неудачу и демонстрировали негативную модель мышления на протяжении всего курса. Смешанный тип мотивации был у 21 (27,2%) испытуемого, и 10 (12,9%) испытуемых показали позитивный тип мотивации по завершении курса реабилитации.

Третье исследование проводилось в конце курса социальной адаптации, в нем участвовали 42 (100%) испытуемых. Из них 12 (28,5%) испытуемых показали позитивную мотивацию по МУН, 25 (59,5%) испытуемых имели смешанный тип мотивации и у 5 (11,9%) испытуемых был негативный тип мотивации.

С помощью критерия φ^* (угловое преобразование Фишера) оценим достоверность различий между процентными долями двух выборок, в которых зарегистрирован интересующий нас признак.

Эмпирическое значение φ^* подсчитывается по формуле:

$$\varphi^* = (\varphi_1 - \varphi_2) \cdot \sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{n_1 + n_2}},$$

где φ_1 – угол, соответствующий большей процентной доле;

φ_2 – угол, соответствующий меньшей процентной доле;

n_1 – количество наблюдений в выборке 1;

n_2 – количество наблюдений в выборке 2.

Уровень значительности φ^* эмпирического значения определяется по специальной таблице. Чем больше величина φ^* , тем более вероятно, что различия достоверны.

Таблица 1 – Процентные доли двух выборок

Тип мотивации по МУН	РЦ «Ирмель». Начало стационарного курса	РЦ «Ирмель». Завершение стационарного курса	РЦ «Ирмель». Завершение курса социализации	РЦ «Эталон». Начало стационарного курса	РЦ «Эталон». Завершение стационарного курса	РЦ «Эталон». Завершение курса социализации
Позитивный тип мотивации	37,01%	25,7%	75,6%	14,2%	12,9%	28,5%
Смешанный тип мотивации	28,7%	59,09%	15,3%	15,7%	27,2%	59,5%

Тип мотивации по МУН	РЦ «Ирмель». Начало стационарного курса	РЦ «Ирмель». Завершение стационарного курса	РЦ «Ирмель». Завершение курса социализации	РЦ «Эталон». Начало стационарного курса	РЦ «Эталон». Завершение стационарного курса	РЦ «Эталон». Завершение курса социализации
Негативный тип мотивации	33,7%	15,1%	8,9%	70%	46,7%	11,9%

В результате исследования было установлено, что химически зависимые люди в процессе реабилитации проявляют крайне высокую, устойчивую и длительную форму психологических защит – отрицание. Более 50% реабилитируемых остаются на стадии отрицания, тогда как в реабилитационном процессе они проходят уже стадию адаптации. Это значительно усложняет процесс реабилитации, поскольку сроки прохождения реабилитационных этапов не соответствуют личностно-эмоциональным изменениям.

Заключение

Реабилитация является ключевым звеном в процессе оказания помощи. Именно в период реабилитации происходят самые значимые изменения в ценностной ориентации личности. Мотивация не является чем-то статичным. Развитие мотивации, в отличие от выявления, конечным действием не является. Поэтому мероприятия на развитие мотивации должны начинаться непосредственно с момента выявления и продолжаться на протяжении всего процесса восстановления зависимого и его включения в жизнь общества.

Реабилитационный процесс должен включать факторы и мероприятия, способствующие развитию мотивации к дальнейшему выздоровлению: этапность реабилитационного процесса; терапевтические группы с психологом; поддержку по принципу «равный-равному» (со стороны таких же зависимых, находящихся на последующих этапах реабилитации); планирование реабилитантом своей дальнейшей жизни.

Библиография

1. Агибалова Т.В. и др. Психотерапевтические подходы к больным опиоидной зависимостью с низкой мотивацией на лечение: методические рекомендации. М.: Национальный научный центр наркологии Минздрава России, 2013. 26 с.
2. Байкенов Е.Б. Мотивационное консультирование на различных этапах наркологической помощи: методические рекомендации. Павлодар, 2010. 49 с.
3. Валентик Ю.В. Современные методы психотерапии больных с зависимостью от психоактивных веществ. М.: Нолидж, 2000. 346 с.
4. Вассерман Л.И., Дюк В.А., Иовлев Б.В., Червинская К.Р. Психологическая диагностика и новые информационные технологии. СПб., 1997. 203 с.
5. Завьялов В.Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости. Новосибирск: Наука, 1988. 198 с.
6. Зиганшин И.М., Китаева С.В., Мухутдинова Д.А. Первые результаты работы наркологического реабилитационного центра «Преодоление» // Вопросы наркологии. 2004. № (4). С. 36-38.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
8. Катков А.Л., Пак Т.В., Россинский Ю.А., Титова В.В. Интегративно-развивающая психотерапия больных наркозависимых. Павлодар, 2003. 267 с.
9. Прохоров А.В., Велисер У.Ф., Прохаска Дж.О. Транстеоретическая модель изменения поведения и ее применение // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 113-122.
10. Чирко В.В. Закономерности течения и исходов наркоманий и токсикоманий, начавшихся в молодом возрасте (в свете отдаленного катамнеза): дисс. д-ра мед. наук. М., 2001. 249 с.

Dynamics of changes in motivation of a chemically dependent person in the rehabilitation process

Oksana I. Belysheva

Postgraduate,
Bashkir State University,
450076, 32, Zaki Validi st., Ufa, Russian Federation;
Clinical Psychologist,
Center for Addictology and Rehabilitation "Etalon",
450014, 1, Solov'inaya st., Ufa, Russian Federation;
e-mail: bereznulya@mail.ru

Abstract

The article analyzes the dynamics of motivation of a chemically dependent person for treatment in the process of rehabilitation. The author notes that rehabilitation is a key element in the process of providing assistance. The most significant changes in the value orientation of the individual occur in the period of rehabilitation. Measures for the development of motivation should begin immediately from the moment of identification and continue throughout the process of recovery of the dependent and its inclusion in the life of society. The rehabilitation process should include certain factors and activities that contribute to the development of motivation for further recovery. The article presents the results of longitudinal studies in two rehabilitation centers practicing different approaches to the rehabilitation process. It was found that despite the positive changes in the dynamics of motivation for treatment, in general chemically dependent people in the process of rehabilitation exhibit extremely high, stable and long-term form of psychological protection – a denial. The results of the studies confirm that more than 50 percent of the rehabilitated people remain at the stage of denial, while they are already at the stage of adaptation in the rehabilitation process. This greatly complicates the process of rehabilitation, since the terms of the rehabilitation stages do not correspond to personal and emotional changes.

For citation

Belysheva O.I. (2018) Dinamika izmeneniya motivatsii khimicheski zavisimoi lichnosti v protsesse reabilitatsii [Dynamics of changes in motivation of a chemically dependent person in the rehabilitation process]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 126-132.

Keywords

Motivation, rehabilitation, chemically dependent person, treatment, psychoactive substances.

References

1. Agibalova T.V. i dr. (2013) Psikhoterapevticheskie podkhody k bol'nym opio-idnoi zavisimost'yu s nizkoi motivatsiei na lechenie: metodicheskie re-komendatsii [Psychotherapeutic approaches to patients with opioid dependence and low motivation for treatment: methodical recommendations]. Moscow: National Research Center of Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation.

2. Baikenov E.B. (2010) Motivatsionnoe konsul'tirovanie na razlichnykh etapakh narkologicheskoi pomoshchi: metodicheskie rekomendatsii [Motivational counseling at various stages of drug treatment: guidelines]. Pavlodar.
3. Chirko V.V. (2001) Zakonomernosti techeniya i iskhodov narkomanii i toksiko-manii, nachavshikhsya v molodom vozraste (v svete otdalennogo katamneza). Dokt. Diss. [Regularities of the course and outcomes of drug addiction and substance abuse, started at a young age (in the term of remote catamnesis). Doct. Diss.]. Moscow.
4. Il'in E.P. (2000) Motivatsiya i motivy [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter Publ.
5. Katkov A.L., Pak T.V., Rossinskii Yu.A., Titova V.V. (2003) Integrativno-razvivayushchaya psikhoterapiya bol'nykh narkozavisimykh [Integrative-developing psychotherapy of drug addicts]. Pavlodar.
6. Prokhorov A.V., Veliser U.F., Prokhaska Dzh.O. (1994) Transteoreticheskaya model' izmeneniya povedeniya i ee primeneniye [Transtheoretic model of modification and its practical application]. Voprosy psikhologii [Questions of psychology], 2, pp. 113-122.
7. Valentik Yu.V. (2000) Sovremennyye metody psikhoterapii bol'nykh s zavisi-most'yu ot psikhoaktivnykh veshchestv [Actual methods of psychotherapy of patients with dependence on psychoactive substances]. Moscow: Nolidzh Publ.
8. Vasserman L.I., Dyuk V.A., Iovlev B.V., Chervinskaya K.R. (1997) Psikhologicheskaya diagnostika i novye informatsionnye tekhnologii [Psychology diagnostics and new information technologies]. Saint Petersburg.
9. Zav'yalov V.Yu. (1988) Psikhologicheskie aspekty formirovaniya alkogol'noi zavisimosti [Psychological aspects of alcoholism development]. Novosibirsk: Nauka Publ.
10. Ziganshin I.M., Kitaeva S.V., Mukhutdinova D.A. (2004) Pervyye rezul'taty raboty narkologicheskogo reabilitatsionnogo tsentra "Preodolenie" [The first results of the activity of the drug rehabilitation center "Preodolenie "]. Voprosy narkologii [Questions of Drug Addiction Studies], (4), pp. 36-38.

УДК 159.972

Модель психологического развития больного шизофренией как консультативная задача

Леденцова Светлана Леонидовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии,
Сургутский государственный университет,
428403, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1;
e-mail: Leden-svet@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается модель психологического развития больного шизофренией, раскрывающая психологические генезис, структуру и функции заболевания. К психологическим причинам, способствующим появлению особых черт личности, отнесены: скрытое отвержение, подавление, присвоение Я-ребенка, патологический симбиоз; парадоксальная коммуникация; «патологизирующие роли» в семье.

Нарушения в социальной ситуации формируют особенности личности: несформированность Я-идентичности, неумение определять авторство потребностей, мыслей и чувств, не различение границ Я-не Я, полярные оценки себя и мира.

Ключевой конфликт возникает в ситуации непринятия или подавления значимым Другим ведущей потребности личности в прерывании / сохранении патологического симбиоза. При неудаче реализации потребности возникает психотический способ реагирования. Семантика продуктивной симптоматики определяется типом фрустрированной ведущей потребности.

Результаты работы вскрывают необходимость психологического консультирования подопечных и членов их семей, что позволит больным решить ключевой внутриличностный конфликт и использовать эффективные способы переживания проблем, снижающих появление психотических симптомов.

Для цитирования в научных исследованиях

Леденцова С.Л. Модель психологического развития больного шизофренией как консультативная задача // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 133-143.

Ключевые слова

Шизофрения, семантика продуктивной симптоматики, модель психологического развития больного шизофренией, психологическое консультирование.

Введение

Для современного развития российской патопсихологии, где теоретические принципы имеют прочные медицинские, психиатрические традиции определения синдромного анализа, а условия практических исследований тяготеют к классической объективной парадигме, остро проявляются проблемы, определяющие динамику ее развития. Акценты в изучении развития личности больного в патопсихологическом направлении смещены в сторону изучения специфики нарушений высших психических функций (ВПФ), а психологическое сопровождение больного редуцируется до попыток компенсации нарушений ВПФ, считающейся основным способом инклюзии больного в социум. Подобные способы психологического сопровождения можно считать симптоматическими. Мы считаем, что основополагающей задачей патопсихологии должно стать исследование контекста и содержания аномального развития личности: исследование потребностей болеющего человека, его основных психологических конфликтов, причин и обстоятельств, приводящих к патовым критическим ситуациям; исследование связей критической ситуации и фрустрации основных потребностей развития личности с содержанием психотических симптомов и пр.

Литературный обзор

Основным методом исследования аномального развития и одновременно ключевым средством нормализации развития может стать психологическое консультирование (ПК), так как именно в ПК развитие личности в развивающихся же реальных обстоятельствах жизни является основным предметом анализа. Продуктивно осмыслять ПК не как частый метод отдельной школы или направления, а как методологию исследования развития, в частности, его аномального варианта. Это становится возможным при использовании потенциала отечественной психологии. Применение центральных понятий, сложившихся как у Л.С. Выготского, описавшего развитие личности через знаково-символическое опосредствование, заданное культурно-исторически; так и в трудах его последователей (А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина, Л.И. Божович и пр., а в области патопсихологии Г.В. Биренбаум, Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн, Т.И. Тепеницыной, Ю.Ф. Полякова, В.В. Николаевой Т.К. Мелешко, В.П. Критской и др.), обосновавших принципы деятельностного подхода в понимании развития, позволяют наметить стратегию ПК, которая может быть применима для сопровождения больных шизофренией [Леденцова, 2008, 112; Леденцова, 2012, 423]. ПК правомерно понимать как социальную ситуацию развития (ССР) больного шизофренией, в которой с помощью подбора и использования психологом системы средств для интерпретации критической ситуации расширяется зона ближайшего развития подопечного и провоцируется появление ведущей деятельности, направленной на ее разрешение. Результатом процесса ПК должны стать психологические новообразования, позволяющие купировать продуктивную симптоматику через раскрытие содержания психологической проблемы, ее нормализации, через освоение иных способов ее преодоления и решение тех задач возраста, которые в связи с болезнью стали неразрешимыми для него. Такое понимание цели ПК требует построения теоретической модели психологического развития больного шизофренией.

Материалы и методы

Описание особенностей ССР личности больных шизофренией в ПК с применением понятий культурно-исторической теории малочисленны, но в зарубежных исследованиях можно увидеть размышления о генезисе шизофрении в терминах, содружественных с понятиями Л.С. Выготского. Работы психоанализа позволяют взглянуть на проблему шизофрении с точки зрения нарушения социального опосредствования. Так, З. Фрейд сформулировал идеи о механизме появления шизофрении как попытке отрицания человеком не принимаемой им реальности [Фрейд, 1924, 4]. Далее, в теории объектных отношений были тщательно проанализированы социальные условия, которые влекут за собой искажение развития структуры личности и провоцируют появление продуктивной симптоматики. Такие авторы как М. Малер, М. Кляйн, Ф. Дольто, Р. Шпиц, Д. Коблинер, О. Фенихель, Р. Ферберн, О. Кернберг, Х. Кохут, Д. Мастерсон, Н. Мак-Вильямс и др. описали шизофрению как регрессию к симбиотическому состоянию «мать и дитя», как полную утрату «собственного Я» и хорошего объекта в ситуации хронической потери удовольствия [Тэхкэ, 2012, 464].

На основе теории объектных отношений расширяется исследование развития больных шизофренией в рамках семейной психотерапии, и следующие авторы: М. Боуэн, Г. Бейтсон, Д. Джексон, М. Сельвини-Палаццоли, К. Витакер, К. Маданес, Э.Г. Эйдемиллер, Г.В. Старшенбаум и др. считали, что психическое заболевание играет роль стабилизатора на уровне всей семейной системы, препятствуя психологической сепарации взрослых детей, вовлеченных в родительский конфликт [Черников, 2005, 400]. В такой семье были выявлены нарушения коммуникации, в которых симптомы шизофрении играли роль «закодированного сообщения», имеющего символическое значение.

Далее исследователи шизофрении вывели понимание этиологии и патогенеза в более широкий культурно-исторический контекст. Так, Л. Бинсвангер представил экзистенциальную теорию шизофрении, где болезнь представляет собой развитие особого мира, в котором нарушается согласованность естественного опыта, расщепление его на альтернативы, на жесткое «или-или» [Бинсвангер, 1999, 300].

Радикальные последователи Л. Бинсвангера, в частности Р. Лэнг, А. Эстерсон, Т. Сас полагали, что шизофрения – это симуляция, отвлекающие маневры, «чтобы сбить опасных людей со следа». Шизофрения начинает пониматься как нормальная реакция на ненормальные обстоятельства [Лэнг, 2012, 286]. Д. Мак-Дугалл доказывала мысль о шизофрении как о способе защиты значимого Другого от ненависти Я [Мак-Дугалл, 2007, 480].

В отечественной психологической теории также встречаются работы авторов, описывающих защитную функцию шизофрении. Так, В.П. Руднев считал, что шизофрения – это защита против угрожающей психотической личности реальности XX в., приводящая к появлению равноправных, но не сочетаемых характерологических радикалов, мешающих формированию ядра личности [Руднев, 2012, 406].

Апогеем культурно-исторического понимания генезиса шизофрении можно считать точку зрения Р. Столору, Б. Брандшафта и Д. Атвуда, утверждавших, что аномалия развития личности имеет интересубъектный характер и распределена между больным и его окружением [Столору, 1999, 252].

Опираясь на результаты работ авторов психоаналитического и отечественного направлений, мы выдвинули гипотезу о взаимосвязи особенностей ССР, содержания ключевого психологического конфликта личности больного и семантики продуктивного симптома как

связи, определяющей фрустрацию основной потребности подопечного [Леденцова, 2016, 185]. Нами было проведено эмпирическое исследование на базе СК ПНД г. Сургута, в котором приняли участие 23 больных мужского пола с диагнозом F20.0 – шизофрения (параноидная форма). Возраст подопечных составил от 25 до 55 лет. В ходе ПК в качестве диагностических процедур нами были использованы такие методики как «Неоконченные предложения», Тест «Розенцвейга», ТАТ, «Кинетический рисунок семьи», Тест «Шкала семейного окружения» (ШСО), выписки из эпикриза, клиническая беседа, результаты которых анализировались с помощью разработанных нами диагностических критериев.

В ходе исследования во всех клинических случаях были обнаружены патологические условия ССР личности подопечных такие как: психотоксическое поведение матери (95,6 %), патологическая коммуникация (100 %), наличие патологизирующих ролей (100 %) (см. табл. 1).

Таблица 1 – Результаты исследования особенностей ССР подопечных, больных шизофренией

Критерии	Кол-во человек	% показатели
Психотоксическое поведение матери	22	95,6 %
Патологическая коммуникация	23	100 %
Патологизирующие роли	23	100 %
Наличие ключевого конфликта	23	100 %

Было выяснено, что у матерей наших подопечных остались несформированными мотивы совместно-разделенной деятельности с ребенком, роль матери не принималась ими, что демонстрируют, например, такие фразы подопечных как: «Считаю, что большинство матерей, очень любят своих сыновей, кроме моей матери». Но факт непринятия ребенка вытеснялся матерью из сознания, так как ее сознательным нормативом являлся постулат о хорошей матери, которая должна любить своего ребенка. В парадоксальной ситуации невозможности избежать эмоционального контакта с отвергаемым ребенком и проявлять к нему любовь родитель бессознательно находит способ минимизировать противоречие и снять свой внутренний конфликт. Этот способ можно описать как попытку освоения ребенка в качестве орудия, продолжения своего Я для минимизации его представленности в сознании матери. Для этого мать «поглощает» мотивы, потребности, эмоции, мысли ребенка. В результате при возникновении у ребенка потребности, не согласующейся с материнской, возникает ее отчуждение. Тотальность материнской фигуры проявляется в описании ее подопечными как Богоподобной, великой, доброй и / или ужасно страшной, выступающей источником всех норм и правил жизни подопечного, например, «мое начальство - это мама и бабушка», «любимая ужасная мамочка», «святая мамочка», «любимая моя» и пр.

Следующим выявленным патологическим условием ССР являлось нарушение коммуникации в семье, которое встречалось в 100 % случаях. Оно проявлялось в противоречивом, скрытом, невербальном и / или парадоксальном характере сообщений, исходящих от значимого члена семьи ребенку, в которых контекст отрицает содержание сообщения. Подопечные часто указывали на то, что не понимают, чего хочет от них мать, или указывали на то, что не имели право говорить: «Говорили мне неправду всегда». Такие нарушения коммуникации могут объяснять симптом «стекла и дерева», характерный для больных.

Третьей особенностью ССР является нарушение ролевого компонента, проявляющееся в наличии «патологизирующих ролей», которые были обнаружены в 100 % случаев. Подопечному

в семье отводилась роль «козла отпущения» или «аутсайдера», в то время как другой ребенок в семье мог быть принимаемым и любимым. Так, например, подопечный говорил о том, что мама больше любит брата: «Я – папин сын, а брат – мамин, зачем она мне так говорит?», или подопечные указывали на то, что матери часто обвиняют их в чем-либо: «Это ты во всем виноват», или указывали на авторитарный контроль: «Мама берет все под контроль».

Создание ситуации отвержения и жесткое подчинение ребенка потребностям Другого в ситуации патологического симбиоза провоцирует возникновение особых черт личности, проявляющихся в нарушении Я-идентичности больных. У них не формируется новообразование «Я-сам», не означаются границы, разделяющие его личность и личность значимого Другого. Подопечный не умеет определять авторство потребностей, мыслей и чувств, он не может отделить друг о друга когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты психической жизни. В том случае, когда значимые, ведущие потребности подопечного не принимаются значимым лицом, либо на них наложен запрет, возникает центральный конфликт подопечных, наблюдающийся в 100 % случаях. Его содержание зависит от типа фрустрированной потребности.

Результаты и обсуждения

Мы выяснили, что развитие ключевой проблемы начинается с прерывания (действительного или фантазийного) ситуации патологического симбиоза и может иметь два варианта развития (прогрессивный и регрессивный) в зависимости от того, кто является инициатором дистанцирования, и определяется двумя типами потребностей. В первом варианте автором разрыва эмоционально близких отношений является значимый Другой, что актуализирует у подопечного потребность в симбиозе (регрессивный вариант). Во втором – потребность в отделении от значимого Другого принадлежит самому подопечному, что можно считать прогрессивным вариантом развития по наличию признаков новообразования «Я-сам». Существование двух типов ведущей потребности раскрывалось в исследовании через различия в отношении подопечных к своей семье и значимому Другому, через разницу в стратегиях поведения, используемых подопечными в конфликтных ситуациях (см. табл. 2).

Таблица 2 – Особенности проявления ключевого конфликта подопечных, больных шизофренией, в зависимости от типа фрустрированной потребности

Критерии содержания ключевого конфликта	Подопечные с фрустрированной потребностью в симбиозе		Подопечные с фрустрированной потребностью в отделении	
	кол-во человек	% от общего кол-ва подопечных	кол-во человек	% от общего кол-ва подопечных
1. Фрустрация потребности в симбиозе	11	47,8	0	0
2. Фрустрация потребности в отделении	0	0	12	52,2
3. Оценка семьи как высокоорганизованной	11	47,8	0	0
4. Оценка семьи как низкоорганизованной	0	0	12	52,2
5. Идеализация образа матери	11	47,8	1	4,3

Критерии содержания ключевого конфликта	Подопечные с фрустрированной потребностью в симбиозе		Подопечные с фрустрированной потребностью в отделении	
	кол-во человек	% от общего кол-ва подопечных	кол-во человек	% от общего кол-ва подопечных
6. Обесценивание образа матери	1	4,3	11	47,8
7. Конформная стратегия поведения при потребности в симбиозе	11	47,8	1	4,3
8. Противостоящая стратегия поведения при потребности в отделении	0	0	11	47,8

Так, в группе с потребностью в симбиозе подопечные идеализировали образ матери и семьи. Семью они оценивали как бесконфликтную, высокоорганизованную, экспрессивную и контролирующую. В то время как подопечные с потребностью в отделении обесценивали образ матери и представляли свою семью как конфликтную, контролирующую, с низким уровнем экспрессивности и с низким уровнем организации. Это указывает на значимость симбиоза в первой группе и объясняет ощущение травмирующей брошенности у подопечных при его разрыве, и его неактуальность во второй группе, в которой подопечные воспринимают семью как удушающие и сковывающие обстоятельства на пути к свободе.

Подтверждает наличие двух типов потребностей и разница в стратегии поведения в конфликтных ситуациях. У испытуемых первой группы при фрустрации значимым Другим их стремления к симбиозу с ним возникает конформное поведение. Подопечные стремились любой ценой вернуть значимого человека, выполняя его желания и подавляя собственную агрессию по отношению к нему. Часто они обвиняли себя в происходящем и пытались исправить свое поведение. Подопечными второй группы при фрустрации потребности в отделении реализовывалась стратегия противостояния, бунта против норм и правил значимого лица. Они считали виноватыми в межличностных конфликтах не себя, а окружающих или обстоятельства. Основными индикаторами ключевого конфликта у подопечных в исследовании выступали эмоциональные переживания и появление продуктивной симптоматики (см. табл. 3).

Таблица 3 – Семантика продуктивной симптоматики в зависимости от типа ведущей фрустрированной потребности больного шизофренией (% от общего кол-ва подопечных)

Критерии содержания ключевого конфликта	Подопечные с фрустрированной потребностью в симбиозе	Подопечные с фрустрированной потребностью в отделении
1. Преобладание вины при актуализации потребности	8,6	47,8
2. Преобладание страха при актуализации потребности	39,2	4,3
3. Проекция страха нападающего Мира	47,8	0
4. Интроекция активности Мира (Богоподобность)	0	52,2

Критерии содержания ключевого конфликта	Подопечные с фрустрированной потребностью в симбиозе	Подопечные с фрустрированной потребностью в отделении
5. Поддерживающие голоса (интроекция Другого)	47,8	0
6. Нападающие голоса (проекция нападающего Другого)	04,3	52,2

Так, у подопечных с тенденцией к регрессу ведущими эмоциями были страх отвержения Другим / страх нападения Мира и ощущение собственной незащищенности (47, 8 %). В немногочисленных случаях (8,6 %, когда симбиоз был действительно прерван) они переживали вину за свою несостоятельность, «плохость» с точки зрения Другого и пытались исправиться. У подопечных второй группы с прогрессивным вектором развития преобладала вина за проявления самости, за авторство мыслей и поступков (47,8 %), а также страх наказания Другим за разрыв симбиоза (52,2 %). В некоторых случаях (при абсолютной невозможности разорвать симбиоз из-за запрета значимого Другого) наблюдалось переживание страха поглощения и разрушения себя значимым Другим (4,3 %).

Содержание переживания позволило объяснить семантику продуктивной симптоматики двух групп подопечных. Мы выделили несколько вариантов кодирования ведущей потребности в символах психотической продукции. Во-первых, это вариант проекции. Такой способ взаимодействия с собственной потребностью позволяет подопечному не чувствовать вину за авторство поступков, мыслей и действий. Он встречается чаще при фрустрации потребности в отделении. Собственные желания отделения от семьи (обычно конкретизированные в потребностях, определяющихся задачами ведущей деятельности того возрастного периода, в котором находится подопечный, например, в желаниях построения отношений с противоположным полом) приписываются другому (голосам, отдающим приказ убить значимое лицо, либо уничтожить другого человека, которому подопечные присваивают черты значимого Другого, чтобы освободиться от удушающих отношений).

Вторым вариантом проявления ведущей потребности в продуктивной симптоматике является ее реализация с помощью патологического фантазирования и создания фантастических образов достижения желаемого с помощью интроекции. Так, при фрустрации потребности в симбиозе при разрыве отношений со значимым Другим в содержании продуктивного симптома могут появляться одобряющие голоса («Ты правильно делаешь») как фантазийная замена значимого Другого, позволяющая в психологическом мире подопечного продолжать слияние и выполнять роль основы его личности, предохраняя ее от распада. В случае фрустрации потребности в отделении ее псевдоудовлетворение и создание границ своего Я может проявляться в идеях Богоподобности, противопоставленности себя остальным, как доказательстве своей инаковости.

В-третьих, в семантике психоза может быть отражено переживание горевания, базального страха от невозможности реализовать свою потребность. Преимущественным использованием такого способа символизации характеризуются подопечные с регрессивной тенденцией в развитии – с фрустрацией потребности в симбиозе. При разрыве отношений со значимым Другим в идеях распада себя, в разложении своего тела и т. п. проявляется материализация, символизация переживания отсутствия целостности Я.

В – четвертых, в психотическом символизме может быть представлено переживание последствий от возможной реализации потребности. Этот способ характерен для прогрессивного развития мотивационной сферы и фрустрации потребности в отделении. Испытываемая вина за авторство своих поступков часто проецируется и выражается в виде нападающих, управляющих голосов (которые являются прообразами карающего Другого).

На основе обобщения полученных результатов мы составили модель психологического развития больного шизофренией:

1. Особенности социальной ситуации развития, способствующие появлению особых личностных качеств: 1) скрытое отвержение, жесткое подавление родителем и присвоение Я-ребенка в качестве продолжения Я-родителя, создание патологического симбиоза; 2) парадоксальная коммуникация по типу «двойного зажима»; 3) «патологизирующие роли» в семье.

2. Психологические особенности личности: нарушение Я-идентичности; отсутствие новообразования «Я-сам», разделения своей личности и личности значимого Другого; неумение определять авторство потребностей, мыслей и чувств, невозможность отделять друг от друга когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты психической жизни, не различение границ Я-не Я, коммуникативного контекста и сообщения, одновременные и полярные оценки себя и мира.

3. Ключевой внутриличностный конфликт – это фрустрация значимым Другим ведущей потребности личности в прерывании (прогресс) или сохранении патологического симбиоза (регресс).

4. Эмоциональные переживания в условиях ключевого конфликта. Вина и страх как полярные эмоциональные переживания, разделяющиеся по модусу активности / пассивности подопечного во взаимоотношениях в триаде Мир-Я-Другой.

- Диада Мир-Я против Другого при потребности в отделении вызывает страх преследования Другим и вину перед Другим за свое авторство. Внутри диады возникает страх отвержения Миром и вина перед Миром за возможную «плохость» Я.
- При потребности в симбиозе переживание объединения Мира-Я невозможно, так как еще не актуально для личности.
- Диада Я-Другой при желании симбиоза вызывает вину Я за свою «плохость» перед Другим и страх потери Другого при переживании защищенности от Мира.
- При потребности в отделении в диаде Я-Другой появляется вина перед Миром за нереализованность Я и страх наказания Миром. Внутри диады Я-Другой – страх поглощения Другим и вина перед Другим за свою агрессию.
- Диада Другой-Мир и противостояние Я у подопечного с потребностью в симбиозе актуализирует страх нападения, ощущение собственного распада и уничтожения.
- У подопечных с потребностью в отделении такой вариант отношений почти не возникает, так как уже не актуален для них.

5. Стратегия решения проблем. При ощущении возможности реализовать ведущую потребность психотических симптомов не возникает. При неудаче реализации потребности возникает психотический способ совладания со страхом и виной.

6. Содержание психотических симптомов. Содержание определяется способом переработки неудачи в реализации потребности:

- 1) псевдореализация фрустрированной потребности с помощью отрицания ее фрустрации: при фрустрации потребности в симбиозе:

а) страх разрушения Я Миром вызывает перенос в Я путем интроекции образ хорошего Другого, что проявляется в одобряющих голосах; б) вина перед Другим за свою «плохость» приписывается через проекцию другому лицу и проявляется в виде обвиняющих голосов (персекуторный бред или бред преследования);

при фрустрации потребности в отделении:

а) вина перед Миром за отсутствие самореализации нивелируется через интроекцию, проявляющейся в идее Богоподобности и создании границы своего Я за счет противопоставленности остальным; б) страх поглощения Я Другим переживается через проекцию агрессии на другое лицо, что проявляется в виде нападающих, управляющих голосов (прообраз карающего Другого) или персекуторного / ипохондрического бреда;

2) переживание горя от фрустрации потребности:

при фрустрации потребности в симбиозе:

а) страх разрушения Я Миром переживается в виде деструкции тела, распада, разложения, ипохондрии; б) вина перед Другим за свою «плохость» – в виде проекции обвинений на других и появлении обвиняющих голосов, а также в идее самоуничужения, самоагрессии (деперессивный бред);

при фрустрации потребности в отделении:

а) страх поглощения Другим вызывает проекцию агрессии и идей деструкции Другого в виде бреда одержимости или персекуторного бреда (мести за агрессию); б) вина перед Миром за отсутствие самореализации переживается через проекцию обвинений и появление бреда преследования.

Заключение

Представленная теоретическая модель психологического развития больного шизофренией, доказывает важность ПК подопечных и их семей и намечает цели ПК: сопровождение появления новообразования «Я-сам», освоение эффективных вербальных способов переживания критических ситуаций, замещающих психотический способ реагирования.

Библиография

1. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., СПб. : КСП+, Ювента, Ленато. – 1999. – 300 с.
2. Леденцова С.Л. Модель психологического консультирования, основанная на принципах культурно-исторической концепции // Психология в здравоохранении и образовании. Вып. 24. «Генетико-моделирующий эксперимент: варианты исследований». Сургутский гос. ун-т ХМАО – Югры. Сургут: ИЦ СурГУ. – 2008. – 100-114 с.
3. Леденцова С.Л. The structure and dynamics of the psychotherapeutic situation in terms of the cultural-historical conception // European Science and Technology : materials of the international research and practice 2nd conference. Wiesbaden : Bildungszentrum Rodnik e. V., Strategic Studies Institute. – 2012. – 420-425 с.
4. Леденцова С.Л., Леонова А.В. Фрустрация ведущей потребности личности как семантика психотических симптомов при шизофрении // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. – № 2 (34). – 183-189 с.
5. Лэнг Р.Д., Эстерсон А. Безумие: семейные корни: (влияние семьи на развитие личности). Екатеринбург: Литур. – 2012. – 286 с.
6. Мак-Дугалл Д. Театры тела: Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств. М.: «Когито-Центр». – 2007. – 215 с.
7. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс. – 2010. – 480 с.
8. Руднев В.П. Полифоническое тело. Реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис. – 2010. – 406 с.
9. Столору Р., Брандшафт Б., Атвуд Д. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. М.: Когито-Центр. – 1999. – 252 с.

10. Тэхкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. М.: Издательство: Канон+РООИ «Реабилитация». – 2012. – 464 с.
11. Фрейд З. Невроз и психоз. Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse, Band 10, Heft 1, Leipzig / Zurich / Wien, Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924, S. 1-5
12. Черников А.В. Системная семейная терапия: Классика и современность. М.: Класс. – 2005. – 400 с.

The model of the psychological development of the patient with schizophrenia as an advisory task

Svetlana L. Ledentsova

PhD in Psychology,
Associate Professor at the Department of Psychology,
Surgut State University,
428403, 1, Lenin av., Surgut, Russian Federation;
e-mail: Leden-svet@yandex.ru

Abstract

The article deals with the model of psychological development of a patient with schizophrenia, revealing the psychological Genesis, structure and functions of the disease. The psychological reasons contributing to the appearance of special personality traits include: hidden rejection, suppression, appropriation of the I-child, pathological symbiosis; paradoxical communication; "pathological roles" in the family.

Violations in the social situation form the characteristics of the individual: unformed I-identity, inability to determine the authorship of needs, thoughts and feelings, not the distinction between the boundaries of I-not Me, the polar assessment of yourself and the world.

The key conflict arises in the situation of non-acceptance or suppression by the significant Other of the leading need of the individual in the interruption / preservation of pathological symbiosis. If the implementation of the need fails, there is a psychotic way to respond. Semantics of productive symptomatology is determined by the type of frustrated leading need.

The results of the work reveal the need for psychological counseling of wards and their families, which will allow patients to solve the key intrapersonal conflict and use effective ways of experiencing problems that reduce the appearance of psychotic symptoms.

For citation

Ledentsova S.L. (2018) The model of the psychological development of the patient with schizophrenia as an advisory task [Approaches to the assessment of damage from price discrimination in antimonopoly regulation]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 133-143.

Keywords

Schizophrenia, the semantics of the positive symptoms, the model of the psychological development of the patient with schizophrenia, psychological counseling.

References

1. Binswanger, L. (1999), *Being-in-the-world [Bytiye-v-mire]*, M., SPb. : KSP +, Yuventa, Lenato, 300 p.
2. Ledentsova S.L. Model' psikhologicheskogo konsul'tirovaniya, osnovannaya na printsipakh kul'turno-istoricheskoy kontseptsii [The model of psychological counseling, based on the principles of cultural and historical concepts]. *Psikhologiya v zdravookhraneni i obrazovanii. Vyp. 24. «Genetiko-modeliruyushchiy eksperiment: varianty issledovaniy».* Surgutskiy gos. un-t KHMAO [Psychology in health care and education. Issue 24. "Genetic modeling experiment: research options." Surgut State. University of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. Yugry. Surgut: ITS SurGU, 2008, pp. 100-114.
3. Ledentsova S.L. The structure and dynamics of the psychotherapeutic situation in terms of the cultural-historical conception [The concept of cultural and historical conception]. *European Science and Technology : materials of the international research and practice 2nd conference. Wiesbaden : Bildungszentrum Rodnik e. V., Strategic Studies Institute* [European Science and Technology: materials and dynamics of the psychotherapeutic situation. Wiesbaden: Bildungszentrum Rodnik e. V., Strategic Studies Institute], 2012, pp. 420-425.
4. Ledentsova S.L., Leonova A.V. Frustratsiya vedushchey potrebnosti lichnosti kak semantika psikhoteskikh simptomov pri shizofrenii [Frustration of the leading need of the individual as the semantics of psychotic symptoms in schizophrenia], *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura – Northern region: science, education, culture*, 2016, no. 2 (34), pp. 183-189.
5. Lang, R.D., Esterson, A. (2012), *Madness: family roots: (family influence on personal development) [Bezumiye: semeynyye korni: (vliyaniye sem'i na razvitiye lichnosti)]*, Yekaterinburg: Litur, 286 p.
6. McDougall, D. (2007), *Body theaters: A psychoanalytic approach to the treatment of psychosomatic disorders [Teatry tela: Psikhoanaliticheskiy podkhod k lecheniyu psikhosomaticheskikh rasstroystv]*, M. : "Kogito Center", 215 p.
7. Mac-Williams, N. (2010), *Psychoanalytic Diagnostics: Understanding the Personality Structure in the Clinical Process [Psikhoanaliticheskaya diagnostika: ponimaniye struktury lichnosti v klinicheskom protsesse]*, M.: Class, 480 p.
8. Rudnev, V.P. (2010), *Polyphonic body. Reality and schizophrenia in the culture of the XX century [Polifonicheskoye telo. Real'nost' i shizofreniya v kul'ture XX veka]*, M. : Gnosis, 406 p.
9. Stolorow, R., Brandschaft, B., Atwood, D., *Clinical psychoanalysis. Intersubjective approach. [Klinicheskiy psikhoanaliz. Intersub'yektivnyy podkhod]*, M. : Kogito Center, 252 p.
10. Tehke, V. (2012), *Psyche and its treatment: psychoanalytic approach [Psikhika i yeye lecheniye: psikhoanaliticheskiy podkhod]*, M. : Publisher: Kanon + ROOI "Rehabilitation", 464 p.
11. Freyd Z. Nevroz i psikhoz. Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse, Band 10, Heft 1, Leipzig / Zurich / Wien, Internationaler Psychoanalytischer Verlag. [*Neurosis and psychosis. Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse, Band 10, Heft 1, Leipzig / Zurich / Wien, Internationaler Psychoanalytischer Verlag*], 1924, p. 1-5.
12. Chernikov, A.V. (2005), *Systemic family therapy: Classic and modern [Sistemnaya semeynaya terapiya: Klassika i sovremennost']*, M. : Class, 400 p.

УДК 159.9.072

Концепция ранних дезадаптивных схем в структуре когнитивной психологии

Эльзессер Анастасия Сергеевна

Преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: der_falter@mail.ru

Люкшина Дарья Сергеевна

Старший преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: danyasergeevna@gmail.com

Боленкова Елена Федоровна

Старший преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: bolenkova2004@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования является концепция ранних дезадаптивных схем (РДС). Целью данной статьи является определение места и роли концепции РДС в структуре когнитивной психологии. Обзор исследований показал, что концепция РДС только начинает входить в круг внимания отечественной психологии, однако исследователи стремятся затронуть важные прикладные аспекты, связанные с формированием, динамикой и негативными последствиями РДС для психического здоровья. Выделены нововведения, внесенные концепцией РДС в терапевтическую практику когнитивного направления: поиск причин текущих симптомов в детстве и юности; категории эмоционального опыта и эмоциональных потребностей; изменение когнитивных и эмоциональных конструкторов в результате терапии; «эмпатическая конфронтация», использование психотерапевтических техник других подходов (гештальт, психодрама и др.). Авторы выделили изменения, внесенные в представления когнитивной психологии и когнитивно-поведенческого подхода: поиск причин текущих симптомов в детстве и юности; категории эмоционального опыта и эмоциональных потребностей; изменение когнитивных и эмоциональных конструкторов в результате терапии; «эмпатическая конфронтация», привнесение психотерапевтических техник других подходов.

Для цитирования в научных исследованиях

Эльзессер А.С., Люкшина Д.С., Боленкова Е.Ф. Концепция ранних дезадаптивных схем в структуре когнитивной психологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 144-149.

Ключевые слова

Ранние дезадаптивные схемы, схема-терапия, когнитивная психология, психология, терапия.

Введение

По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), по-прежнему актуальной проблемой является нарастание глобального экономического бремени психических расстройств. Однако за последнее десятилетие значительно улучшилось понимание механизмов протекания психических расстройств, их предупреждения и лечения [World Health Organization, 2018]. Отсюда необходимость актуализации новейших знаний и разработок в областях диагностики риска психологического неблагополучия и способов восстановления нарушенного психического здоровья.

Психическое здоровье – это состояние благополучия, при котором индивид осознает свои способности, может справляться с нормальными стрессами жизни, может плодотворно работать и вносить свой вклад в развитие общества. Психическое здоровье определяется рядом социально-экономических, биологических и экологических факторов [World Health Organization, 2018], неблагоприятное воздействие которых на личность в детском и подростковом возрасте, препятствуя удовлетворению базовых эмоциональных потребностей, порождает устойчивые саморазвораживающиеся когнитивные структуры, отражающие закрепившийся негативный опыт и затрудняющие дальнейшую адаптацию – «ранние дезадаптивные схемы» (РДС). Широкое распространение, эффективность активное развитие концепции РДС за рубежом и ее сравнительно малая известность в отечественной психологии обусловили интерес авторов к ее изучению [Bach B., Lockwood, Young, 2018; Rafaeli, Bernstein, Young, 2011]. Целью данной статьи стало определение места и роли концепции РДС в структуре когнитивной психологии.

Проведенный обзор научных работ по теме РДС за последние пять лет выявил сравнительно небольшое число публикаций, включающих рассмотрение наиболее важных аспектов прикладного применения концепции ранних дезадаптивных схем. Среди них анализ предпосылок формирования в детском возрасте [Касьяник, Галимзянова, Романова, Фаррелл, 2017] и динамики РДС в течение жизни [Тихомирова, Гришина, 2016]. Обнаружение различных проявлений психологического неблагополучия, ассоциированных с РДС у взрослых: страхов [Смышляева, Галимзянова, 2016], аддиктивного поведения [Кадыров, Догадина, Ильина, 2018], низкого уровня самооценки и суверенности психологического пространства [Елецкая, Романова, 2017], суицидального риска [Ерзин, Семенова, Антохин, 2017; Кадыров, Мироненко, 2017], вклада в симптоматику шизофрении [Коцюбинский, Еричев, Клайман, Шмоница, 2017] и пограничных расстройств [Холмогорова, 2014]. Наконец, часть статей посвящена аспектам применения схема-терапии – коррекции ранних дезадаптивных схем [Галимзянова, Романова, Касьяник, Луз, 2018; Холмогорова, 2014]. Сравнительно небольшое количество работ по данной

теме, а также разные переводы термина «early maladaptive schemas»: «ранние дезадаптивные схемы», «ранние малоадаптивные схемы», неустоявшийся перевод термина «Schema Therapy», имеющий русскоязычные вариации «схемная терапия», «схема-терапия», свидетельствуют, что понятие РДС в настоящее время не вошло в широкий научный обиход отечественной психологии.

Концепция ранних дезадаптивных схем и схема-терапия: интеграция подходов в интересах практики

Когнитивно-поведенческий подход предназначен для краткосрочной психотерапии относительно обратимых психических нарушений [Rafaeli, Bernstein, Young, 2011] – тревожных, депрессивных расстройств, и аддиктивных расстройств в химических и нехимических вариантах [Кадыров, Ковалев, Ильина, 2016; Короленко, Дмитриева, 2010]. При этом коллектив зарубежных авторов D. David et al. прогнозирует дальнейшую интеграцию научно обоснованных психотерапевтических подходов на основе методологии когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) [David, Cristea, Hofmann, 2018]. Действительно, имея широкий прикладной потенциал в области сохранения психического здоровья, когнитивно-поведенческий подход уже в настоящее время осуществляет экспансию от психотерапии обратимых психических расстройств в направлении психотерапии эндогенных психических расстройств и других устойчивых нарушений [Rafaeli, Bernstein, Young, 2011]. Одним из ведущих интегративных подходов последней волны КПТ стала схема-терапия (Schema Therapy), разработанная Джеффри Янгом (Jeffrey Young) и направленная на перестройку когнитивных структур путем удовлетворения фрустрированных потребностей в процессе психотерапии [Холмогорова, 2014].

Термин «схема» в когнитивной психологии понимается как объединение устойчивых, обобщенных структур опыта, которые позволяют предвосхищать порядок развития событий, их содержание и внутреннюю связь, а также предвидеть изменения вида объектов и окружения при собственных действиях и локомоциях [Величковский, 2006]. Иными словами, совокупные факторы среды, преломляясь в индивидуальном познавательном опыте индивида, порождают концептуальные структуры, отражающие представления индивида об окружающем мире и себе самом.

Изначально схема-терапия была разработана для психотерапии депрессивных расстройств, не поддающихся когнитивно-поведенческой терапии, что и обусловило интеграцию на методологической базе когнитивной психологии различных подходов. Так, концепция РДС включает черты психодинамического направления, осуществляя *поиск причин текущих симптомов в детстве и юности*. Более того, Дж. Янг в формирование когнитивного конструкта включает наравне с познавательным опытом *категории эмоционального опыта и эмоциональных потребностей*. Иными словами, неудовлетворение базовых эмоциональных потребностей предстает фактором формирования в дальнейшем дезадаптивной схемы. Отсюда целью терапевта является помощь клиенту в понимании основных эмоциональных потребностей и поиске адаптивных путей их удовлетворения через *изменение своих когнитивных и эмоциональных конструктов*. Наконец, как указывают Е. Rafaeli, D.P. Bernstein и J.E. Young, большое внимание в схема-терапии уделяется отношениям терапевта и клиента, которые включают *«эмпатическую конфронтацию»*: терапевт, сохраняя эмпатическое понимание причин появления и развития РДС у клиента, вступает в осознаваемую конфронтацию в ответ на дезадаптивные копинг-режимы клиента [Rafaeli, Bernstein, Young,

2011]. В отношении терапевта к клиенту отмечается традиционное для экзистенциально-гуманистических подходов требование *безусловного принятия клиента*, постоянной поддержки в стимуляции к позитивным изменениям в ходе терапии [Холмогорова, 2014]. Работая с переживаниями и эмоциями, схема-терапия заимствует традиционные *техники других подходов*: гештальт-направления, эмпирической психотерапии (experiential psychotherapy) [Rafaeli, Bernstein, Young, 2011].

Заключение

Обзор исследований показал, что концепция РДС только начинает входить в круг внимания отечественной психологии, однако исследователи стремятся затронуть важные прикладные аспекты, связанные с формированием, динамикой и негативными последствиями РДС для психического здоровья.

Следуя за логикой исследовательской мысли Дж. Янга, мы выделили изменения, внесенные в представления когнитивной психологии и когнитивно-поведенческого подхода: поиск причин текущих симптомов в детстве и юности; категории эмоционального опыта и эмоциональных потребностей; изменение когнитивных и эмоциональных конструктов в результате терапии; «эмпатическая конфронтация», привнесение психотерапевтических техник других подходов.

Библиография

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания. М.: Academia, 2006. Том 2. 430 с.
2. Галимзянова М.В. и др. Коррекция совладающего поведения подростков методами групповой схемотерапии // Прикладная юридическая психология. 2018. № 1. С. 12-22.
3. Елецкая В.В., Романова Е.В. Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем, суверенности психологического пространства и самоотношения взрослых людей // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2017. Т. 5. С. 21-28.
4. Ерзин А.И., Семенова Т.С., Антохин Е.Ю. Черты личности и ранние дезадаптивные схемы как предикторы суицидального риска у подростков-гомосексуалов // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4. С. 81-90.
5. Кадыров Р.В., Догадина В.А., Ильина И.С. Ранние дезадаптивные схемы в генезе аддиктивного поведения // Вектор науки ТГУ. 2018. № 3. С. 64-70.
6. Кадыров Р.В., Ковалев И.А., Ильина И.С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики личности наркозависимых // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 4 (66). С. 66-69.
7. Кадыров Р.В., Мироненко Т.А. Ранние дезадаптивные схемы у лиц с суицидальной попыткой // Психическое здоровье. 2017. Т. 15. № 10. С. 65-71.
8. Касьяник П.М. и др. Взаимосвязь стилей воспитания и ранних дезадаптивных схем // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 83-93.
9. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Личностные расстройства. СПб.: Питер, 2010. 400 с.
10. Коцюбинский А.П. и др. Биопсихосоциальная модель шизофрении и ранние малоадаптивные схемы // Обзорные психиатрии и медицинской психологии. 2017. № 1. С. 81-88.
11. Смышляева Е.Д., Галимзянова М.В. Ранние дезадаптивные схемы и страхи у взрослых // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2016. Т. 4. С. 191-198.
12. Тихомирова М.А., Гришина Н.В. Ранние дезадаптивные схемы в контексте психологического благополучия // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 83-102.
13. Холмогорова А.Б. Схема-терапия Дж. Янга – один из наиболее эффективных методов помощи пациентам с пограничным расстройством личности // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 78-87.
14. Bach V., Lockwood G., Young J.E. A new look at the schema therapy model: organization and role of early maladaptive schemas // Cognitive behaviour therapy. 2018. Vol. 47. № 4. P. 328-349.
15. David D., Cristea I.A., Hofmann S.G. Why Cognitive Behavioral Therapy Is the Current Gold Standard of Psychotherapy // Front Psychiatry. 2018. Vol. 9. № 4. P. 1-3.
16. Mental health: strengthening our response. World Health Organization. 2018. URL: <http://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>
17. Rafaeli E., Bernstein D.P., Young J.E. Schema Therapy. London: Routledge, 2011. 176 p.

Concept of early desadaptive schemes in the structure of cognitive psychology

Anastasiya S. El'zesser

Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: der_falter@mail.ru

Dar'ya S. Lyukshina

Senior Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: danyasergeevna@gmail.com

Elena F. Bolenkova

Senior Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova ave., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: bolenkova2004@mail.ru

Abstract

The subject of the research is the concept of early maladaptive schemes (EMS). The purpose of this article is to determine the place and role of the concept of EMS in the structure of cognitive psychology. A review of research has shown that the concept of EMS is only beginning to enter the focus of attention of Russian psychology, but researchers are striving to touch on important applied aspects related to the formation, dynamics and negative effects of EMS on mental health. The innovations introduced by the EMS concept in the therapeutic practice of the cognitive direction are highlighted: the search for the causes of current symptoms in childhood and adolescence; categories of emotional experience and emotional needs; changes in cognitive and emotional constructs as a result of therapy; "Empathic confrontation", the use of psychotherapeutic techniques of other approaches (gestalt, psychodrama, etc.). The authors of the research presented in this paper identified changes made to the ideas of cognitive psychology and cognitive-behavioral approach: search for the causes of current symptoms in childhood and adolescence; categories of emotional experience and emotional needs; changes in cognitive and emotional constructs as a result of therapy; "Empathic confrontation", the introduction of psychotherapeutic techniques of other approaches.

For citation

El'zesser A.S., Lyukshina D.S., Bolenkova E.F. (2018) Kontseptsiya rannikh dezadaptivnykh skhem v strukture kognitivnoi psikhologii [Concept of early desadaptive schemes in the structure of cognitive psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 144-149.

Keywords

Early maladaptive schemes, scheme-therapy, cognitive psychology, psychology, therapy.

References

1. Bach B., Lockwood G., Young J.E. (2018) A new look at the schema therapy model: organization and role of early maladaptive schemas. *Cognitive behaviour therapy*, 47, 4, pp. 328-349.
2. David D., Cristea I.A., Hofmann S.G. (2018) Why Cognitive Behavioral Therapy Is the Current Gold Standard of Psychotherapy. *Front Psychiatry*, 9, 4, pp. 1-3.
3. Eletskaya V.V., Romanova E.V. (2017) Vzaimosvyaz` rannikh dezadaptivnykh skhem, suverenosti psikhologicheskogo prostranstva i samootnosheniya vzroslykh lyudei [Interrelation of early maladaptive schemes, sovereignty of psychological space and self-attitude of adults]. *Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU* [Scientific studies of graduates of the Faculty of Psychology, St. Petersburg State University], 5, pp. 21-28.
4. Erzin A.I., Semyonova T.S., Antokhin E.Yu. (2017) Cherty lichnosti i rannie dezadaptivnye skhemy kak prediktory suitsidal'nogo riska u podrostkov-gomoseksualov [Personality Traits and Early Disadaptive Schemes as Predictors of Suicidal Risk in Homosexual Teens]. *Suitsidologiya* [Suicidology], 8, 4, pp. 81-90.
5. Galimzyanova M.V. et al. (2018) Korrektsiya sovladayushhego povedeniya podrostkov metodami gruppovoi skhemoterapii [Correction of adolescent coping behavior by methods of group schematherapy]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 1, pp. 12-22.
6. Kadyrov R.V., Dogadina V.A., Il'ina I.S. (2018) Rannie dezadaptivnye skhemy v geneze addiktivnogo povedeniya [Early maladaptive schemes in the genesis of addictive behavior]. *Vektor nauki TGU* [Vector of Science TSU], 3, pp. 64-70.
7. Kadyrov R.V., Kovalev I.A., Il'ina I.S. (2016) Psikhicheskaya travma rannego vozrasta i psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti narkozavisimykh [Mental injury of an early age and psychological characteristics of the personality of drug addicts]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 4 (66), pp. 66-69.
8. Kadyrov R.V., Mironenko T.A. (2017) Rannie dezadaptivnye skhemy u lits s suitsidal'noi popytkoi [Early maladaptive regimens in persons with suicidal attempts]. *Psikhicheskoe zdorov'e* [Mental health], 15, 10, pp. 65-71.
9. Kas'yanik P.M. et al. (2017) Vzaimosvyaz` stilei vospitaniya i rannikh dezadaptivnykh skhem [The relationship of parenting styles and early maladaptive schemes]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 3, pp. 83-93.
10. Kholmogorova A.B. (2014) Skhema-terapiya Dzh. Yanga – odin iz naibolee effektivnykh metodov pomoshhi patsientam s pogranchnym rasstroistvom lichnosti [Scheme-therapy J. Yang as one of the most effective methods of care for patients with borderline personality disorder]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy], 2, pp. 78-87.
11. Korolenko Ch.P., Dmitrieva N.V. (2010) *Lichnostnye rasstroistva* [Personality Disorders]. St. Petersburg: Piter Publ.
12. Kotsyubinskii A.P. et al. (2017) Biopsikhosotsialnaya model' shizofrenii i rannie maloadaptivny'e skhemy [Biopsychosocial model of schizophrenia and early maladaptive schemes]. *Obozrenie psikhiiatrii i medicinskoi psikhologii* [Review of Psychiatry and Medical Psychology], 1, pp. 81-88.
13. (2018) *Mental health: strengthening our response*. *World Health Organization* Available at: <http://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> [Accessed 29/10/2018]
14. Rafaeli E., Bernstein D.P., Young J.E. (2011) *Schema Therapy*. London: Routledge.
15. Smyshlyaeva E.D., Galimzyanova M.V. (2016) Rannie dezadaptivnye skhemy i strakhi u vzroslykh [Early maladaptive schemes and fears in adults]. *Nauchnye issledovaniya vypusknikov fakul'teta psikhologii SPbGU* [Scientific studies of graduates of the Faculty of Psychology, St. Petersburg State University], 4, pp. 191-198.
16. Tikhomirova M.A., Grishina N.V. (2016) Rannie dezadaptivnye skhemy v kontekste psikhologicheskogo blagopoluchiya [Early maladaptive schemes in the kontekht of psychological well-being]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal* [Petersburg Psychological Journal], 16, pp. 83-102.
17. Velichkovskii B.M. (2006) *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive science: the foundations of the psychology of knowledge]. Moscow: Academia Publ. Vol. 2.

УДК 159

Психическая напряженность как проблема психологии здоровья**Демичева Дарья Васильевна**

Ассистент, кафедра психологии образования,
Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный университет,
344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13;
e-mail: guseva_t_k@inbox.ru

Топчий Мария Владимировна

Кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры биотехнологии,
Ставропольский государственный медицинский университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Мира, 310;
e-mail: arytop@bk.ru

Чурилова Татьяна Михайловна

Кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры биотехнологии,
Ставропольский государственный медицинский университет,
355017, Российская Федерация, Ставрополь, ул. Мира, 310;
e-mail: tachurilova@bk.ru

Аннотация

Психология здоровья – быстро развивающаяся область психологии, которая рассматривается как объединение конкретных достижений педагогической, научной и практической психологии в целях совершенствования и поддержания здоровья, профилактики, лечения болезней, определения этиологических и диагностических коррелянтов здоровья и болезни, а также совершенствования системы здравоохранения и его политики в области охраны здоровья. Проблема психической нагрузки и ее регуляции для сохранения, поддержания здоровья и его улучшения принадлежит к важным направлениям теоретического, прикладного, экспериментального исследований в системе наук, занимающихся здоровьем человека. Показано, что систему взглядов на психическое здоровье человека следует изменять на уровне общественного сознания и при помощи государства. Каждый гражданин нашего общества должен с детских лет знать, что принятие социально-психологического сопровождения, консультативной, диагностической психологической помощи – это такая же норма заботы о здоровье, как обращение к терапевту, эпидемиологу, травматологу. Если учесть роль психических факторов в развитии сердечно-сосудистых, эндокринных, нервных и целого ряда других заболеваний, можно предположить, сколько инфарктов, инсультов, нервных срывов может предотвратить своевременная психологическая помощь. По сути, обращение к психологии здоровья – это смена оздоровительной парадигмы как способа решения проблем,

связанных со здоровьем. Профилактика и пропаганда способов достижения здоровья во всем его объеме позволяют полностью выявлять заложенные в человеке потенции душевного благополучия, личностного роста и радости жизни.

Для цитирования в научных исследованиях

Демичева Д.В., Топчий М.В., Чурилова Т.М. Психическая напряженность как проблема психологии здоровья // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 150-157.

Ключевые слова

Психология, здоровье, психология здоровья, психическая напряженность, психическая нагрузка.

Введение

Психология здоровья является междисциплинарной наукой, смежные с ней науки – клиническая психология, социальная психология, медицинская психология, социальная эпидемиология, психология просвещения, валеология. Это крайне быстро развивающаяся область психологии, которая рассматривается как объединение конкретных достижений педагогической, научной и практической психологии в целях совершенствования и поддержания здоровья, профилактики, лечения болезней, определения этиологических и диагностических коррелянтов здоровья и болезни, а также совершенствования системы здравоохранения и его политики в области охраны здоровья.

Следует отметить, что психология здоровья больше занимается «нормальным», «обычным» поведением и «нормальными» психологическими процессами в связи со здоровьем и болезнью, чем патологическим поведением и психопатологией.

Психология здоровья – пожалуй, самая быстро развивающаяся область психологии. Американская психологическая ассоциация была пионером в деле пропаганды данного направления [Gamarel, 2014]. Первое отделение психологии здоровья было открыто в 1978 году, и на данный момент оно уже является вторым по величине. В последние десятилетия национальные организации психологии здоровья созданы в Австрии, Бельгии, Германии, Финляндии, ряде других стран Европы [Aiena et al., 2016]. Отделение психологии здоровья было создано в 1984 году при Международной ассоциации прикладной психологии.

К сожалению, в России нет подобных общественных и государственных организаций, проблема психологии здоровья остается уделом энтузиастов.

Но актуальность подобных исследований все более возрастает в связи с ухудшающимся состоянием здоровья населения России, выраженными процессами депопуляции, сокращением среднего возраста жизни, распространением вредных привычек. Сохранение здоровья и трудоспособности популяции, идентификации факторов и процессов, оказывающих столь сильное повреждающее воздействие, стали жизненно важной задачей.

Основная часть

Следует отметить, что меры, направленные на сохранение и укрепление здоровья общества, в последние десятилетия в России оказались крайне неэффективными. Сформировались обширные группы населения, требующие целенаправленной лечебной и консультативно-

психологической помощи, построенной с учетом социально-психологических особенностей данных групп.

Особенностью сегодняшнего дня является тот факт, что в данном вопросе рассчитывать можно только на себя. Ни одна государственная система здравоохранения не сможет поддержать всех своих граждан в перспективе поддержания здоровья от рождения до смерти.

На сегодняшний день определен ряд основных задач, которые входят в сферу интересов психологии здоровья. Для нас, людей, работающих в области образования, приоритетными являются области диагностики и самооценки психического и социального здоровья; психологические методы мотивирования к здоровью; психологические механизмы здорового поведения; профилактика психических и психосоматических заболеваний.

С учетом специфики нашей деятельности, направленной на содействие психическому, психофизическому и личностному развитию студентов высшего профессионального образования, нами были сформированы подходы к исследованию особенностей функционирования организма в условиях учебной и других видов деятельности. Планируя свою работу, мы исходили из реалий сегодняшнего дня, когда для обеспечения приемлемого уровня жизни многим студентам приходится совмещать учебу с работой, зачастую с ненормированным графиком, сталкиваться с большим количеством стрессов, вызываемых постоянным переключением с одного вида деятельности на другой. Электрификация, механизация и автоматизация труда, использование компьютерной технологии в быту и на производстве, мобильные коммуникативные средства общения, аудио-, видеоинформация и др. снижают физическую активность и все более повышают влияние психологических нагрузок на организм и психические проявления человека. Наряду с этим, человек все в большей степени приспосабливает окружающий мир к получению удовольствия, теряя при этом выработанные организмом в процессе эволюции защитные механизмы адаптации [Яковлев, 2006]. Проблема психической нагрузки и ее регуляции для сохранения, поддержания здоровья и его улучшения принадлежит к важным направлениям теоретического, прикладного, экспериментального исследований в системе наук, занимающихся здоровьем человека.

Понятие «психическая нагрузка» употребляется в психологии, особенно в ее прикладных отраслях, все более широко, причем трактуется в различных значениях и смыслах. Мы рассматриваем психическую нагрузку как воздействие на организм внешних факторов различной природы и интенсивности, требующих ответных функциональных проявлений, состояний. Человек и в обычной повседневной жизни испытывает определенные психические нагрузки, связанные с умственной деятельностью, необходимостью использования сенсорных систем. С точки зрения психологии здоровья и на этом уровне жизнедеятельности следует соблюдать определенные гигиенические правила, памятуя, что ко многим условиям современной жизни человек не приспособлен эволюционно и, например, такие нагрузки, как 6-10-часовая работа за компьютером в течение суток (что не редкость) может вызвать сбои не только в деятельности сенсорных систем, но и сердечно-сосудистой, иммунной и опорно-двигательной систем. Но если бы деятельность человека, выходящая за рамки привычной, только этим и ограничивалась, возможно, не возникло бы столько проблем, связанных с нарушением социальной и психологической адаптации. С каждым годом становится все очевиднее, что увеличивается количество людей, для которых особенности и величина психической нагрузки напрямую зависят от индивидуальных свойств организма, а именно личностных особенностей, проявляясь субъективными ответными реакциями, мобилизующими или побуждающими личность человека к определенной активности. Личностная составляющая

в основном определяется внутренними условиями, на которые указывал С.Л. Рубинштейн (1947): «... При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия». Очевидно, что нельзя рассчитывать на эффективность оказания психологической помощи без понимания и учета тех личностных качеств, при которых существует наибольшая вероятность развития болезни.

Проводимые нами в течение пяти лет исследования среди студентов разных образовательных учреждений подтвердили выдвинутую нами гипотезу, что изменения, происходящие в обществе, массированное информационное воздействие, необходимость использования инновационных технологий, нарушение экологического баланса, финансовые проблемы с каждым годом все больше усугубляют ситуацию личностного психологического благополучия.

Практически все студенты, независимо от гендерных особенностей, отмечали у себя следующие качества:

- повышенную эмоциональную возбудимость;
- немотивированную тревожность;
- обидчивость, повышенную чувствительность, ранимость;
- неуверенность в себе;
- преобладание эмоциональных стимулов в регуляции поведения и деятельности над рациональными;
- невозможность сосредоточиться;
- выраженную тенденцию тормозить внешние проявления эмоций и чувств и оставлять свои эмоциональные потенциалы и стремления неотреагированными, нереализованными;
- нарушение сна.

Для более 60% студентов первых курсов боязнь публичных ответов, излишняя нервозность и повышенный уровень тревожности, страх быть непонятым преподавателем, конфликты с однокурсниками явились причинами невозможности успешной реализации мотивации к достижениям в учебной деятельности.

Исследование самооценки здоровья студентов в 2018 году при помощи специализированных опросников показало, что 40% из них требуется дальнейшее медицинское обследование. Высокой и относительно высокой самооценка здоровья оказалась у остальных студентов (по 30% соответственно). Тем не менее, 70% из них указали на присутствие в их жизни периодов, когда из-за выполнения трудной работы они теряют сон, что считается предпатологическим состоянием. Симптомы, связанные с нарушениями деятельности кровеносной и нервной систем (жжение, покалывание, «ползание мурашек» в отдельных участках тела, трудности в сосредоточении, плаксивость) испытывали периодически 60% опрошенных. Ощущение влияния перемены погоды на свое самочувствие, боли в области сердца, отеки ног беспокоили 40% респондентов. Каждый третий студент указывал на одну из проблем со здоровьем: головную боль, ухудшение зрения, запоры, ослабление памяти, отклонение в деятельности сердечно-сосудистой системы, боли в области поясницы и нарушение сна. Одышку, являющуюся признаком патологического состояния кровеносной и дыхательной систем, во время быстрой ходьбы испытывали 20% студентов. Тестирование показало также, что 10% студентов сталкиваются с проявлением шума в ушах, что может свидетельствовать о нарушении уровня артериального давления, деятельности слухового анализатора, вестибулярного аппарата. Только 20% молодых людей не жаловались на снижение

работоспособности в последнее время и оценили свое состояние здоровья как хорошее. Периоды радостного возбуждения и счастья в течение предшествующих исследованию шести месяцев испытывали только 10% опрошенных.

Очевидно, что низкий уровень соматического и психологического здоровья опрошенных студентов не зависел от типологических особенностей высшей нервной деятельности.

Если в 2014 году 67% респондентов из 100 опрошенных заявили о проявлении признаков нарушения психического благополучия, то в 2018 году об этом свидетельствовали 92% студентов. Большинство студентов отметили среди причин повышенной тревожности и понижения жизненной активности финансовое неблагополучие, проблемы в семье, потерю объекта особой привязанности, неуверенность в будущем, необходимость совмещать учебу и работу, конфликтные ситуации со сверстниками и преподавателями.

Приняв решение сравнить результаты исследований, проведенных среди студентов, с результатами, полученными в других репрезентативных группах, мы провели опрос среди 100 респондентов в возрасте от 35 до 45 лет. Оказалось, что 50% респондентов присущи выраженная психическая напряженность, тревожность, депрессия, что проявлялось отсутствием прежней энергичности, подавленностью и угнетенностью состояния, меньшей потребностью в дружбе и внимании, отсутствием в жизни радости и счастья, безразличием к прежним интересам и увлечениям. Хорошее психическое состояние характеризовало 20% испытуемых. Остальные 30% охарактеризовали свое состояние как неопределенное.

Результаты самооценки состояния здоровья этих же респондентов показали, что 70% опрошенных беспокоит головная боль, отеки нижних конечностей; у 60% бывают головокружения, забывчивость, трудности в сосредоточении; у 50% присутствует одышка, ухудшение зрения, боль в области поясницы и суставах; 40% просыпаются от любого звука, что является признаком повышенной тревожности; у 30% проявляется ухудшение слуха и сна, 20% беспокоит боль в области сердца. Следует отметить, что большинство симптомов, выявленных при самооценке здоровья, отмечали респонденты, имеющие признаки тревожности и депрессии. У лиц с хорошим психическим состоянием также отмечались признаки соматической предпатологии, приводящие к развитию депрессии (нарушенный сон, тревожность).

Причинами, которые вызывали, по мнению респондентов, подобные симптомы, были названы в 96% случаев такие объективные события, как разлад в семье, проблемы с детьми, финансовое неблагополучие, отсутствие собственного жилья, потеря объекта особой привязанности, личная неустроенность, необходимость совмещать работу в двух-трех местах, что, по мнению опрошенных, вызывает постоянно высокий уровень психического напряжения.

Установлено, что психическая напряженность студентов в большинстве случаев в силу их социальной роли вызвана психологическими стрессами, которые развиваются в условиях деятельности, связанной с необходимостью самостоятельного нахождения решений, большими умственными перегрузками, неудачами, повышенной личной ответственностью. У взрослых, что, очевидно, связано с их социальной зрелостью и развитой способностью противостоять трудностям личного характера, психическая напряженность обусловлена в 76% случаев социальными стрессами под влиянием межэтнических конфликтов, экономической нестабильностью, стремлением к повышению жизненного уровня на фоне периодических кризисов, инфляции и безработицы.

Усугубляли нарушение психического здоровья, по мнению 14% опрошенных, критические ситуации, которые относятся к особой категории психических явлений, опасных для здоровья человека. В течение жизни практически каждый человек оказывается в ситуациях воздействия

стрессовых факторов, но далеко не каждая из них бывает критической. Критические ситуации вызывают дистресс, который переживается как горе, несчастье, истощение сил, разрушают целостность личности, адекватность «Я», смысл жизни человека и сопровождаются нарушением адаптации, которая препятствует самореализации личности [Гримак, 1989].

Полученные нами результаты исследований свидетельствуют о том, что психическая напряженность является одним из детерминирующих факторов нарушения не только психического, но и физического здоровья, что объясняется их взаимовлиянием в рамках гомеостаза.

Тревогу вызвал тот факт, что 88% всех респондентов, признавая отклонения в психическом и физическом здоровье, не считают необходимым обратиться к психологу, врачу даже за консультативной помощью. Абсолютное большинство считают, что в России не принято обращаться к психологу в критических ситуациях, а первое посещение врача в подобных случаях – результат развившихся психосоматических заболеваний.

Заключение

Очевидно, что систему взглядов на психическое здоровье человека следует изменять на уровне общественного сознания и при помощи государства. Каждый гражданин нашего общества должен с детских лет знать, что принятие социально-психологического сопровождения, консультативной, диагностической психологической помощи – это такая же норма заботы о здоровье, как обращение к терапевту, эпидемиологу, травматологу. Если учесть роль психических факторов в развитии сердечно-сосудистых, эндокринных, нервных и целого ряда других заболеваний, можно предположить, сколько инфарктов, инсультов, нервных срывов может предотвратить своевременная психологическая помощь. По сути, обращение к психологии здоровья – это смена оздоровительной парадигмы как способа решения проблем, связанных со здоровьем. Профилактика и пропаганда способов достижения здоровья во всем его объеме позволят полностью выявлять заложенные в человеке потенции душевного благополучия, личностного роста и радости жизни.

Библиография

1. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
2. Яковлев В.П. Психологическая нагрузка и здоровье человека // Теория и практика физической культуры. 2006. № 6. С. 50-53.
3. Aiena B.J. et al. Meaning, resilience, and traumatic stress after the Deepwater Horizon oil spill: A study of Mississippi coastal residents seeking mental health services // *Journal of clinical psychology*. 2016. Vol. 72. No. 12. P. 1264-1278.
4. Beehr T.A. Psychological stress in the workplace (psychology revivals). Routledge, 2014.
5. Gamarel K.E. et al. Gender minority stress, mental health, and relationship quality: A dyadic investigation of transgender women and their cisgender male partners // *Journal of Family Psychology*. 2014. Vol. 28. No. 4. P. 437.
6. Gerber M. et al. Physical activity in employees with differing occupational stress and mental health profiles: A latent profile analysis // *Psychology of Sport and Exercise*. 2014. Vol. 15. No. 6. P. 649-658.
7. Gianaros P.J., Wager T.D. Brain-body pathways linking psychological stress and physical health // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. No. 4. P. 313-321.
8. Kaminer D., Eagle G., Crawford-Browne S. Continuous traumatic stress as a mental and physical health challenge: Case studies from South Africa // *Journal of health psychology*. 2018. Vol. 23. No. 8. P. 1038-1049.
9. Shankar N.L., Park C.L. Effects of stress on students' physical and mental health and academic success // *International Journal of School & Educational Psychology*. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 5-9.
10. Shavitt S. et al. Culture moderates the relation between perceived stress, social support, and mental and physical health // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. No. 7. P. 956-980.
11. Toussaint L. et al. Effects of lifetime stress exposure on mental and physical health in young adulthood: How stress degrades and forgiveness protects health // *Journal of health psychology*. 2016. Vol. 21. No. 6. P. 1004-1014.

Mental tension as a problem of health psychology

Dar'ya V. Demicheva

Assistant Lecturer,
Department of educational psychology,
Academy of Psychology and Pedagogy,
Southern Federal University,
344038, 13, Nagibina st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: guseva_t_k@inbox.ru

Mariya V. Topchii

PhD in Biology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of biotechnology,
Stavropol State Medical University,
355017, 310, Mira st., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: arytop@bk.ru

Tat'yana M. Churilova

PhD in Biology,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of biotechnology,
Stavropol State Medical University,
355017, 310, Mira st., Stavropol', Russian Federation;
e-mail: tachurilova@bk.ru

Abstract

Health psychology is a rapidly developing field of psychology, which is considered as a combination of specific achievements of pedagogical, scientific and practical psychology in order to improve and maintain health, prevention, treatment of diseases, determination of etiological and diagnostic correlates of health and disease, as well as improving the health system and its policy in the field of health care. The problem of mental stress and its regulation for the preservation, maintenance and improvement of health is the important area of theoretical, applied, experimental research in the system of sciences related to human health. The article shows that the system of views on mental health of a person should be changed at the level of public consciousness and with the help of the state. Every citizen must know that the adoption of socio-psychological support, diagnostic and psychological care is the same health care as the visit to the therapist or traumatologist. If we take into account the role of mental factors in the development of cardiovascular, endocrine, nervous and a number of other diseases, we can assume how many heart attacks, strokes, and nervous breakdowns can be prevented by timely psychological assistance. In fact, the appeal to the psychology of health is a change of health paradigm as a way to solve health related problems. Prevention and promotion of ways to achieve health in its entirety can fully identify human potential for mental well-being, personal growth and joy of life.

For citation

Demicheva D.V., Topchii M.V., Churilova T.M. (2018) Psikhicheskaya napryazhennost' kak problema psikhologii zdorov'ya [Mental tension as a problem of health psychology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 150-157.

Keywords

Psychology, health, health psychology, mental stress, mental stress.

References

1. Aiena B.J. et al. (2016) Meaning, resilience, and traumatic stress after the Deepwater Horizon oil spill: A study of Mississippi coastal residents seeking mental health services. *Journal of clinical psychology*, 72 (12), pp. 1264-1278.
2. Beehr T.A. (2014) *Psychological stress in the workplace (psychology revivals)*. Routledge.
3. Gamarel K.E. et al. (2014) Gender minority stress, mental health, and relationship quality: A dyadic investigation of transgender women and their cisgender male partners. *Journal of Family Psychology*, 28 (4), pp. 437.
4. Gerber M. et al. (2014) Physical activity in employees with differing occupational stress and mental health profiles: A latent profile analysis. *Psychology of Sport and Exercise*, 15 (6), pp. 649-658.
5. Gianaros P.J., Wager T.D. (2015) Brain-body pathways linking psychological stress and physical health. *Current Directions in Psychological Science*, 24 (4), pp. 313-321.
6. Grimak L.P. (1989) *Rezervy chelovecheskoi psikhiki: Vvedenie v psikhologiyu aktivnosti* [Reserves of the human psyche: Introduction in activity psychology of]. Moscow: Politizdat Publ.
7. Kaminer D., Eagle G., Crawford-Browne S. (2018) Continuous traumatic stress as a mental and physical health challenge: Case studies from South Africa. *Journal of health psychology*, 23 (8), pp. 1038-1049.
8. Shankar N.L., Park C.L. (2016) Effects of stress on students' physical and mental health and academic success. *International Journal of School & Educational Psychology*, 4 (1), pp. 5-9.
9. Shavitt S. et al. (2016) Culture moderates the relation between perceived stress, social support, and mental and physical health. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 47 (7), pp. 956-980.
10. Toussaint L. et al. (2016) Effects of lifetime stress exposure on mental and physical health in young adulthood: How stress degrades and forgiveness protects health. *Journal of health psychology*, 21 (6), pp. 1004-1014.
11. Yakovlev V.P. (2006) Psikhologicheskaya nagruzka i zdorov'e cheloveka [Psychological load and human health]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 6, pp. 50-53.

УДК 159.9

Диагностика стадий становления субъектности обучающихся**Капцов Александр Васильевич**

Доктор психологических наук, доцент,
завкафедрой психологии управления,
Самарская гуманитарная академия,
443011, Российская Федерация, Самара, ул. Радиальная, 2;
e-mail: avkaptsov@mail.ru

Колесникова Екатерина Ивановна

Кандидат психологических наук, доцент,
Самарский государственный технический университет,
443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244;
e-mail: KolesnikovaEI@yandex.ru

Селезнева Маргарита Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент,
Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище,
390031, Российская Федерация, Рязань, площадь генерала Маргелова, 1;
e-mail: selezneva-pi@mail.ru

Плаксина Ирина Васильевна

Кандидат психологических наук, доцент, профессор,
Владимирский государственный университет,
600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: irinaplх@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 17-06-00871-ОГН.

Аннотация

Необходимость формирования у выпускников вуза активной жизненной и профессиональной позиции, самостоятельности в самоопределении тесно связана с развитием их субъектности. В настоящей статье развитие субъектности рассматривается на основе экопсихологического подхода к развитию психики В.И. Панова. Подробно приведено авторское описание стадий становления субъектности «Наблюдатель», «Подмастерье», «Ученик», «Мастер», «Эксперт», «Творец». Обращается внимание на то, что становление субъектности в этом случае представлено в единстве инструментального (исполнительского) и регуляторного компонентов (компоненты планирования, контроля и коррекции деятельности), что нашло отражение в диагностических конструктах при разработке методики самооценки стадий становления субъектности в учебной

деятельности. В статье приводятся результаты проведенного исследования на студентах и курсантах различных вузов в разных городах России (Владимир, Нижний Новгород, Самара, Чита). Сравнительный анализ полученных результатов показал, что в целом разработанная методика чувствительна к особенностям выборки. Получены достоверные различия в самооценке сформированности стадий субъектности. Наиболее сформированными у всех обучающихся являются стадии «Творец» и «Мастер». Наименее сформирован у всех обучающихся регуляторный компонент контроля, что подчеркивает важность тренингов по овладению навыками регуляции. Психометрические исследования методики (надежность, конструктивная и критериальная валидность) показали приемлемые результаты, позволяющие рекомендовать ее для исследовательских целей.

Для цитирования в научных исследованиях

Капцов А.В., Колесникова Е.И., Селезнева М.В., Плаксина И.В. Диагностика стадий становления субъектности обучающихся // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 158-169.

Ключевые слова

Субъектность, стадии становления, самооценка, диагностика, экопсихологический подход, студенты, курсанты.

Введение

В последние десятилетия резко возрос интерес психологов и педагогов к проблеме субъекта и субъектности. Это объясняется тем, что в современном постиндустриальном обществе человек выступает активным субъектом, свободно распоряжающимся своим капиталом – своей квалификацией. На первое место выходят такие требования к человеку, как самостоятельность, решительность, ответственность за принятое решение, умение учиться и переучиваться. Это порождает необходимость формирования у молодых людей активной жизненной и профессиональной позиции, культуры межличностных отношений, навыков самообразования, самореализации личности. Данные качества связывают с феноменом субъектности [Селезнева, 2011].

Особую актуальность проблема становления субъектности приобретает в системе образования, т.к. все больше и больше уделяется внимание развитию личностных качеств выпускников, ответственности за свои действия, социальной и профессиональной активности, осознанности жизненной позиции и, в целом – развитию субъектной позиции по отношению к себе и окружающему миру. Субъектность здесь выступает как результат личностно-профессионального развития, проявляющийся в первую очередь в метапредметных и универсальных компетенциях и учебных действиях.

Однако до настоящего времени недостаточно изучены детерминанты личностного развития и саморазвития школьников, студентов и их педагогов, особенно во взаимосвязи с формированием компетенций [Капцов, Колесникова, 2018, 186-192].

Основная часть

Изучение психологического явления обычно сдерживается отсутствием диагностического инструментария, поэтому на данном этапе наши усилия были направлены на разработку

методики для оценки стадий становления субъектности [Панов, Капцов, Колесникова, 2017, 294-296].

Согласно экопсихологическому подходу к развитию психики, под субъектностью В.И. Панов понимает способность индивида быть субъектом произвольной активности в форме деятельности того или иного вида (двигательной, речевой, коммуникативной, учебной, профессиональной и т.д.) [Панов, 2014(б), 220]. На примере учебной деятельности курсантов военного вуза В.И. Панов показывает, что развитие субъектности проходит через следующие пять стадий (этапов) [Панов, 2014(а)]:

- первая стадия: развитие субъекта восприятия;
- вторая стадия: развитие субъекта репродуктивного воспроизведения, субъекта подражания;
- третья стадия: развитие субъекта произвольного выполнения действия при внешнем контроле со стороны педагога;
- четвертая стадия: развитие субъекта произвольного выполнения действия при внутреннем контроле;
- пятая стадия: развитие субъекта экстериоризации контроля, субъекта экспертной оценки правильности выполнения требуемого действия другими индивидами (позиция эксперта).

Важно, как подчеркивает В.И. Панов, что каждая последующая стадия предполагает качественную сформированность предыдущей. Для оценки динамики развития способности обучающегося быть субъектом учебной деятельности служат следующие показатели его активности, проистекающие из стадий становления субъектности [Панов, 2014(б)]:

- 1) уровень проявления активности (по самому определению субъекта и субъектности);
- 2) уровень умственного развития, который необходим для осознанного и произвольного выполнения требуемого действия;
- 3) уровень развития самооценки, который необходим для рефлексии правильности выполняемого действия;
- 4) уровень эмоционального развития, который позволяет эмоционально реагировать на успешность / неуспешность выполняемого действия;
- 5) уровень развития творческого воображения как предпосылка для актуализации зоны ближайшего развития.

Пример наполнения рассматриваемых стадий становления субъектности дидактическим содержанием приводит М.В. Селезнева применительно к технологии становления курсанта военного училища как субъекта иноязычного общения [Селезнева, 2011].

На первой (перцептивной) стадии развития курсант как субъект иноязычного общения ведет себя как активный субъект восприятия речевого образца, т.е. не внимает пассивно объяснениям преподавателя, а читает, слушает фонограммы учебных текстов, проговаривает, делает записи, задает вопросы, осуществляет поиск незнакомых слов и словосочетаний в словаре и т.д. Особое знание при этом приобретает зрительная опора на слова.

На подражательной (второй) стадии развития происходит интериоризация речевого эталона за счет осознанности усвоения и огромного количества упражнений по образцу, модели, алгоритму, а также при использовании мнемотехнических приемов внутренней организации запоминаемого материала, например, схем, памяток и пр. Условием сформированности данной стадии является правильность, безошибочность копирования речевого образца.

На третьей, репродуктивной стадии начинается процесс интериоризации функции контроля. В качестве контролирующей функции выступает чувство языка. Условием развития

самоконтроля в процессе обучения выступает формирующая модель оценки, взаимооценивание и принцип учитывания психологических потребностей обучающихся в автономии, компетентности и аффилиации.

Продуктивная, четвертая стадия характеризует курсанта как субъекта выполнения заданного речевого действия в плане «послепроизвольного внимания», т.е. без его осознания. Продуктивная стадия формируется в ситуации проблематизации знаний.

Компетентностная, пятая стадия включает в себя не только способность курсанта к иноязычному общению, но и включение в различные виды деятельности с опорой на язык, способности правильно говорить на иностранном языке в различных ситуациях общения, вести беседу с учетом конкретных условий военно-профессиональной деятельности. Также эта стадия характеризует курсанта как субъекта творческой интеллектуальной деятельности, включенной в общую систему психической и иной деятельности, способного решать задачи в проблемных ситуациях с опорой на иностранный язык. На данной стадии задания носят творческий характер. Используются ролевые игры, метод проектов, вовлечение курсантов в поисковую, исследовательскую деятельность.

Однако разработанная М.В. Селезневой типология субъектно-развивающих технологий и подробное описание дидактических средств и методов для развития субъектности курсантов в зависимости от стадии становления субъектности не учитывает то, что становление психической активности обязательно надо рассматривать в единстве формы инструментальной и формы регуляторного (планирование, контроль и коррекцию) компонентов осваиваемого индивидом действия [Панов, 2014(б), 220].

Поэтому была поставлена цель разработки методики диагностики стадий субъектности с опорой на онтологическую модель В.И. Панова стадий становления субъектности во взаимосвязи регуляторных компонентов освоения действий.

Компонент планирования предполагает элемент предвидения, предвосхищения результатов, того, что произойдет в будущем, в следующий раз и в перспективе, касается новых способов действия или действий при выполнении нового задания.

Компонент контроля включает стремление проверить сделанную работу на основе сложившегося представления об этом действии, оценить, в чем состоит правильность или неправильность действий, особенно при повторении действий, увидеть, что другой делает ошибки, и какова их роль, отследить прохождение этапов какого-либо процесса. При интериоризации будет преобладать самопроверка, при экстериоризации – внешняя проверка.

Компонент коррекции описывает внесение изменений, учитывающих допущенные недочеты, поиск оптимальных путей достижения цели и способов устранения ошибок. Действуя другими и разными способами для достижения цели, человек проверяет их, стремится сделать, как можно точнее, оттачивая до совершенства проверенные способы. Для миропонимания человеку необходимо выслушать людей с разными точками зрения и получить впечатления из разных источников. Необходимым элементом является работой над собственной личностью.

Теоретические основы диагностики стадий становления субъектности. При конструировании методики из возможных форм обращения к испытуемому (от первого лица «Я», во множественном числе «Вы», позиции со стороны «Такой человек...») было отдано предпочтение первой из перечисленных форме. Личное местоимение «Я», на наш взгляд, как нельзя лучше проявляет причастность к действию-образцу, а также направленность усвоения психической реальности (интериоризации – экстериоризации).

В работе [Панов, 2014(б), 221] В.И. Панов расширяет онтологическое понимание модели становления субъектности и уточняет содержание стадий (этапов) и их названия:

1. Субъект мотивации (имеющий потребность). Как подчеркивает В.И. Панов, речь идет о «естественной потребности индивида в проявлении психической активности в той или иной форме», без которой последующие стадии становления субъектности становятся излишними. На данном этапе исследования эта стадия не включалась в содержание методики диагностики стадий становления субъектности.

2. Стадия развития – субъект восприятия действия-образца («наблюдатель»).

Человек на этой стадии представляет способ и последовательность выполнения действия-образца мысленно. Он должен рассмотреть и понять то действие, которое он должен освоить. Но при этом он не всегда понимает, зачем нужно подробно знакомиться с новым способом решения задачи выполнения задания (в варианте для педагогов – когда знакомят с новым способом решения педагогической проблемы). Представления о выполняемом действии-образце могут изменяться. Так, например, у студентов представление об изучаемой дисциплине складывается после того как он сдаст по ней зачет или экзамен. «Педагог-наблюдатель» изменяет ракурс восприятия, например, на учебных занятиях в разных аудиториях всегда выбирает место, где лучше видно всех студентов, чтобы составить о чем-либо свое мнение, предпочитает сначала это неоднократно увидеть. Человек в этой позиции замечает то, что не заметили другие, однако предпочитает наблюдать за происходящим, а не принимать активное участие (пассивное созерцание).

3. Стадия развития – субъект подражания, репродуктивного воспроизведения без произвольной регуляции («Подмастерье»). На этой стадии человек предпочитает выполнять работу по образцу, шаблону, он может механически повторить за кем-то новый способ действия. Но это не означает, что он понимает, как действие надо выполнять правильно, а главное – почему именно так, а не иначе. Не зная, как выполнить действие (например, сделать домашнее задание), он скорее спишет его, не задумываясь. Повторяя за кем-то способ действия или списывая в случае, если не знает решения, он сверится, правильно ли все записал (точно ли списал), или сверится с тем, как его выполняют другие. В позиции «подмастерья» хотя и подразумевается возможность воспользоваться другим способом решения, но с подсказкой (или по совету авторитетных коллег для педагогов). При повторении за другими действия (решения, педагогического приема) даже другими способами, человек все равно старается сделать это как можно точнее, приближаясь к оригиналу.

4. Стадия развития – субъект произвольного выполнения действия-образца при внешнем контроле, для студента чаще со стороны педагога («Ученик»). Человек на этой стадии при выполнении учебного нового задания не сумеет проверить, правильно ли его выполнил. Он допускает возможность ошибки, но чтобы быстрее научиться выполнять новое задание (освоить новое действие), нужно, чтобы кто-то на них указывал. Инициативы поиска ошибок не предпринимает, для проверки правильности задания, особенно нового или трудного, человек предпочитает прибегать к мнению преподавателя или товарища. Будучи не уверен в правильности своего решения, часто надеется на помощь, подсказку, поэтому в собственной оценке работы ориентируется на мнение других. Если не получается решение сложной задачи или не достигается ожидаемый результат, человек действует по-другому, но это происходит только в случае критики со стороны, по подсказке педагога, друзей, авторитетных коллег.

5. Стадия развития – субъект произвольного выполнения действия-образца с самостоятельной, произвольной регуляцией правильности его выполнения («Мастер»). Человек на этой стадии свои учебные или производственные дела планирует самостоятельно. К выполнению нового задания (работе) приступает, сам составив план своих действий. Когда что-

то не так получается, обязательно анализирует, продумывает причину, чтобы избежать их в будущем. Успехи в выполнении действий (работе) им определяются, в первую очередь, собственными усилиями при тщательном внутреннем контроле. Правильность своих действий человек способен оценить лучше других. Предпочитая в деятельности (учебной, педагогической) использовать проверенные лично способы, человек в процессе работы постоянно оттачивает проверенные способы для достижения цели. Например, педагог по окончании занятия (лекции, семинара) вносит изменения, учитывающие допущенные недочеты.

6. Стадия развития – субъект экстерноризации контроля, субъекта экспертной оценки правильности выполнения требуемого действия-образца другими индивидами («Эксперт»). В данной позиции у человека проявляется способность предвидеть оценку своей работы (учебной, педагогической), объективно прогнозировать результаты своей работы. Видя недостатки в работе других, человек мысленно представляет, как их можно устранить, чтобы помочь другим достигнуть большего успеха в будущем (в учебе, в работе). Имея свою точку зрения на то, как нужно работать, человек знает, как научить других действовать правильно. Оценивая ход выполнения действий, он видит, что другой делает ошибки. Замечая, что делается другими неправильно, он указывает на их ошибки, давая советы другим как их исправить.

7. Стадия развития – субъект продуктивного развития, когда действие-образец превратилось из объекта усвоения в средство освоения новых, более сложных действий или же для творческого самовыражения («Творец»). У человека на этой стадии сформированы жизненные цели и план работы для их достижения. Большое значение для достижения своих целей имеет учеба (образование) или повышение квалификации (для педагогов). Стремится получать новые знания, оценивая их роль для решения других проблем. Присутствует стремление добиваться все более высоких жизненных целей в будущем. Для такого человека важно не останавливаться на достигнутом, например, искать оптимальные пути достижения цели и испытывать от этого большое удовлетворение, стремиться к достижению дальнейшего успеха в жизни, связывая многое с самообразованием. При этом, даже получив отличную оценку от педагога или коллег, человек размышляет над возможной перспективой продолжения выполненной работы. Такой студент стремится выполнить учебные задания, а педагог – педагогическую деятельность новым способом или хотя бы привнести элемент новизны.

Методика исследования. На основании описанных конструктов для диагностики стадий становления субъектности была разработана методика, состоящая из 54 пунктов. Каждый пункт методики содержит два конструкта: один – стадия становления субъектности, второй конструкт пункта – это компонент саморегуляции личности (планирование, контроль и коррекция). Использование двух конструктов в каждом пункте позволило уменьшить объем разработанной методики, состоящей из 6 информационных шкал стадий субъектности и 3 шкал компонентов саморегуляции. В качестве ответов использовалась пятибалльная шкала Лайкерта от «полностью не согласен» до «полностью согласен» со средним ответом «затрудняюсь ответить». Наличие в методике, построенной на основе самоотчета испытуемых, ответов «затрудняюсь ответить» создает с одной стороны комфортные условия для испытуемых в ситуации, когда действительно испытуемый затрудняется оценить ситуацию, приведенную в пункте методики, либо отсутствует мотивация тестирования, что часто встречается в «ситуации экспертизы» [Шмелев, 2013, 478], т.е. тестирования по инициативе исследователя. С другой стороны, в случае превышения количества средних ответов «затрудняюсь ответить» некоторого критического значения можно утверждать о несформированности представления испытуемого

диагностируемой характеристики и учете этого факта при интерпретации результатов, что повышает валидность диагностики.

Методика создана в двух вариантах для оценки стадий становления субъектности студентов в учебной деятельности и для профессорско-преподавательского состава в педагогической деятельности. Созданию методики предшествовала длительная работа по уточнению диагностических концептов и входящих в них конструктов путем коллективного обсуждения в экспертной группе.

Результаты исследования и их обсуждение

Психометрические исследования разработанной методики в пилотажном студенческом варианте проведены на выборке студентов и курсантов различных вузов городов Владимира, Нижнего Новгорода, Самары и Читы¹ в количестве 575 человек (возраст 18-23 года). Приведем значения шкал опросника для сформированных представлений о стадии становления субъектности (Таблица 1).

Таблица 1 – Средние значения выраженности шкал методики

	Владимир		Н.Новгород		Самара		Чита	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Наблюдатель	31,92	4,17	33,45	2,71	32,86	3,84	31,53	3,74
Подмастерье	29,58	4,73	28,20	4,10	30,94	5,61	30,42	4,45
Ученик	30,16	4,49	28,95	3,66	30,83	5,56	30,56	3,55
Мастер	34,20	4,99	38,54	3,31	35,72	3,47	34,16	4,53
Эксперт	31,10	5,35	35,70	4,50	33,22	3,79	30,51	4,90
Творец	35,37	5,54	39,78	3,98	35,72	4,54	34,56	5,18
Планирование	67,15	7,91	70,98	4,64	69,53	6,27	66,83	6,77
Контроль	62,42	7,35	66,40	6,36	64,06	6,79	62,30	5,80
Коррекция	62,76	7,61	67,24	5,42	65,72	6,39	62,60	6,39

Примечание. М – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

Студенты г. Владимира определяют сформированность у них в большей степени таких стадий становления субъектности, как «Творец» и «Мастер», а также «Наблюдатель». Курсанты г. Нижнего Новгорода, студенты технического вуза г. Самары и гуманитарного вуза г. Чита считают наиболее сформированными у них такие стадии, как «Творец», «Мастер» и «Эксперт». Скорее всего, это связано с тем, что обучающиеся гг. Нижнего Новгорода, Самары и Читы являются старшекурсниками, а выборка г. Владимира представлена студентами младших курсов, и к старшим курсам развивается, помимо самостоятельных действий при внутреннем контроле и желании не останавливаться на достигнутом, способность прогнозирования работы своей и других.

В оценке сформированности регуляторных компонентов мнения участников исследования более единодушны – наиболее сформирован компонент «Планирование», наименее – «Контроль». Вероятно, это связано с особенностями организации обучения студентов (очная форма) с установленными регулярными видами внешнего учебного контроля, и соответственно, снижением потребности в наличии развитого контроля у студентов. Возможно, для

¹ Авторы благодарны Н.М. Сараевой и ее коллегам из Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета, принявших участие в исследованиях.

обучающихся дистанционных форм или более взрослого контингента мы получили бы другие результаты, но на настоящий момент мы подчеркнем необходимость специальных мероприятий психолого-педагогического характера, включающих овладение навыками как стадий субъектности, так и регуляции.

Для выявления различий в самооценке стадий становления субъектности был проведен дисперсионный анализ (проверка достоверности по критерию Шеффе). У курсантов г. Нижнего Новгорода ниже, по их самооценке, чем в г. Владимире сформированность стадии «Наблюдатель», чем у студентов г. Владимира и Самары – стадия «Подмастерье», чем у всех остальных участников исследования – стадия «Ученик». У них более сформирована, по их самооценке, чем у всех остальных опрошенных стадии «Мастер», «Эксперт» и «Творец». То есть в целом, у курсантов менее выражена потребность во внешнем контроле, а более присуща экстерниоризация контроля и произвольность действий.

Студенты г. Чита оценивают меньшую, чем у остальных студентов, сформированность всех регуляторных компонентов (планирование, контроль и коррекцию), что вероятно, связано со спецификой обучения в вузе.

Приведенные результаты, как мы считаем, подтверждают чувствительность опросника к особенностям выборки (длительность и особенности организации обучения). Надежность шкал (альфа Кронбаха) испытуемых, имеющих четкое представление о сформированности своих стадий становления субъектности (от 53% до 75% в зависимости от шкалы), составила от 0,50 для шкалы «Наблюдатель» до 0,80 для шкалы «Творец».

Как ни парадоксально, но студенты в большей степени не уверены в сформированности стадий становления «Ученик» (60% достоверных результатов) и «Подмастерье» (64%), тогда как сформированность стадий становления субъектности «Мастер» (75%) и «Творец» (76%) меньше всего вызывает у них сомнения. Уверенность в сформированности компонентов регуляции у студентов наивысшая в планировании (71%) и наименьшая – в коррекции (59%). Именно вариации в ответах студентов компонента коррекции дали низкую надежность шкал «Наблюдатель» и «Ученик».

Проверка дискриминативности пунктов методики осуществлялась с помощью вычисления индикатора дельта Фергюссона [Знаков, 2005, 205], значение которого в среднем составило 0,78, что соответствует высокому уровню дискриминативности в случае нормального распределения ответов испытуемых.

Конструктивная валидность была оценена на выборке студентов г. Самары путем корреляции результатов тестирования по методики с данными психологического мониторинга, в который входили опросник 16PF Р.Кеттелла (форма С), опросники смысложизненных ориентаций СЖО, рефлексивности А.В. Карпова, стиля саморегуляции поведения ССП-М В.И. Моросановой, когнитивной составляющей самопонимания Ф.А. Фенигстайна, М.Ф. Шайера и А.Х. Басса (перевод на русский язык В.В. Знакова) [Знаков, 2005], аксиологический тест личностных ценностей АНЛ4.5.2 А.В. Капцова [Капцов, 2015].

В результате корреляционного анализа установлено, что шкалы стадий становления субъектности «Наблюдатель» и «Подмастерье» прямо пропорционально связаны с когнитивной составляющей самопонимания (0,62 – шкала «Наблюдатель» и 0,40 – шкала «Подмастерье»), рефлексивностью (0,43 – шкала «наблюдатель» и 0,50 – шкала «Подмастерье») и способностью к планированию (0,49 – шкала «Наблюдатель» и 0,58 – шкала «Подмастерье»), говорящие о том, что у студентов, оценивших себя на данной стадии развития субъектности, высоко развиты способности к самоанализу, критическому мышлению, когнитивному развитию. Вероятнее всего они обладают адекватной самооценкой.

Шкалы «Мастер» и «Эксперт» не дали значимых корреляционных связей с пакетом диагностических методик. В первую очередь мы склонны считать, что это объясняется низкой выраженностью среди опрошенных студентов данных стадий становления субъектности. Хотя и не исключаем вероятность невалидности некоторых пунктов опросника, повлиявших на полученный результат, что требует дальнейших исследований этих двух шкал.

Наибольшее количество взаимосвязей установлено со шкалой «Творец». Во-первых, уровень становления стадии взаимосвязан с ценностями сфер жизнедеятельности, причем с достаточно высокими коэффициентами корреляции (0,50–0,55). Во-вторых, студенты, отнесшие себя к «творцам», воспринимают эту точку зрения на экзистенциальном уровне, о чем можно судить по наличию взаимосвязи с общей шкалой смысложизненных ориентаций [Знаков, 2005]. В-третьих, они обладают надежностью, добросовестностью и высоким самоконтролем, что подтверждается наличием взаимосвязи с факторами G и Q3 16PF. Шкалы саморегуляции разработанной методики подтвердили конструктивную валидность через взаимосвязь со шкалами опросника В.И. Моросановой и факторами эмоционально-волевой сферы личности по Р. Кеттеллу (коэффициенты корреляции 0,41–0,62), а также с рефлексивностью (0,47) и когнитивной составляющей самопонимания (0,60).

Таким образом, результаты исследования конструктивной валидности позволяют утверждать, что для семи шкал разработанной методики она доказана. Для доказательства конструктивной валидности шкал «мастер» и «эксперт» требуется дополнительное проведение исследований.

Критериальная валидность была оценена на выборке курсантов (100 человек) экспертным методом, и показала значимые различия между самооценкой сформированности стадии становления субъектности курсантов и результатами экспертов. Так большинство курсантов (44%) предположили сформированность у них стадии «Творец», тогда как, по мнению экспертов, это не соответствует действительности в 84% случаев. Расхождение мнения экспертов с самооценкой курсантов в стадии «Мастер» несколько меньше (68%), однако, как и следовало ожидать, преобладает завышенная самооценка испытуемых.

Заключение

Разработанная методика самооценки стадии становления субъектности показала приемлемые для практического использования психометрические показатели и может быть рекомендована в исследовательских целях для изучения самооценки стадий становления субъектности обучающихся.

Библиография

1. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2005. 448 с.
2. Капцов А.В. Психологическая аксиометрия личности и группы. Самара: СамЛюксПринт, 2015. 112 с.
3. Капцов А.В., Колесникова Е.И. Становление субъектности студента технического вуза при формировании компетенций // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы I Международной научно-практической конференции (10-11 октября 2018 г., Санкт-Петербург). СПб., 2018. Ч. 1. С. 186-191.
4. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование. Киев: ПАН Лтд, 1994. 688 с.
5. Панов В.И. Экопсихологическая модель становления субъектности курсантов военного вуза // Российский научный журнал. 2014. № 6. С. 110-122.
6. Панов В.И. Экопсихологические предпосылки изучения психической активности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. Вып. 3 (11). С. 214-224.

7. Панов В.И., Капцов А.В., Колесникова Е.И. Методика оценки стадий субъектности участников образовательного процесса // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: КРЕДО. 2017. С. 294-296.
8. Панов В.И., Плаксина И.В. Экологический подход к исследованию образовательной среды педагогического вуза Плаксина И.В. // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Том 9. № 1. С. 29-34.
9. Селезнева М.В. Взаимодействие субъектов образовательной среды военного вуза как условие развития субъектности курсантов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 219 с.
10. Шмелев А.Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013. 688 с.

Diagnosis stages of development of subjectivity of students

Aleksandr V. Kaptsov

Doctor of Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of Psychology of Management,
Samara Academy of Humanities,
443011, 2, Radial'naya st., Samara, Russian Federation;
e-mail: avkaptsov@mail.ru

Ekaterina I. Kolesnikova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Samara State Technical University,
443100, 244, Molodogvardeiskaya st., Samara, Russian Federation;
e-mail: KolesnikovaEI@yandex.ru

Margarita V. Selezneva

PhD in Psychology, Associate Professor,
Ryazan Higher Airborne Command School,
390031, 1, Generala Margelova square, Ryazan, Russian Federation;
e-mail: selezneva-pi@mail.ru

Irina V. Plaksina

PhD in Psychology, Associate Professor, Professor,
Vladimir State University,
600000, 87, Gor'kogo st., Vladimir, Russian Federation;
e-mail: irinaplx@mail.ru

Abstract

The need to form among university graduates an active life and professional attitude, independence in self-determination is closely related to the development of their subjectivity. In this article, the development of subjectivity is considered on the basis of an ecopsychological approach to the development of the psyche of V.I. Panov. The author's description of the stages of the formation of the subjectivity "Observer", "Apprentice", "Pupil", "Master", "Expert", "Creator" is

given in detail. Attention is drawn to the fact that the formation of subjectivity in this case is represented in the unity of the instrumental and regulatory components of planning, control and correction of activity, which is reflected in diagnostic constructs in developing the methodology for self-assessment of the stages of formation of subjectivity in educational activities. The article presents the results of the study on students and cadets of various universities in different cities of Russia (Vladimir, Nizhny Novgorod, Samara, and Chita). A comparative analysis of the results showed that, in general, the developed method is sensitive to the characteristics of the sample. Significant differences were obtained in the self-assessment of the formation of the stages of subjectivity. The most formed in all students are the "Creator" and "Master" stages. The regulatory component of control is the least developed among all students, which underlines the importance of training in mastering the skills of regulation. Psychometric studies of the methodology (reliability, construct and criterion validity) showed acceptable results, which allow to recommend it for research purposes.

For citation

Kaptsov A.V., Kolesnikova E.I., Selezneva M.V., Plaksina I.P. (2018) Diagnostika stadii stanovleniya sub"ektnosti obuchayushchikhsya [Diagnosis stages of development of subjectivity of students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 158-169.

Keywords

Subjectivity, emergent, self-assessment, diagnosis, ecopsychological approach.

References

1. Kaptsov A.V. (2015) *Psikhologicheskaya aksiometriya lichnosti i gruppy* [Psychological axiometry of the individual and group]. Samara: SamLyuksPrint Publ.
2. Kaptsov A.V., Kolesnikova E.I. (2018) Stanovlenie sub"ektnosti studenta tekhnicheskogo vuza pri formirovanii kompetentsii [The formation of the subjectivity of a technical university student in the formation of competences]. In: *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (10-11 oktyabrya 2018 g., Sankt-Peterburg)* [Herzen readings: psychological studies in education. Materials of the I International Scientific and Practical Conference (October 10-11, 2018, St. Petersburg)]. St. Petersburg. Part 1.
3. Klain P. (1994) *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov: Vvedenie v psikhometricheskoe proektirovanie* [Test Reference Design Guide: An Introduction to Psychometric Design]. Kiev: PAN Ltd Publ.
4. Panov V.I. (2014) Ekopsikhologicheskaya model' stanovleniya sub"ektnosti kursantov voennogo vuza [Ecopsychological model of the formation of the subjectivity of cadets of a military university]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian scientific journal], 6, pp. 110-122.
5. Panov V.I. (2014) Ekopsikhologicheskie predposylki izucheniya psikhicheskoi aktivnosti [Ecopsychological background of the study of mental activity]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Proceedings of the Saratov University. New series. Ser. Acmeology of education. Developmental psychology], 3, 3 (11), pp. 214-224.
6. Panov V.I., Kaptsov A.V., Kolesnikova E.I. (2017) Metodika otsenki stadii sub"ektnosti uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [Methods of assessing the stages of the subjectivity of participants in the educational process]. In: *Effektivnost' lichnosti, gruppy i organizatsii: problemy, dostizheniya i perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Efficiency of the individual, groups and organizations: problems, achievements and prospects: materials of All-Russia. scientific-practical conf.]. Moscow: KREDO Publ.
7. Panov V.I., Plaksina I.V. (2016) Ekologicheskii podkhod k issledovaniyu obrazovatel'noi sredy pedagogicheskogo vuza Plaksina I.V. [Ecological approach to the study of the educational environment of the pedagogical university by I.V. Plaksina]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology], 9, 1, pp. 29-34.

-
8. Selezneva M.V. (2011) *Vzaimodeistvie sub"ektov obrazovatel'noi sredy voennogo vuza kak uslovie razvitiya sub"ektnosti kursantov. Doct. Dis.* [The interaction of subjects of the educational environment of the military university as a condition for the development of the subjectivity of cadets. Doct. Dis.]. Moscow.
 9. Shmelev A.G. (2013) *Prakticheskaya testologiya. Testirovanie v obrazovanii, prikladnoi psikhologii i upravlenii personalom* [Practical testing. Testing in education, applied psychology and personnel management]. Moscow: Maska Publ.
 10. Znakov V.V. (2005) *Psikhologiya ponimaniya: Problemy i perspektivy* [Psychology of understanding: Problems and prospects]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

УДК 159.9**Психологические аспекты и воспитательное значение
форменной одежды для учащейся молодежи****Ревякина Ольга Владимировна**

Кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры конструирования и технологии изделий легкой промышленности,
Омский государственный технический университет,
644050, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 11;
e-mail: olgarev@bk.ru

Рашева Ольга Анатольевна

Кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры конструирования и технологии изделий легкой промышленности,
Омский государственный технический университет,
644050, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 11;
e-mail: olgarasheva64@mail.ru

Виниченко Ирина Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конструирования и технологии изделий легкой промышленности,
Омский государственный технический университет,
644050, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 11;
e-mail: irvin61@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается социально-воспитательная роль форменной одежды для учащейся молодежи, как части корпоративной культуры. Исследования проводились в среде студентов колледжа Инновационного Евразийского Университета. Гипотезой послужило предположение, что подростки передачу своих жизненных ощущений и мировоззрения могут осуществлять через ношение одежды различного вида и цвета. В ходе исследования решались задачи обоснованного выбора ассортимента (комплектности) и цветовой гаммы форменной одежды на основании активного эксперимента. Изучение потребительских предпочтений по художественно-конструктивным признакам внешнего вида костюмов в целевом сегменте проводилось по результатам статистической обработки анкетных данных. В анкете студентам было предложено выбрать комплектность, стилевое решение и силуэтную форму костюма, наполненность конструктивно-декоративными элементами. Для определения цветовой палитры корпоративной одежды использовался краткий тест-опросник «Три любимых цвета», основанный на интуитивном цветопредпочтении человека, разработанный на основе цветового теста М. Люшера. Студенты приняли участие в определении рабочего цвета и в выборе цветовых сочетаний. Выполненные исследования позволили разработать рекомендации по созданию

форменной одежды, как элемента образовательного процесса, выполняющей не только утилитарную, но и воспитательную функцию.

Для цитирования в научных исследованиях

Ревакина О.В., Рашева О.А., Виниченко И.В. Психологические аспекты и воспитательное значение форменной одежды для учащейся молодежи // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 170-179.

Ключевые слова

Подростковый возраст, корпоративный дресс-код, интуитивное цветопредпочтение, психология, школьная форма.

Введение

Интерес к форменной одежде для учащихся периодически возникает в обществе и вызывает споры об ее необходимости. Закон об образовании 2012 года зафиксировал требования к одежде в средней школе, оставив право выбора цвета и ассортимента за образовательными учреждениями, родителями и учащимися ФЗ № 273, статья 38. Как отмечают педагоги, введение формы – своевременная мера, не только нивелирующая различия в материальном благосостоянии среди подростков, но также стабилизирующая и дисциплинирующая.

Казалось бы, форма необходима только в школе, но история становления и развития культуры студенческого мундирного платья в Российской империи доказывает обратное. Зародившись в 18 веке, студенческая форма претерпевала многочисленные конструктивные и цветовые модификации, отменялась и вновь вводилась. Окончательно предопределил направленность официальной моды студенческого платья в высшей школе вплоть до Первой мировой войны закон о мундире для студентов университетов, утвержденный Александром III в 1885 году.

Исследования А. Иванова позволяют нам получить представление о форменном платье студентов высшей школы Российской империи 80-х годов XIX – начала XX века [Иванов, 2007]. В этот период образ российского студента воплощался в единообразной форменной одежде или «мундирном платье» законодательно предписанном для «обязательного ношения» учащимся каждого из государственных высших учебных заведений. В основу этой традиции легла дворянско-военно-бюрократическая природа самодержавия, в котором превыше всего ставилась принадлежность к государственной службе. Студенчество было отнесено к будущим профессионалам высшей квалификации императорского аппарата управления, поэтому официальный статус студенческого мундирного платья был фактически неотличим от чиновничьего статуса. Студенческая форма проходила через «высочайшее» утверждение, последующую кодификацию в Полном собрании законов и «представление» в Правительствующем сенате «для опубликования» в Собрании узаконений и распоряжений правительства в виде «описаний» предметов, составлявших гардероб нормативного студенческого платья [Иванов, 2007, 40].

В отличие от университетов, моделирование форменной одежды для студентов «специальных» институтов осуществлялось по иным принципам. Она не имела в своей основе военно-исторические корни и зарождалась вместе со становлением системы инженерных и аграрных институтов. Поэтому каждое министерство имело возможность самостоятельно

разрабатывать униформу для студентов подчиненных ему институтов. Такая форма снабжалась ведомственными опознавательными признаками, что делало ее схожей с формой собственных служащих. Ведомственно-опознавательную роль здесь играла фурнитура форменного платья – знаки профессиональной символики учебного заведения, геральдические элементы в виде кокарды, пуговицы со знаками института и т. п. [Иванов, 2007, 49]. Форма создавала красочный, хотя и стереотипный внешний вид студенчества, выделяя его из общей массы горожан.

Положительный мировой опыт использования формы в образовательных учреждениях среднего и высшего звена доказывает, что учащиеся относятся к ее ношению не просто с пониманием, а скорее с гордостью, т.к. соотносят наличие подобного дресс-кода с понятием престижности учебного заведения [Особенности ассортимента..., 2015, 49].

Особенно важную роль форменная одежда играет в подростковом периоде, который занимает достаточно длительный этап в жизни человека, оказывая влияние на формирование характера и закладывая основы будущего мировоззрения [Бурняшева, Стрижакова, 2015, 108].

Подростковый период достаточно сложный этап в жизни человека, когда происходит изменение интересов, связанных с корректировкой мотивации совершаемых поступков [Бурняшева, Стрижакова, 2015, 107]. В содержании мотивов на первый план выступают те, которые связаны с формирующимися взглядами, планами на жизнь. Подростки, несомненно, хотят выделиться среди сверстников, в том числе и с помощью одежды, потому представляется очень важным дать им возможность выбора, осознанного принятия решения, предложить разнообразие моделей и цветовой гаммы [Ревякина, Рашева, 2016, 71]. Для того чтобы форменная одежда стала действительно традицией учебного заведения именно учащиеся должны высказать свои предпочтения. Учет их мнения привлечет к форме интерес и сформирует к ней положительное отношение, а не будет восприниматься как некая обязательная дисциплинарная мера, навязанная взрослыми.

Проведенные исследования связаны с обоснованным выбором цветových сочетаний, стиля и комплектности форменной одежды на примере колледж Инновационного Евразийского Университета, в котором представлены различные направления профессиональной подготовки.

Постановка задачи

Разнообразные изменения в подростковом возрасте (психологические, физиологические, социально-адаптивные) переживаются не одновременно и проявляются по-разному у представителей одного коллектива учащихся. Передача своих жизненных ощущений и мировоззрений может осуществляться, в том числе и через ношение одежды различного вида и цвета. Поэтому есть необходимость перевести жизнеощущения подростков в удобный костюм, в котором они будут чувствовать себя уютно и комфортно. При этом учитываются и цветовые предпочтения, и модельный ряд.

Описание исследования

Одежда – это семиотическая система, позволяющая достаточно точно диагностировать личность подростка с помощью манеры ношения, один из способов лучше узнать его и помочь адаптироваться в мире, снять агрессию, преодолеть комплексы, повысить самооценку, улучшить настроение [Ревякина, Рашева, 2016, 71].

Оценки окружающих очень важны для нашего самопознания, и с детства самооценка человека формируется на их основе. Одежда может служить идеальным средством

самопрезентации, т.к. каждый индивид заинтересован в том, чтобы произвести благоприятное впечатление на окружающих. При этом стратегия самоподачи может изменяться для разных ситуаций общения. Именно концепция самопрезентации руководит человеком, когда он решает, что надеть в том или ином случае [Петрова, Коробцева, Язык одежды..., 2002, 68].

Проектирование одежды для учащихся в соответствии с особенностями социальной среды и условиями эксплуатации является научной и практической задачей, поскольку при этом необходимо учитывать как систему потребительских предпочтений, так и требования эргономики.

Сложности при выборе костюма для учебы достаточно часто возникают у потребителей, так как далеко не всегда современные производители готовы предложить покупателям достойную одежду данной целевой направленности. Для решения задачи был проведен разведывательный эксперимент и выбран сегмент социума – учащиеся одного колледжа [Смирнова, 2015, 89]. Ввиду ежедневной занятости в образовательном процессе, костюм является основным элементом гардероба обучающихся, что обуславливает необходимость в нескольких базовых изделиях, которые могут легко объединяться между собой в различной комплектации [Особенности ассортимента..., 2015, 93]. Проведенное анкетирование целевой аудитории при выборе одежды в мультибрендовых магазинах и анализ выявленных предпочтений позволил получить следующие результаты:

- низкая удовлетворенность предлагаемым ассортиментом и цветовой гаммой;
- отсутствие одежды, которая могла бы использоваться учащимися в качестве форменной;
- отсутствие комплектных предложений (предметы одежды продаются отдельно друг от друга);
- покупка самостоятельно собранного из единичных моделей комплекта одежды для учебы обходится дороже, чем костюма в целом.

После анализа данных, полученных в результате анкетирования, было решено разработать специальную коллекцию форменной одежды для студентов колледжа возрастной категории от 16 до 20 лет. При определении стилевого решения коллекции были изучены различные современные молодежные стили и направления [Бугреева, 2008, 71-72] с целью выявления базовых формообразующих элементов. Важным воспитательным приемом стало привлечение студентов к обсуждению и выбору конкретных моделей, наиболее точно, по мнению учащихся, отвечающих их запросам. Анализ мнений учащихся помог сформулировать проектные задачи: определить базовый цвет и палитры дополнительных цветов, выявить предпочитаемый ассортиментный ряд форменной одежды; разработать фирменную символику.

В процессе данного исследования особенно тщательно изучались вопросы, связанные с цветом форменной одежды, т.к. он имеет огромное значение для человека. Цвет не должен вызывать негативных реакций, особенно в тех случаях, когда осуществляется выбор для большой группы потребителей. Он должен объединять коллектив и настраивать на определенный вид деятельности. До 80% цвета и света «поглощаются» нервной системой и только 20% – зрением. Цвет воздействует на человека сразу на нескольких уровнях, в том числе на физическом и психологическом, способствуя развитию интуиции и духовности [Вайс, Шавелли, 1997, 216]. Потому педагоги, участвовавшие в опросе, «проголосовали» за сдержанную цветовую среду, построенную на мягком сочетании цветов. Именно она успокаивает и улучшает общение, гармонизируя образовательный процесс, поддерживает творческую атмосферу.

Общий ансамбль форменной одежды может включать в себя костюм, обувь и аксессуары. Общая цветовая гамма определяется цветом отдельных элементов, а также их сочетанием,

может быть простой или сложной. Так, простой будут однотонная, двухцветная и трехцветная гамма, сложной – сочетание четырех и более цветов. Монохромные композиции вызывают сложности восприятия, потому в пределах одного тона желательно использовать оттенки разной насыщенности.

При формировании цветовой гаммы деловой одежды базовых цветов должно быть не более четырех [Петрова, Коробцева, Необходимый имидж..., 2000, 187-189]. Наилучшими считается 2–3 цвета, а при 4-х – два из них должны быть близкими по тону. В качестве базовых для одежды делового стиля, как правило, используют многофункциональные цвета: черный, темно-синий, белый, серый, бежевый, а также сдержанные, мало эмоциональные, средние по теплоте оттенки: коричневые, бордовые, серо-синие, цвета морской волны, бутылочные, изумрудные, горчичные, песочные, темно-лиловые.

Для подтверждения состоятельности темы исследования использовалась совокупность взаимодополняющих методов:

– теоретические исследования научной литературы об особенностях воздействия цвета на человека;

– эмпирические методы для определения цветовой палитры корпоративной одежды с помощью выбора цветовых предпочтений, включая анкетирование, беседу, тест-опросник Г. Айзенка и цветовой тест М. Люшера.

В исследовании приняли участие 150 студентов колледжа, обучающихся по 6 специальностям.

При определении цвета форменной одежды был использован краткий тест-опросник «Три любимых цвета», разработанный на основе цветового теста М. Люшера [Карелин, 2009, 40-46], основанный на интуитивном цветопредпочтении человека. Первый цвет из трех характеризует личность на этапе исследования, второй – называется рабочим (то есть помогает трактовать полученные результаты, что-то дополняет, уточняет), а третий – выявляет отношение к окружающим. Студенты приняли участие в определении рабочего цвета. По результатам теста наивысшие показатели из предложенных 17 цветов получили: зеленый, желтый, белый, черный и синий, позволяя уравнивать в предпочтениях обучающихся на разных специальностях (рис. 1).

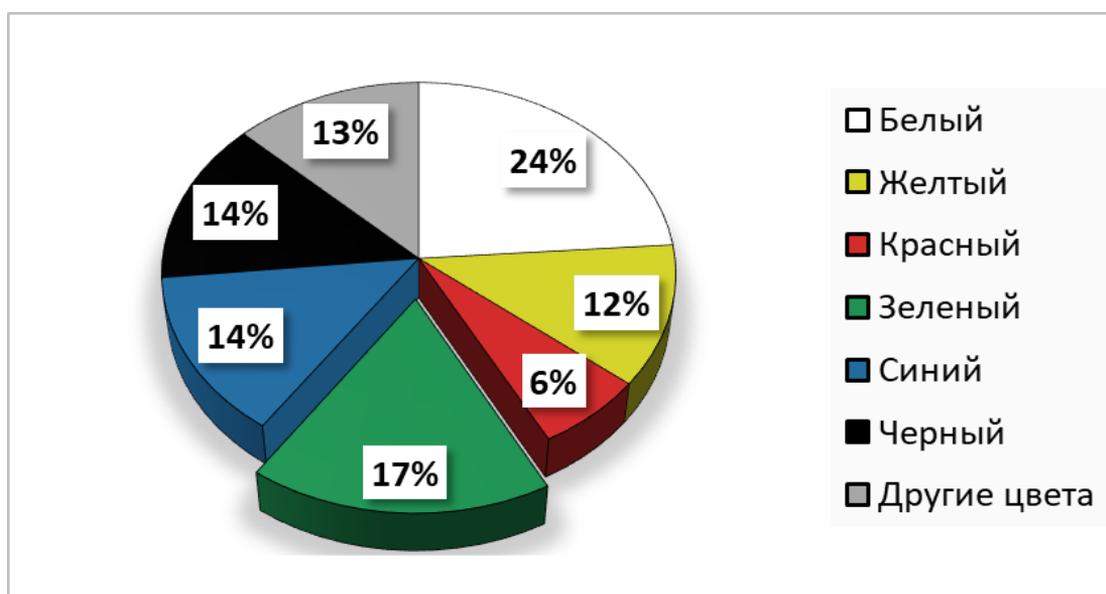

Рисунок 1 – Результаты выбора рабочего цвета форменной одежды

В процессе эксперимента чистый черный и синий были сознательно отброшены, чтобы не усложнять цветовую композицию, а три оставшиеся рассмотрены в различных сочетаниях и оттенках.

При этом учитывалось гендерные различия, т.е. мнение юношей и девушек. Так как зеленый цвет имеет благоприятное воздействие на физиологическое и психологическое здоровье, он был выбран основным. Респондентам было предложено 4 вида сочетаний, базовым в каждом из них был предложен различный оттенок зеленого (рис. 2). Мнения юношей и девушек разошлись, что соответствует особенностям восприятия цвета людей разного пола. Для создания комфортной атмосферы в коллективе было решено выбрать следующие цветовые сочетания: для девушек – образец № 3 (темный сине-зеленый, лимонно-желтый и белый), для юношей – № 4 (желто-зеленый с добавлением серого, желтый и белый).

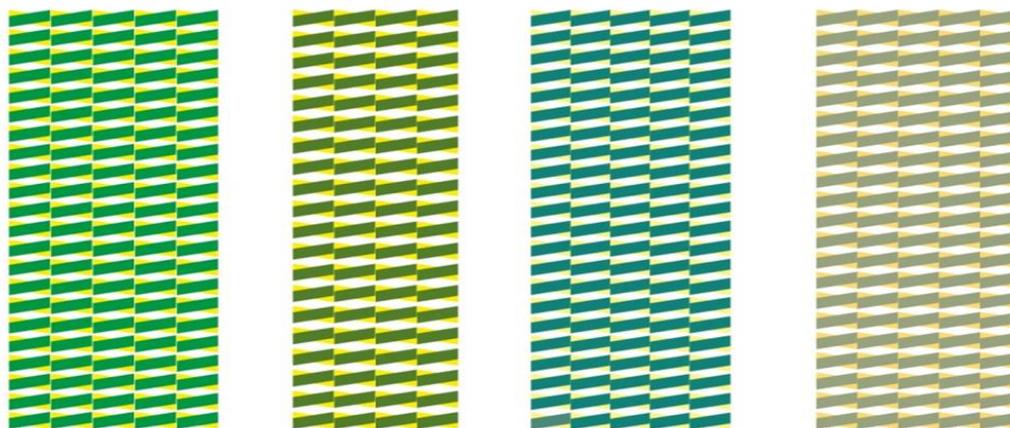

Рисунок 2 – Образцы цветовых сочетаний на основе базового зеленого

Кроме цвета важнейшим художественно-конструктивным признаком костюма является его комплектность. Анализ предпочтений потребителей по этому показателю выявил, что наибольшей популярностью пользуются костюмы (56%) в различных комбинациях (жакет + жилет + брюки (юбка или сарафан)).

Анализ предпочтений по признаку «стилевое решение» показал, что костюмы классического стиля пользуются у молодежи наибольшим спросом – 63%, но у 25% наблюдается интерес к ультрасовременной и экстравагантной одежде. Спортивный стиль нашел отклик у 12% респондентов.

Изучение предпочтений по силуэту показало, что почти половина опрошенных отдает предпочтение полуприлегающему силуэту – 51%. Прилегающий силуэт выбрали – 30%, прямой – 19%. При этом 65% опрошенных проголосовали за естественное расположение линии талии в костюме.

При выборе покроя рукава втачной предпочли 86% респондентов, цельнокроеный и реглан – 14%.

Очень важными элементами костюма являются застежка, карманы, отделочные детали: открытую застежку предпочли 70% опрошенных, использование прорезных карманов – 60%; наличие различных отделочных деталей (паты, клапаны, шлевки и пр.) выбрали 69%.

Таким образом, для формирования общего стиля форменной одежды был выбрана модель классического костюма, включающая жакет, жилет и брюки для юношей (рис. 3). Для девушек

были разработаны кроме брючных варианты комплектов, позволяющие использовать юбку и (или) сарафан (рис. 4).

Рисунок 3 – Модели форменной одежды для юношей

Рисунок 4 – Модели форменной одежды для девушек

Заключение

На основании проведенных исследований можно сделать определенные выводы и предложить алгоритм действий при выборе стиля, цвета и комплектности форменной одежды, который предполагает выполнение следующих этапов:

- изучение психологических особенностей воздействия цвета на человека
- изучение цветовых предпочтений целевой аудитории;
- определение базового цвета на основе проективных методик;
- формирование вариантов цветовых сочетаний базового и дополнительных цветов;
- активное привлечение учащихся к процессу разработки фирменного стиля корпоративного дресс-кода учебного заведения.

Полученные результаты могут быть рекомендованы для различных учебных заведений, что позволит не только создать имидж и поднять их престиж, но и обеспечить, воспитательную роль формы, если студенты станут непосредственными участниками ее разработки, не только в качестве респондентов, но и дизайнеров-проектировщиков. Подобный подход обеспечит интерес к форме со стороны учащихся.

Библиография

1. Баландина Е.А. и др. Особенности ассортимента и задачи проектирования детской одежды различного назначения. Омск: ОГИС, 2015. 188 с.
2. Бугреева Т.Н. Разработка молодежной коллекции одежды с элементами стилей субкультурных образований // Вестник Амурского государственного университета. 2008. Вып. 7. С. 71-74.
3. Бурняшева Л.Н., Стрижакова Н.Е. Социальное воспитание молодежи как составная часть профессиональной подготовки и воспитания будущих специалистов // Проблемы педагогики. 2015. № 2(3). С. 105-110.
4. Вайс Ж.-М., Шавелли М. Лечение цветом. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 384 с.
5. Иванов А. Как одевались русские студенты. Форменное платье студентов высшей школы Российской империи 80-х годов XIX – начала XX века // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2007. № 5. С. 39-61.
6. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
7. Об образовании в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 21.12.2012; одобрен Советом Федерации 26.12.2012.
8. Петрова Е.А., Коробцева Н.А. Необходимый имидж или как произвести нужное впечатление с помощью одежды. М.: Гном и Д, 2000. 208с.
9. Петрова Е.А., Коробцева Н.А. Язык одежды или как понять человека по его одежде: психологический практикум. М.: ГНОМ и Д., 2002. 208 с.
10. Ревякина О.В., Рашева О.А. Форменная одежда как средство воспитания и социализации молодежи в среде профессионального образования // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 29 (71). С. 70-72.
11. Смирнова Т.Г. Влияние цвета на восприятие форменной одежды студентами // Молодежь, наука, творчество – 2015: материалы XIII межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов: сборник статей. Омск: ОГИС, 2015. Ч. 1. С. 89-91.

Pedagogical aspects and educative significance of uniform for students

Ol'ga V. Revyakina

PhD of Engineering, Associate Professor,
Associate professor at the Department of designing and technology of products of light industry,
Omsk State Technical University,
644050, 11, Mira av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: olgarev@bk.ru

Ol'ga. A. Rasheva

PhD of Engineering, Associate Professor,
Associate professor at the Department of designing and technology of products of light industry,
Omsk State Technical University,
644050, 11, Mira av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: olgarasheva64@mail.ru

Irina V. Vinichenko

PhD in History, Associate Professor,
Associate professor at the Department of designing and technology of products of light industry,
Omsk State Technical University,
644050, 11, Mira av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: irvin61@mail.ru

Abstract

The research presented in the paper studies social and educational role of students' uniform as a part of corporate culture. The research was carried out among the college students of Innovative University of Eurasia. A supposition that teenagers can express their feelings and world view through clothes of different type and colors was used as a hypothesis. The research was aimed at solving the problems of justified choice of assortment (costume set) and color gamut of uniform based on an active experiment. The study of consumer preferences according to artistic and constructive features of costume appearance in target segment was conducted on the basis of the results of statistical processing of personal data. Students were offered to choose costume sets, style decision and silhouette form as well as fullness of constructional and decorative components. A short questionnaire "Three favorite colors" based on intuitive color preferences, elaborated on the basis of the M. Luscher's Color Test was used to define color palette of corporate clothes. Students took part in choosing working color and color combinations. As a result of the research some recommendations on creating the uniform as a component of educational process having not only utilitarian but also educative function were made.

For citation

Revyakina O.V., Rasheva O.A., Vinichenko I.V. (2018) Psikhologicheskie aspekty i vospitatel'noe znachenie formennoi odezhdy dlya uchashcheisya molodezhi [Pedagogical aspects and educative significance of uniform for students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 170-179.

Keywords

Adolescence, corporate dress-code, intuitive colour preference, school uniform, psychology.

References

1. Balandina E.A. et al. (2015) *Osobennosti assortimenta i zadachi proektirovaniya detskoj odezhdy razlichnogo naznacheniya* [Features of the range and tasks of designing children's clothing for various purposes]. Omsk: Omsk State University of Service.

2. Bugreeva T. N. (2008) Razrabotka molodezhnoi kolleksii odezhdy s ehlementami stilei subkulturnykh obrazovanii [Development of a youth collection of clothes with elements of subcultural education styles]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State University], 7, pp. 71-74.
3. Burnyasheva L.N., Strizhakova N.E. (2015) Sotsialnoe vospitanie molodezhi kak sostavnaya chast professionalnoi podgotovki i vospitaniya budushchikh spetsialistov [Social education of young people as an integral part of the training and education of future specialists]. *Problemy pedagogiki* [Pedagogy problems], 2(3), pp. 105-110.
4. Ivanov A. (2007) Kak odevalis russkie student: formennoe plat'e studentov vysshei shkoly rossiiskoi imperii 80-h godov XIX – nachala XX veka [How did Russian students dress up. Uniform dress of students of the Higher School of the Russian Empire of the 80s of the XIX - beginning of the XX century]. *Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kultura* [Theory of Fashion. Clothing. Body. Culture], 5, pp. 39-61.
5. Karelin A.A. (2009) *Bol'shaya ehntsiklopediya psikhologicheskikh testov* [Great encyclopedia of psychological tests]. Moscow: Eksmo Publ.
6. *Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii 2012* [On Education in the Russian Federation] (SI 2012/273). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ [Accessed 05/06/17].
7. Petrova E.A., Korobtseva N.A. (2000) *Neobkhodimyi imidzh ili kak proizvesti nuzhnoe vpechatlenie s pomoshch'yu odezhdy* [Necessary image or how to make the necessary impression by means of clothes] Moscow: GNOM i D Publ.
8. Petrova E.A., Korobtseva N.A. (2002) *Yazyk odezhdy ili kak ponyat cheloveka po ego odezhde: psikhologicheskuiu praktikum* [Language of clothes or how to understand a person by his clothes: a psychological workshop]. Moscow: GNOM i D Publ.
9. Revyakina O.V., Rasheva O.A. (2016) Formennaya odezhda kak sredstvo vospitaniya i sotsializatsii molodezhi v srede professionalnogo [Uniforms as a means of educating and socializing young people in the professional education environment]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 29 (71), pp. 70-72.
10. Smirnova T.G. (2007) Vliyanie tsveta na vospriyatie formennoi odezhdy studentami [The effect of color on the perception of uniforms by students]. In: *"Molodezh', nauka, tvorchestvo – 2015": materialy XIII mezhvuz. nauch.-prakt. konf. studentov i aspirantov* ["Youth, Science, Creativity – 2015": materials XIIIth interuniversity scientific and practical conference of students and postgraduate]. Omsk.
11. Vais Zh.-M., Shavelli M. (1997) *Lechenie tsvetom* [Color treatment]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.

УДК 159.9

Проблема ценностно-мотивационных конфликтов преподавателей высшей школы: профессиональный аспект

Сульчинская Элина Энерговна

Старший преподаватель,
кафедра психологии,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 80;
e-mail: elsu@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы, являясь продолжением цикла статей на данную тему, отражает специфику профессионального аспекта данного явления. Публикация содержит краткий обзор по проблеме ценностно-мотивационного конфликта и его дефиницию. В ней представлено достаточно обстоятельное описание целей, задач, инструментов, этапов и результатов эмпирического исследования, в ходе которого были исследованы профессиональные ценности и мотивы и базирующиеся на них ценностно-мотивационные конфликты преподавателей высшей школы в сфере профессиональной деятельности. Исследуемые ценности и мотивы были выделены в соответствии с функциями педагогической деятельности, такими как преподавание, воспитание, развитие, педагогическое творчество, педагогическое конструирование, методическое обеспечение педагогического процесса, педагогическая инноватика, исследование, саморазвитие. В ходе исследования было выявлено наличие у испытуемых состояния ценностно-мотивационного конфликта, который был классифицирован как конфликт с доминированием ценностного или мотивационного компонента. В тексте дана характеристика уровня ценностно-мотивационной конфликтности преподавателей высшей школы, отражена его зависимость от загруженности определенными видами профессиональной деятельности. Наряду с этим представлен анализ взаимосвязи значимости отдельных профессиональных ценностей и выраженности профессиональных мотивов с уровнем внутриличностной конфликтности. Описанное исследование и сделанные на базе анализа его результатов выводы создают основу для разработки отдельных рекомендаций и целостных программ по работе с ценностно-мотивационным конфликтом преподавателей высшей школы.

Для цитирования в научных исследованиях

Сульчинская Э.Э. Проблема ценностно-мотивационных конфликтов преподавателей высшей школы: профессиональный аспект // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 180-186.

Ключевые слова

Ценности, мотивы, мотивация, преподаватели высшей школы, педагогическая деятельность, обучение, воспитание, развитие, самосовершенствование, саморазвитие.

Введение

Изменения в области высшего образования, обуславливают повышение интереса к личностным особенностям профессорско-преподавательского состава высшей школы, в том числе к их ценностным ориентациям и мотивам, как личностного, так и профессионального плана. Ценностно-мотивационные образования регулируют деятельность и поведение преподавателя, определяют его педагогическую позицию, инновационную активность [Подымова, 2014]. Под влиянием ряда факторов личностного и профессионального характера происходит рассогласование ценностей и мотивов, приводящее к формированию ценностно-мотивационный конфликта. Особое место среди изученных нами видов ценностно-мотивационного конфликта занимает ценностно-мотивационный конфликт в профессиональной сфере, сформированный в результате взаимодействия профессиональных ценностей и мотивов [Сульчинская, 2016, 133-141; 2016, 211-219].

Теоретическая часть

Ценностно-мотивационная сфера каждого человека иерархична, динамична и многофункциональна, она обеспечивает регуляторную, активизирующую и ряд других важных для личности функций. Роль ценностей и мотивов, как ее структурных единиц разнородна, но взаимосвязана. Ценности определяют общие приоритеты, то мотивы являются побудителями к действиям в конкретных ситуациях, обеспечивая активность личности в конкретной деятельности. Р.Х. Шакуров рассматривает ценности и мотивы в единстве, определяя мотивы как устремления личности к определенным ценностям, ставшие причинами ее деятельности или действий, а ценности как предметы, значимые для удовлетворения потребности. Ценность состоит из знания о предмете и отношения к нему, а мотив является функциональной характеристикой устремлений, которые, выполняя функцию побуждения к деятельности, превращаются в мотив [Шакуров, 2009].

В деятельности педагогов ценности определяют базовую или потенциальную готовность к ее реализации, а мотивы реальную или ситуативную готовность к ней [Сластенин, Каширин, 2010, 328]. Ценности и мотивы выступают как взаимосвязанные элементы ценностного компонента индивидуального стиля деятельности преподавателя [Измайлов, 2013, 129]. Ценностно-мотивационный блок в структуре компетенций преподавателей высшей школы не только обеспечивает мотивацию к профессиональной деятельности, но и определяет отношение к преподавательской профессии, интерес к ней, стремление к развитию студентов, желание профессионально совершенствоваться. Целостность ценностно-мотивационного блока проявляется через способность понимать и оценивать цели преподавательской деятельности, осознание ценности профессионально-педагогических знаний, способствует признанию им ценности субъектных отношений, повышению уровня удовлетворенности трудом, и личностному самоопределению педагога [Измайлов, 2013, 351].

Гармоничное сочетание ценностного и мотивационного компонентов в профессиональной структуре личности преподавателя [Зеер, 2008, 57] определяет всестороннюю готовность к профессиональной деятельности и является основой успешной профессионализации. Наличие ценностно-мотивационного конфликта, который понимается нами как состояние острого рассогласования ценностей и мотивов личности [Сульчинская, 2016, 130], затрудняет

профессиональное становление и развитие педагогов и отрицательно влияет на процесс мотивации в целом.

Исследование ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы в профессиональной сфере основывается на выделении ценности областей профессиональной деятельности по аналогии с ценностью сфер жизни И. Сенина и сравнении их значимости с мотивацией к выполнению отдельных видов профессиональной деятельности [Сенин, 1999]. Деление осуществлялось в соответствии 10 базовыми функциональными компонентами деятельности преподавателя высшей школы. В их число входят: преподавание, воспитательная деятельность, развитие студентов, исследовательская работа, организационная деятельность, педагогическое конструирование, которое рассматривалось отдельно от инновационной и учебно-методической деятельности, а также педагогическое творчество, и профессионально-личностное самосовершенствование и саморазвитие [Сорокопуд, 2011, 215]. Каждое направление можно рассматривать как профессиональную сферу, имеющую аксиологическую наполненность и как деятельность, осуществляемую с определенным уровнем мотивации.

Эмпирическая часть

Цель исследования – выявление у преподавателей высшей школы ценностно-мотивационных конфликтов, в основе которых лежат профессиональные ценности и мотивы, и исследование их детерминант.

В исследовании приняли участие 205 преподавателей российских вузов в возрасте от 25 до 65 лет, со степенью и без степени, преподающие как гуманитарные, так естественнонаучные и технические дисциплины, 102 мужчин и 103 женщин. Сбор данных проводился при помощи авторской анкеты «Ценности, мотивы, действия». Для статистической обработки данных использовались программы Excel и SPSS-17.00.

Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе выявлялся уровень значимости ценности определенной сферы деятельности и уровень мотивации осуществления этой деятельности, а также степень занятости ею в повседневной практике преподавателя вуза. На втором этапе был выявлен ценностно-мотивационный конфликт преподавателей высшей школы, основанный на взаимосвязи профессиональных ценностей и мотивов, и проведена его классификация. На третьем этапе определялась связь ценностно-мотивационного конфликта в профессиональной сфере с такими факторами как сила профессиональных ценностей и мотивов, возраст, стаж и степень занятости отдельными сферами деятельности.

Первый этап. Испытуемым раздавалась анкета, в которой они должны были оценить от 0 до 10 каждый компонент педагогической деятельности с точки зрения его субъективной ценности, побудительной силы и возможности практической реализации.

Среди всех сфер деятельности наиболее ценной, побуждающей к активности с большим отрывом признана сфера «преподавание». Она же занимает наибольшее количество времени у преподавателей. На втором месте по всем трем показателям является сфера «самосовершенствование и саморазвитие». Это свидетельствует о том, что большинство респондентов считают важным для преподавателя саморазвитие, имеют высокую мотивацию заниматься этим и в целом уделяют самосовершенствованию достаточно времени в повседневной деятельности.

На третьем месте ценность развития студентов и высокая мотивация к осуществлению этой деятельности. В тоже время степень занятости ею на 7 месте. Данный факт может

свидетельствовать, во-первых об отсутствии достаточного количества времени для развития студентов, что замыкает этот процесс в рамки аудиторных занятий и домашних заданий. Во-вторых, свидетельствует об отсутствии условий в вузах для проведения различного рода развивающих мероприятий.

Инновационная деятельность, связанная с усвоением всего новшеств в сфере образования и преподаваемых дисциплин и их внедрением в преподавательскую практику занимает четвертое место. Субъективная значимость этой сферы и мотивация к инновациям находятся примерно на одном уровне, как и степень занятости в повседневной практике. Ценность педагогического творчества высока, как и мотивация заниматься творчеством в профессии, но возможность заниматься им ниже желаемого уровня. Данное состояние дел, по-видимому, определяется излишне высоким уровнем стандартизации и бюрократизации системы высшего образования.

Исследовательская деятельность и по ценности и уровню желаяния ею заниматься находится на шестом месте, а по уровню занятости на десятом. Следовательно, стремление и желание преподавателей заниматься исследованиями на практике остается не реализованным. Отчасти это происходит из-за перегруженности по другим сферам, от части, из-за отсутствия в большинстве вузов достаточных условий для этого.

Ценность воспитания на седьмом месте, как и мотивация осуществления воспитательной деятельностью. Преподаватели высшей школы не считают данную сферу приоритетной, в силу работы с взрослыми людьми, которых, по их мнению, поздно воспитывать.

Работа по организации аудиторной и внеаудиторной активности студентов по значимости и желанию заниматься находится на восьмом месте, а по степени занятости на пятом. Следовательно, преподаватели не считают организационную функцию важной, полагая, что в вузовской системе нужно делать акцент на самоорганизацию студентов. На предпоследнем месте педагогическое конструирование, связанное с проектированием учебных курсов, написанием учебников, учебных пособий, созданием сценарных планов и формированием подборок кейсов. В целом преподаватели не считают ее значимой, еще в меньшей степени они хотят ее выполнять и в незначительной степени реализуют ее на практике.

Учебно-методическая работа является аутсайдером и по уровню ценности и по стремлению к реализации. В тоже время она занимает третье место в повседневной практике. Это указывает на то, что преподаватели воспринимают данную деятельность как незначимую. Они не имеют желания ею заниматься, но вынуждены заниматься значительную часть своего времени.

На втором этапе по аналогии с предыдущими исследованиями ценностно-мотивационного конфликта [Сульчинская, 2016, 127-132; 2016, 133-145; 2016, 211-220] путем вычитания значений профессиональных мотивов из значения профессиональных ценностей мы получили два типа ценностно-мотивационного конфликта в профессиональной сфере с доминированием ценностного компонента (ЦМК1) и с доминированием мотивационного компонента (ЦМК2). Суммируя количество таких конфликтов у каждого преподавателя мы получили показатели уровня ценностно-мотивационной конфликтности ЦМК1В, ЦМК2В и ОУЦМКВ, последний из которых является интегративным и отражает общий уровень ценностно-мотивационной конфликтности в профессиональной сфере, не взирая на тип конфликта.

Третий этап. Анализ результатов исследования показал отсутствие влияния возраста и стажа на ценностно-мотивационные конфликты в профессиональной сфере и наличие влияния на них степени занятости видами профессиональной деятельности. Все типы ценностно-мотивационного конфликта усиливаются по мере увеличения занятости развитием студентов и педагогическим конструированием, а воспитательная деятельность ослабляет их.

Ценность сфер «учебно-методическая работа» и «педагогическое конструирование» имеет отрицательную корреляцию с показателями ЦМКВ. Ценность сфер «воспитание», «исследования» демонстрируют отрицательную связь с ЦМК1В и ОУЦМКВ, ценность сфер «преподавание», «педагогическое творчество», «инноватика» ослабляет ЦМК2В. Ценность «орга-низация» снижает риски возникновения исключительно ЦМК1В, следовательно, преподаватели, ценящие перечисленные сферы, имеют меньше шансов на возникновение ценностно-мотивационного конфликта в профессиональной сфере. Ценность сферы «саморазвитие/самосовершенствование» усиливает конфликты с доминированием ценностного компонента и ослабляет с доминированием мотивационного.

Мотивация учебно-методической работы и педагогического конструирования ослабляет все виды ценностно-мотивационного конфликта в профессиональной сфере; мотивация воспитательной, исследовательской и организационной деятельности снижает риски возникновения ЦМК1В и ОУЦМКВ; мотивация преподавательской деятельности снижает остроту ЦМК2В.

Заключение

Ценностно-мотивационный конфликт преподавателей высшей школы в профессиональной деятельности имеет свои специфические черты. Он формируется на базе взаимодействия профессиональных ценностей и мотивов, в основе которых лежит необходимость и стремление реализовывать определенные профессиональные функции. В иерархии профессиональных ценностей и мотивов первое место занимает ценность преподавания и мотивация преподавательской деятельности следом за ней следует ценность саморазвития и мотивация самосовершенствования. Наименее значимой преподаватели считают методическую и организационную работу и имеют достаточно низкую мотивацию к осуществлению этих функций работу. На базе перечисленных ценностей и мотивов формируются ряд ценностно-мотивационных конфликтов, которые делятся на конфликты с доминированием ценностного и с доминированием мотивационного компонента. На ослабление и усиление ценностно-мотивационного конфликта в профессиональной сфере влияет степень занятости определенными сферами профессиональной деятельности и выраженность отдельных профессиональных ценностей и мотивов. Для преодоления ценностно-мотивационного конфликта в профессиональной сфере, на наш взгляд, целесообразно оптимизировать загруженность преподавателей различными видами деятельности, например понизить уровень занятости методической работой и повысить включенность в исследовательскую деятельность, создавая для нее необходимые условия. В качестве мер психологического характера, имеет смысл создать специальную программу психологической поддержки для преподавателей с ценностно-мотивационным конфликтом. Целесообразно, также введение ряда мер для повышения мотивации и реализованности в отдельных сферах деятельности.

Библиография

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.: Академический проект; Фонд Мира, 2008. 336 с.
2. Измайлов С.Г. Развитие индивидуального стиля деятельности преподавателя в процессе повышения квалификации. Новосибирск: Сибпринт, 2013. 143 с.
3. Подымова Л.С. Инновации как ценность // Инновации в науке и образовании: сборник научных статей. М.: Когито-Центр, 2014. С. 3-8.

4. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль, 1991. 19 с.
5. Сластенин В.А., Каширин В.П. Психология и педагогика. М.: Академия, 2010. 576 с.
6. Сластенин В.А., Подымова Л.С. Готовность педагога к инновационной деятельности // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 1. С. 42-49.
7. Сорокопуд Ю.В. Педагогика высшей школы. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 541 с.
8. Сульчинская Э.Э. Виды и свойства ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т.5. № 5А. С. 133-149.
9. Сульчинская Э.Э. Личностные детерминанты ценностно-мотивационных конфликтов преподавателей высшей школы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т. 5. № 6А. С. 211-222.
10. Сульчинская Э.Э. Особенности структурных взаимосвязей ценностно-мотивационной сферы преподавателей высшей школы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. Т.5. № 6А. С. 127-137.
11. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: БАРАХ-М, 2001. 128 с.
12. Шакуров Р.Х. Инновации и психологическая перестройка личности. Казань, 2009. 349 с.

The problem of value-motivational conflicts of higher school teachers: the professional aspect

Ellina E. Sul'chinskaya

Senior Lecturer,
Department of psychology,
Moscow Finance and Industry University "Synergy",
125190, 80, Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: elsu@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of value-motivational conflict of university teachers, being a continuation of a series of articles on this topic, reflects the specifics of the professional aspect of this phenomenon. The publication contains a brief overview of the problem of value-motivational conflict and its definition. It presents a fairly detailed description of the goals, objectives, tools, stages and results of an empirical study, during which professional values and motives and value-motivational conflicts of higher education teachers in the field of professional activity based on them were investigated. The studied values and motives were identified in accordance with the functions of pedagogical activity, such as teaching, education, development, pedagogical creativity, pedagogical design, methodological support of the pedagogical process, pedagogical innovation, research, and self-development. The study revealed that the subjects had a state of value-motivational conflict, which was classified as a conflict with the domination of the value or motivational component. The text describes the level of value-motivational conflict of high school teachers, reflects its dependence on the workload of certain types of professional activity. Along with this, an analysis is presented of the relationship between the significance of individual professional values and the expression of professional motives with the level of intrapersonal conflict. The described study and the conclusions based on the analysis of its results provide the basis for the development of individual recommendations and holistic programs for working with the value-motivational conflict of higher school teachers.

For citation

Sul'chinskaya E.E. (2018) Problema tsennostno-motivatsionnykh konfliktov prepodavatelei vysshei shkoly: professional'nyi aspekt [The problem of value-motivational conflicts of higher school teachers: the professional aspect]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 180-186.

Keywords

Values, motives, motivation, teachers of higher education, pedagogical activity, training, education, development, self-improvement, self-development.

References

1. Fantalova E.B. (2001) *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnosis and psychotherapy of internal conflict]. Samara: BARAKh-M Publ.
2. Izmailov S.G. (2013) *Razvitie individual'nogo stilya deyatel'nosti prepodavatelya v protsesse povysheniya kvalifikatsii* [Development of an individual style of teacher activity in the process of advanced training]. Novosibirsk: Sibprint Publ.
3. Podymova L.S. (2014) Innovatsii kak tsennost' [Innovations as a value]. In: *Innovatsii v nauke i obrazovanii: sbornik nauchnykh statei* [Innovations in science and education: a collection of scientific articles]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ.
4. Senin I.G. (1991) *Oprosnik terminal'nykh tsennostei* [Questionnaire of terminal values]. Yaroslavl.
5. Shakurov R.Kh. (2009) *Innovatsii i psikhologicheskaya perestroika lichnosti* [Innovation and psychological restructuring of the individual]. Kazan.
6. Slastenin V.A., Kashirin V.P. (2010) *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. Moscow: Akademiya Publ.
7. Slastenin V.A., Podymova L.S. (2007) Gotovnost' pedagoga k innovatsionnoi deyatel'nosti [The teacher's readiness for innovation]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 1, pp. 42-49.
8. Sorokopud Yu.V. (2011) *Pedagogika vysshei shkoly* [Higher school pedagogy]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
9. Sul'chinskaya E.E. (2016) Lichnostnye determinanty tsennostno motivatsionnykh konfliktov prepodavatelei vysshei shkoly [Personal determinants of the value-motivational conflicts of higher school teachers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 5, 6A, pp. 211-222.
10. Sul'chinskaya E.E. (2016) Osobennosti strukturnykh vzaimosvyazei tsennostno-motivatsionnoi sfery prepodavatelei vysshei shkoly [Features of the structural relationships of the value-motivational sphere of higher school teachers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 5, 6A, pp. 127-137.
11. Sul'chinskaya E.E. (2016) Vidy i svoistva tsennostno-motivatsionnogo konflikta prepodavatelei vysshei shkoly [Types and properties of value-motivational conflict of higher school teachers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 5, 5A, pp. 133-149.
12. Zeer E.F. (2008) *Psikhologiya professii* [Psychology of the professions]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond Mira Publ.

УДК 159.9**Психологическое сопровождение кадрового обеспечения в деятельности по сопровождению программных продуктов****Лодде Ольга Александровна**

Старший преподаватель,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
680000, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Серышева, 47;
e-mail: Vyachope1962_90@mail.ru

Аннотация

В статье представлено описание психологического сопровождения кадрового обеспечения в деятельности по сопровождению программных продуктов. Рассматривается понятие автоматизированной системы управления, в которую входит деятельность по сопровождению программных продуктов. Приводится взаимосвязь структуры адаптивности личности, а именно описывается набор индивидуально-психологических качеств личности, которые позволяют ей качественно выполнять профессиональные задачи. Под адаптивностью понимается интегральное свойство личности, содержательные характеристики которого проявляются в комплексе тех или иных способностей, необходимых для успешной адаптации и реализации человека в конкретных условиях среды и деятельности. Исходя из набора адаптивных качеств личности, строится модель профессионального отбора кандидатов в заявленную профессиональную область и оценивается с помощью тактики ступенчатого приема, направленной на определение оптимальных объективных личностных показателей, позволяющих специалисту быть не только эффективным в выполнении поставленных перед ним задач, но и оставаться высококвалифицированным работником, способным к максимальному использованию своих адаптивных качеств.

Для цитирования в научных исследованиях

Лодде О.А. Психологическое сопровождение кадрового обеспечения в деятельности по сопровождению программных продуктов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 187-193.

Ключевые слова

Автоматизированная система управления, сопровождение программных продуктов, кадровое обеспечение деятельности, психология, управление.

Введение

С течением мирового прогресса деятельность по сопровождению программных продуктов становится неотъемлемой частью автоматизированных систем управления (АСУ). Автоматизированные системы с каждым годом совершенствуются и усложняются, что требует не только качественного программного обеспечения, но и эффективного сопровождения программ входящих в данную систему в целом. Ставится вопрос о квалифицированных специалистах, которые способны обслуживать сложные автоматизированные комплексы.

Анализ понятия «автоматизированная система управления»

Рассмотрим несколько подходов к понятию «автоматизированная система управления». Глушков В.М. в научном труде «Введение в АСУ» описывает автоматизированную систему как совокупность программных средств, предназначенных для управления сложноорганизованными процессами в заданных операх рамках определенного технологического процесса или предприятия [Глушков, 2013]. Автор выше представленного определения разводит понятия «автоматическая» и «автоматизированная» система. Только в автоматизированной системе за человеком, сопровождающим ее, сохраняются важные функции, от более общего характера до целенаправленного, а иногда и вовсе выходящие за пределы механической автоматизации.

А.А. Ляпунов и А.И. Китов в научной статье «Кибернетика в технике и в экономике» определили значение автоматизированных систем с точки зрения их активного внедрения практически во все отрасли промышленности для максимального повышения эффективности управления объектами производства, совершенствования функций планирования и высокого роста производительности труда на предприятии [Китов, Ляпунов, 2001].

Б.Н. Малиновский рассматривает автоматизированную систему управления как совокупность управленческих объектов и процессов [Малиновский, 2005]. Автор обозначил основные цели внедрения АСУ на предприятия (Таблица 1).

Таблица 1 – Основные цели автоматизированных систем управления

Вид целей	Характеристика целей
Общие	Предоставление релевантных данных, относительно функциональности поставленных задач, лицу, принимающему решения
	Ускорение в обработке и сборе данных, а также в выполнении отдельных операций
	Снижение числа альтернативных решений, стоящих перед специалистами АСУ
Вспомогательные	Повышенный уровень контроля и дисциплины
	Снижение общего числа затрат на выполнение вспомогательных, сопроводительных операций
	Повышение уровня аргументированности при принятии решений

Число целей, задач и функциональных особенностей управления с каждым годом все более прогрессируют, объем для переработки информации увеличивается, а роль человека в системах искусственного интеллекта становится значительной. Различные отрасли промышленности стали расширять штаты специалистов, владеющих специфическими особенностями автоматизированных систем управления. Чем профессиональная деятельность сложнее организована, тем более усложняется набор индивидуально-психологических качеств

специалистов, позволяющим им быть эффективными и компетентными в своей профессиональной области.

Деятельность по сопровождению программных продуктов как часть АСУ

Автоматизированная система управления внедрена практически во все сферы общественного производства. В данной статье рассмотрено сопровождение кадрового обеспечения специалистов в области сопровождения программных продуктов. Деятельность представленных специалистов направлена на: обслуживание вычислительной техники и периферийных устройств; сопровождение программ бухгалтерского назначения, разработанных фирмой «1С»; сопровождение программного обеспечения, предоставляемого налоговыми органами и Пенсионным Фондом РФ; сопровождение программных продуктов, разработанных фирмой «1С», при наличии подписки на информационно-технологическое обслуживание, поставляемые фирмой «1С».

С точки зрения описания набора психологических качеств специалистов, задействованных в автоматизированной системе управления, специфической формой деятельности которых является сопровождение программных продуктов, обратимся к такому понятию как «адаптивность».

Структура адаптивности личности в деятельности по сопровождению программных продуктов

Под адаптивностью понимается интегральное свойство личности содержательные характеристики которого проявляются в комплексе тех или иных способностей, необходимых для успешной адаптации и реализации человека в конкретных условиях среды и деятельности [Балл, 2009; Георгиевский, 2009; Медведев, 2003]. Важно не только понимание адаптивности в условиях среды, а именно рассмотрение адаптивности в рамках деятельности.

В исследовании В.И. Оседло под адаптивностью личности в деятельности понимается состояние готовности к этой деятельности и выражается в наличии у личности определенного уровня навыков, знаний и умений, которые отражают специфичность конкретного пространства [Березин, 2008].

Адаптивность личности в профессиональной деятельности предполагает ее способность к мобилизации своего внутреннего потенциала при выполнении профессиональных задач. В зависимости от адаптивных возможностей работника определяется, насколько он способен качественно и быстро выполнять ряд трудовых операций [Налчаджян, 2010].

В психолого-научной литературе очень широко отражено одно из ведущих направлений в изучении адаптивности личности, через описание компонентов структуры ее модели [Ушаков, 2004]. Данное направление имеет своим основание характеристики личности, которые обладают «статусом адаптивности», другими словами, способствующих профессиональной адаптации. С этих позиций феномен адаптивности личности выступает в функциональном аспекте, так как представляет собой общий результат функционирования, детерминированный отдельными характеристиками личности.

Наиболее развернутое понимание структуры адаптивности личности представлено в исследованиях О.П. Санниковой. Автор рассматривает структуру адаптивности через разложение ее на три уровня: формально динамический – представлен тремя элементами:

когнитивный (превалирующие познавательные процессы личности, задействованные в деятельности), эмоциональный (представлен уровнем эмоциональной устойчивости личности), поведенческий (представлен внутри личностными способностями к организации и регуляции деятельности); личностно-содержательный – раскрывается в потребностно-мотивационной сфере личности; императивно-социальный – определяет знания личности о явлениях, нормах и традициях в заданных условиях функционирования.

Психологическое сопровождение кадрового обеспечения в деятельности по сопровождению программных продуктов, основанное на изучении компонентов адаптивности личности

Психологическое сопровождение кадрового обеспечения в деятельности по сопровождению программных продуктов основано на структуре адаптивности, с входящими в нее компонентами. Модель профессионального отбора представлена на рисунке 1.

**Рисунок 1 – Модель профессионального отбора кандидатов
в деятельности по сопровождению программных продуктов**

Модель профессионального отбора специалистов по сопровождению программных продуктов основана на исследовании компонентов адаптивности, результаты которых представляют собой общую совокупную оценку уровня развития компонентов адаптивности, на результатах которой делается вывод о профессиональной пригодности.

Исследование компонентов структуры адаптивности в деятельности по сопровождению программных продуктов представлено тактикой ступенчатого приема (Рисунок 2).

Рисунок 2 – Тактика ступенчатого приема кандидатов в деятельности по сопровождению программных продуктов

Данная тактика ступенчатого приема на должность специалиста по сопровождению программных продуктов направлена на определение оптимальных объективных личностных показателей, позволяющих специалисту заданной профессиональной области быть не только эффективным в выполнении поставленных задач, но и оставаться высококвалифицированным специалистом, способным к максимальному использованию своих адаптивных качеств, в соответствии с требованиями деятельности.

Заключение

Деятельность по сопровождению программных продуктов является неотъемлемой частью автоматизированных систем управления. Человек, для того чтобы быть эффективным в данной профессиональной области, должен обладать набором индивидуально-психологических качеств, уровень развития которых прогнозирует дальнейшее успешное функционирование личности в деятельности программного обеспечения. Определить уровень развития адаптивных (индивидуально-психологических) качеств личности возможно с точки зрения применения модели профессионального отбора.

Библиография

1. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности. М., 2009. 343 с.
2. Березин Ф.Б. Психологическая и психофизическая адаптация человека. СПб.: Наука, 2008. 260 с.
3. Георгиевский А.Б. Эволюция адаптаций: историко-методологическое исследование. СПб., 2009. 216 с.
4. Глушков В.М. Введение в АСУ. К.: Техника, 2013. 310 с.
5. Денисова В.Г. Динамика и ресурсы профессионального становления в представлениях субъекта: дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 84 с.

6. Зотова О.И., Кряжева И.К. Содержание и показатели адаптации личности. М.: Наука, 2007. 352 с.
7. Китов А.И., Ляпунов А.А. Кибернетика в технике и экономике // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 79-88.
8. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: теоретическая модель и диагностика. Белгород, 2002. 200 с.
9. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. 2002. Вып. 1. С. 218.
10. Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. Киев, 2005. 384 с.
11. Медведев В.И. Адаптация человека. СПб., 2003. 584 с.
12. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: Механизмы и стратегии. М.: ЭКСМО, 2010. 369 с.
13. Реан А.А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 479 с.
14. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб.: Речь, 2006. 365 с.
15. Толстых Ю.И. Современные подходы к категории «адаптационный потенциал» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 563.
16. Ушаков И.Б. Адаптационный потенциал человека // Вестник Российской академии медицинских наук. 2004. № 3. С. 46.

Psychological support of personnel support in software support activities

Ol'ga A. Lodde

Senior Lecturer,
Far East State Transport University,
680000, 47, Serysheva st., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: Vyachope1962_90@mail.ru

Abstract

The article provides a description of the psychological support of personnel support in the activity of maintenance of software products. The concept of an automated control system, which includes the activity of maintenance of software products, is considered. An interrelation of the structure of personality adaptability is given, namely, a set of individual psychological personality traits are described, which enables it to perform professional tasks qualitatively. By adaptability is understood to be an integral property of a person, the substantial characteristics of which are manifested in the complex of those or other abilities necessary for successful adaptation and realization of a person in specific environmental conditions and activities. Software maintenance activities are an integral part of automated control systems. A person, in order to be effective in this professional field, must possess a set of individual psychological qualities, the level of development of which predicts the further successful functioning of an individual in software activities. Based on a set of adaptive personality traits, a model of professional selection of candidates for a declared professional area is built and evaluated using stepwise tactics aimed at determining the optimal objective personality indicators, which allow a specialist to be not only effective in carrying out his tasks, but also to remain a highly qualified worker capable of maximizing their adaptive qualities.

For citation

Lodde O.A. (2018) Psikhologicheskoe soprovozhdenie kadrovogo obespecheniya v deyatel'nosti po soprovozhdeniyu programmnykh produktov [Psychological support of personnel support in software support activities]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 187-193.

Ol'ga A. Lodde

Keywords

Automated control system, software maintenance, staffing activities, psychology, management.

References

1. Ball G.A. (2009) *Ponyatie adaptatsii i ego znachenie dlya psikhologii lichnosti* [The concept of adaptation and its importance for the psychology of personality]. Moscow.
2. Berezin F.B. (2008) *Psikhologicheskaya i psikhofizicheskaya adaptatsiya cheloveka* [Psychological and psychophysical human adaptation]. St. Petersburg: Nauka Publ.
3. Denisova V.G. (2012) *Dinamika i resursy professional'nogo stanovleniya v predstavleniyakh sub"ekta. Doct. Dis.* [Dynamics and resources of professional development in the views of the subject. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Georgievskii A.B. (2009) *Evolyutsiya adaptatsii: istoriko-metodologicheskoe issledovanie* [The evolution of adaptations: historical and methodological research]. St. Petersburg
5. Glushkov V.M. (2013) *Vvedenie v ASU* [Introduction to ACS]. Kiev: Tekhnika Publ.
6. Kitov A.I., Lyapunov A.A. (2001) *Kibernetika v tekhnike i ekonomike* [Cybernetics in engineering and economics]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 9, pp. 79-88.
7. Larionova S.A. (2002) *Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya lichnosti: teoreticheskaya model' i diagnostika* [Socio-psychological adaptation of personality: a theoretical model and diagnosis]. Belgorod.
8. Leont'ev D.A. (2002) *Lichnostnoe v lichnosti: lichnostnyi potentsial kak osnova* [Personality in personality: personal potential as a basis]. *Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU* [Scientific notes of the Department of General Psychology of Moscow State University], 1, p. 218.
9. Malinovskii B.N. (2005) *Istoriya vychislitel'noi tekhniki v litsakh* [The history of computing in persons]. Kiev.
10. Medvedev V.I. (2003) *Adaptatsiya cheloveka* [Adaptation of the person]. St. Petersburg
11. Nalchadzhyan A.A. (2010) *Psikhologicheskaya adaptatsiya: Mekhanizmy i strategii* [Psychological Adaptation: Mechanisms and Strategies]. Moscow: EKSMO Publ.
12. Rean A.A. (2008) *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [Psychology of personal adaptation]. St. Petersburg: Praim-Evroznak Publ.
13. Rozum S.I. (2006) *Psikhologiya sotsializatsii i sotsial'noi adaptatsii cheloveka* [Psychology of socialization and social adaptation of man]. St. Petersburg: Rech' Publ.
14. Tolstykh Yu.I. (2011) *Sovremennye podkhody k kategorii «adaptatsionnyi potentsial»* [Modern approaches to the category of adaptation potential]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Proc. of TulSU in Humanities], 1, p. 563.
15. Ushakov I.B. (2004) *Adaptatsionnyi potentsial cheloveka* [Human Adaptation Potential]. *Vestnik Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences], 3, p. 46.
16. Zotova O.I., Kryazheva I.K. (2007) *Soderzhanie i pokazateli adaptatsii lichnosti* [Content and indicators of personal adaptation]. Moscow: Nauka Publ.

УДК 159.9.072**Мотивация у выпускников медицинского вуза
с разным уровнем смысложизненного кризиса****Люкшина Дарья Сергеевна**

Старший преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: danyasergeevna@gmail.com

Бартковская Наталья Сергеевна

Студентка,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: bns1996@mail.ru

Кондратьева Екатерина Вадимовна

Преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: ekaterina_kondrateva_2012@mail.ru

Садон Елена Владимировна

Доцент кафедры общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: elenasadon@yandex.ru

Аннотация

При изучении кризиса смысла жизни у студентов вуза можно выявить влияние выбора профессиональной ориентации и внутренних мотивов на профессиональную самореализацию, отражающуюся в степени их активности в научной и практической деятельности. Выборку исследования составили 80 студентов выпускных курсов Тихоокеанского государственного медицинского университета специальностей лечебное дело, педиатрия, клиническая психология. В работе использовались: «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского, методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной. У большинства студентов медицинского вуза доминирует высокий уровень кризиса и мотив на получение диплома о высшем образовании. В то время, как студенты с низким уровнем смысложизненного кризиса (22%) имеют мотивацию на овладение профессиональными навыками и приобретение знаний, и могут выступить

научно-исследовательским потенциалом университета, на основе которого может быть сформирована устойчивая платформа из врачей-исследователей в будущем.

Для цитирования в научных исследованиях

Люкшина Д.С., Бартковская Н.С., Кондратьева Е.В., Садон Е.В. Мотивация у выпускников медицинского вуза с разным уровнем смысложизненного кризиса // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 194-200.

Ключевые слова

Кризис смысла жизни, мотивация, показатели качества жизни, мотивация обучения, мотивы трудовой деятельности, студенты медицинского вуза, научно-исследовательский потенциал.

Введение

Высшее образование, безусловно, является важной составляющей формирующей смысложизненные и профессиональные ориентиры, оказывающей влияние на формирование личности будущего профессионала. Студент, получающий высшее образование, имеет перед собой возможность проявить себя и приблизится к цели самореализации в будущем. Влияние выбранной мотивации на процесс обучения, безусловно, отражается как на самих студентах, так и на вузе. В современном образовании акцент на самообразовании и формировании надпрофессиональных навыков студентов, что требует от них высокого уровня самосознания, и мотивации к обучению. Высоко мотивированный специалист готов развиваться и проявлять себя в различных направлениях, научных и социальных проектах, стартапах и выходить на уровень формирования надпрофессиональных навыков, тем самым создавая себе трамплин для карьерного роста.

Понятие кризис в психологии может затрагивать разные сферы человеческой деятельности и жизни в целом [Водинчар, 2015]. Смысложизненный кризис является психологическим кризисом развития личности в качестве субъекта жизни, в основе которого лежат неразрешимые противоречия. Кризис смысла жизни определяется по Карпинскому К.В., как «состояние личности, которое вызвано неразрешимыми или неразрешенными противоречиями в поиске и практической реализации смысла индивидуальной жизни» [Карпинский, 2011, с. 221]. Рассмотрение и изучение кризиса смысла жизни может объединять в себе совокупность конфликтующих мотивов, целей и ценностей, что может дать нам возможность понять их взаимовлияние друг на друга. Студент, обладающий мотивацией, направленной на изучение и овладение профессией, может являться научно-исследовательским потенциалом вуза, а впоследствии быть основой для формирования врачей не только профессионалов своего дела, но и научных исследователей [Сосновский, 1993; Степанова, 2014]. Такие кадры имеют большую ценность в современном мире, так как из них формируется будущее научной деятельности.

Целью данного исследования является выявление мотивации у выпускников медицинского вуза с разным уровнем смысложизненного кризиса.

Материалы и методы

Выборку исследования составили 80 студентов выпускных курсов специальности лечебное дело, педиатрия, клиническая психология обучающихся в медицинском университете. В работе

использовались: «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского и методика изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной.

Результаты и их обсуждение

По данным эмпирического исследования, в котором приняли участие три группы: студенты специальностей лечебное дело, педиатрия, клиническая психология, учащиеся на выпускном курсе, получены следующие данные.

У 26 студентов специальности лечебное дело были получены следующие результаты: по методике «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского [Карпинский, 2008]: 13 человек находят в состоянии высоко выраженного кризиса, 6 – в состоянии средней выраженности кризиса, 7 - не имеют актуализированного кризиса. Таким образом, на данный момент в кризисе прибывает 19 из 26 человек. Данный факт может быть обусловлен стрессовым состоянием в преддверии государственной итоговой аттестации, подготовкой к профессиональной аккредитации, давлением со стороны близких и значимых людей, преподавателей, личностными характеристиками.

В методике изучения мотивации обучения в вузе Т.И. Ильиной [Ильин, 2011] выделено три основных мотива учебной деятельности: приобретение знаний, овладение профессией и получение диплома о высшем образовании. У студентов специальности лечебное дело, находящихся в группе высокого уровня смысложизненного кризиса, доминантным является мотив получения диплома о высшем образовании. Его избрали в роли ведущего мотива 9 из 13 человек, находящихся в данной категории, что является понятным и логичным фактом при длительности профессионального обучения на медицинских специальностях. Мотив, направленный на овладение профессией, в группе студентом с высоким смысложизненным кризисом абсолютно не выбираем. У студентов с низким смысложизненным кризисом преобладает мотив овладения профессией. Не выбираем мотив получения диплома о высшем образовании, что в свою очередь диаметрально отличается от результатов группы с высоким кризисом.

У 27 студентов специальности педиатрия были получены следующие результаты: по методике «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского: в состоянии высокого уровня кризиса находятся – 12 человек, среднего уровня – 8, низкого уровня – 7. У 8 из 12 студентов с высоким смысложизненным кризисом доминирует мотив - получения диплома о высшем образовании. Для данных студентов является актуальным мотив на приобретение и завершение обучения в вузе, диплом свидетельствует о получении высшего образования. Данный кризис может служить отправной точкой для начала самостоятельной работы в практической деятельности. Для студентов специальности педиатрии с низким уровнем кризиса актуальной мотивацией к обучению является 2 основных мотива: получение знаний и овладение профессией [Ильин, 2011]. Данная группа студентов выпускного курса заинтересована не только в получении диплома об образовании, но и в получении ценных знаний и овладении профессиональными навыками, которые будут необходимы им в трудовой деятельности. Данные студенты могут в дальнейшем себя реализовать, как в научной, так и в практической деятельности.

У 27 студентов специальности клиническая психология были получены следующие результаты: по методике «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского: 17 человек

находятся в состоянии высокого уровня кризиса, 6 – среднего, 4 – низкого. У 10 из 17 студентов с высоким уровнем смысложизненного кризиса доминирует мотивация на получение знаний, у 4 мотивация на овладение профессий и трудовыми навыками. Полученные результаты могут свидетельствовать о высоком уровне осознанности данных студентов. Находясь в ситуации нормативного смысложизненного кризиса, высока ценность профессионально ориентированных знаний, дающихся во время обучения на выбранной специальности. Понимание и усвоение информации и материала, которые может дать психология как наука, и возможность их применения в профессиональной и обыденной жизни. Для низкого уровня кризиса не представилось возможным выделить преобладающий тип мотивации, в виду малого количества человек в группе и разнородных выборов мотивирующих компонентов. Однако 2 из 4 студентов данной группы определили главным мотивом своего обучения – овладение профессией, то есть получения практического опыта и навыков, на которые они смогут опираться во время осуществления профессиональной деятельности.

Из 80 студентов медицинского вуза на момент исследования, в состоянии кризиса находятся: 53% на высоком уровне, 25% на среднем, 22% на низком (отсутствует кризис). Человек, находящийся в смысложизненном кризисе не проявляет поисковую активность, занимает больше пассивную позицию в собственной жизни, что может свидетельствовать о низкой инициативности и мотивации к деятельности [Карпинский, 2010]. Отношение к работе или учебе приобретает негативный оттенок, угасает мотивация, проявляется апатия и безразличие, актуализируется попустительское и халатное отношение к деятельности. Полученные результаты могут означать, что, скорее всего, студенты, находящиеся в состоянии кризиса, не являются категорией профессионально ориентированных молодых специалистов [Карпинский, 2005]. Основную доминирующую часть их интересов в данный момент занимает скорейшее получение диплома, свидетельствующее об их высшем образовании. Данные студенты, вероятно, не ориентированы на научно-исследовательскую деятельность, так как не стремятся развиваться в профессии и заниматься активной деятельностью в рамках своего профессионального профиля.

Группа студентов медицинского вуза с низким уровнем смысложизненного кризиса имеет мотивацию на овладение профессиональными навыками и приобретение знаний. Данные мотивы свидетельствуют об активной жизненной позиции респондентов, о жажде знаний, желании развиваться и покорять новые вершины. Именно студенты с низким уровнем смысложизненного кризиса являются научно-исследовательским потенциалом вуза, так как эта самая активная и заинтересованная в развитии профессиональных знаний и навыков категория респондентов [Люкшина, Петрова, 2016; Толмачова, 2015]. Они имеют перед собой цели и готовы прикладывать силы для их достижения, у них есть профессиональный интерес и мотивация для движения вперед.

Заключение

Исходя из полученных данных, можно сказать, что студенты, находящиеся в кризисе, не замотивированы на профессиональную деятельность. Однако это не означает, что у них нет профессиональной заинтересованности в специальности. Вероятно, на протяжении обучения в вузе произошло разрушение надуманных иллюзий, заблуждений и ожиданий, касающихся будущей профессии, а на их месте не было создано нового конструктивного образа специалиста в данной сфере [Полтавский, 2018]. В связи с этим могла произойти утрата смысла и мотивации

к выбранной профессиональной деятельности. В то же время они могут быть успешны в профессиональной деятельности, если данный нормативный профессиональный кризис выступит, как фактор пускового механизма и переломного момента для осознания и самореализации себя как специалиста.

Студенты с низким уровнем смысложизненного кризиса могут выступить научно-исследовательским потенциалом университета, на основе которого может быть сформирована устойчивая платформа из врачей-исследователей в будущем. Так как из активных, заинтересованных, замотивированных и видящих свою профессиональную цель молодых людей, формируются ведущие кадры вуза.

Библиография

1. Водинчар Е.А. Кризис середины жизни как предмет психологического исследования // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1. С. 41-47.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 512 с.
3. Карпинский К.В. Конфликтный смысл жизни как источник кризиса в развитии личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. № 3. С. 28-42.
4. Карпинский К.В. Конфликтный смысл жизни как фактор личностного кризиса // Ярославский педагогический вестник – Том II (Психолого-педагогические науки). 2011. № 2. С. 221-226.
5. Карпинский К.В. Опросник смысложизненного кризиса. Гродно, 2008. 108 с.
6. Карпинский К.В. Психологическая характеристика смысложизненного кризиса // Белорусский психологический журнал. 2005. № 1. С. 20-28.
7. Люкшина Д.С., Петрова Ю.И. Отношение студентов медицинского вуза к профессиональной деятельности // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 3. С. 96-98.
8. Полтавский С.В. Психологические условия преодоления ценностно-смыслового кризиса середины жизни в процессе самопознания личности: дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2018. 167 с.
9. Сосновский Б.А. Мотив и смысл: психолого-педагогическое исследование. М.: Прометей, 1993. 197 с.
10. Степанова Н.В. Мотивация выбора профессии врача и ценностные ориентации студентов медицинского вуза // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6. С. 239-241.
11. Толмачова О.А. Психологическая характеристика периода взрослости. Влияние профессиональной самоактуализации на преодоление кризиса середины жизни // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 8. С. 17-19.

Motivation of graduates of medical university with different level of life crisis

Dar'ya S. Lyukshina

Senior Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: danyasergeevna@gmail.com

Natal'ya S. Bartkovskaya

Graduate Student,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: bns1996@mail.ru

Ekaterina V. Kondrat'eva

Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: ekaterina_kondrateva_2012@mail.ru

Elena V. Sadon

Associate professor of the Department of general psychological disciplines
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: elenasadon@yandex.ru

Abstract

When studying the crisis of the meaning of life among university students, it is possible to reveal the influence of the choice of vocational orientation and internal motives on professional self-realization, reflected in the degree of their activity in scientific and practical activities. The sample of the study consisted of 80 graduate students of the Pacific State Medical University specializing in general medicine, pediatrics, clinical psychology. In the work were used: "Questionnaire for meaningful crisis of life" and the method of studying the motivation of learning in high school. The majority of students at a medical school are dominated by a high level of crisis and a motive for obtaining a higher education diploma. It can be said that students in crisis are not motivated to engage in professional activities. However, this does not mean that they have no professional interest in the specialty. At the same time, they can be successful in their professional activities if this normative professional crisis acts as a factor of a trigger mechanism and a turning point for awareness and self-realization of oneself as a specialist. While students with a low level of life-long crisis (22%) are motivated to master professional skills and acquire knowledge, and can act as a university research potential, on the basis of which a sustainable platform can be formed from research doctors in the future.

For citation

Lyukshina D.S., Bartkovskaya N.S., Kondrat'eva E.V., Sadon E.V. (2018) Motivatsiya u vypusnikov meditsinskogo vuza s raznym urovnem smyslozhiznennogo krizisa [Motivation of graduates of medical university with different level of life crisis]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 194-200.

Keywords

Crisis of the meaning of life, motivation, indicators of quality of life, learning motivation, motives of work, students of medical high school, research potential.

References

1. Il'in E.P. (2011) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter Publ.

2. Karpinskii K.V. (2010) Konfliktnyi smysl zhizni kak istochnik krizisa v razvitiy lichnosti [Conflict meaning of life as a source of crisis in the development of personality]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya* [Theoretical and experimental psychology], 3, pp. 28-42.
3. Karpinskii K.V. (2011) Konfliktnyi smysl zhizni kak faktor lichnostnogo krizisa [Conflict meaning of life as a factor of personal crisis]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik: Tom II (Psikhologo-pedagogicheskie nauki)* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin – Volume II (Psychological and Pedagogical Sciences)], 2, pp. 221-226.
4. Karpinskii K.V. (2008) *Oprosnik smyslozhiznennogo krizisa* [Questionnaire of the meaning of life crisis]. Grodno.
5. Karpinskii K.V. (2005) Psikhologicheskaya kharakteristika smyslozhiznennogo krizisa [Psychological characteristics of the meaningful life crisis]. *Belorusskii psikhologicheskii zhurnal* [Belarusian Psychological Journal], 1, pp. 20-28.
6. Lyukshina D.S., Petrova Yu.I. (2016) Otnoshenie studentov meditsinskogo vuza k professional'noi deiatel'nosti [The ratio of students of medical schools to the professional activity]. *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 3, pp. 96-98.
7. Poltavskii S.V. (2018) *Psikhologicheskie usloviya preodoleniya tsennostno-smyslovogo krizisa serediny zhizni v protsesse samopoznaniya lichnosti. Doct. Dis.* [Psychological conditions for overcoming the value-semantic crisis of the middle of life in the process of self-knowledge of the personality. Doct. Dis.]. Tambov.
8. Sosnovskii B.A. (1993) *Motiv i smysl: psikhologo-pedagogicheskoe issledovanie* [Motive and meaning: psychological and pedagogical research]. Moscow: Prometei Publ.
9. Stepanova N.V. (2014) Motivatsiya vybora professii vracha i tsennostnye orientatsii studentov meditsinskogo vuza [Motivation of the choice of a doctor's profession and value orientations of students of a medical university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 6, pp. 239-241.
10. Tolmachova O.A. (2015) Psikhologicheskaya kharakteristika perioda vzroslosti. Vliyanie professional'noi samoaktualizatsii na preodolenie krizisa serediny zhizni [Psychological characteristics of the adulthood period. The influence of professional self-actualization on overcoming the midlife crisis]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and business: ways of development], 8, pp. 17-19.
11. Vodinchar E.A. (2015) Krizis serediny zhizni kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya [The crisis of the middle of life as a subject of psychological research]. *Teoriya i praktika sovremennykh gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Theory and practice of modern humanities and natural sciences], 1, pp. 41-47.

УДК 159.923.3

Профессиональная мотивация и ее вклад в уровень прокрастинации

Руднова Наталья Александровна

Ассистент,
кафедра общей и клинической психологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Российская Федерация, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru

Аннотация

Целью настоящего исследования является выявление вклада профессиональной мотивации в уровень прокрастинации. Проверяется гипотеза о преобладании автономной мотивации у лиц, склонных откладывать дела на более поздний срок. Выборку составили 515 человек в возрасте от 17 до 62 лет ($M = 28,11$; $SD = 10,47$), 40% мужчины. Для диагностики профессиональной мотивации был использован Опросник профессиональной мотивации (Осин Е.Н. и др., 2017) и Шкала общей прокрастинации К. Лэй в адаптации Виндекер О.С. и др. Результаты работы подтверждают значимость профессиональной мотивации для прогноза уровня прокрастинации сотрудников: при выявлении основных предикторов прокрастинации, наибольший вклад продемонстрировали Интегрированная мотивация и Амотивация. Сравнение группы лиц с высоким уровнем прокрастинации и группы лиц с низким уровнем прокрастинации, оказалось, что прокрастинаторы демонстрируют более выраженную Контролируемую мотивацию, а именно – Интроецированную и Амотивацию. У не прокрастинаторов преобладает Автономная – Внутренняя и Интроецированная. Делается вывод о том, что удовольствие от процесса труда, искреннее любопытство и интерес, стремление к саморазвитию, ощущению собственной компетентности, чувству гордости за себя и свои достижения предотвращают откладывание дел на более поздний срок. Угроза наказания, излишний контроль со стороны руководителя или отсутствие возможности действовать самостоятельно – повышают вероятность проявления прокрастинации.

Для цитирования в научных исследованиях

Руднова Н.А. Профессиональная мотивация и ее вклад в уровень прокрастинации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7. № 5А. С. 201-211.

Ключевые слова

Профессиональная мотивация, прокрастинация, теория самодетерминации, автономная и контролируемая мотивация, психология.

Введение

Пик проявления прокрастинации, как устойчивой диспозиции, выражающейся в склонности откладывать выполнение своевременных действий на более поздний срок, согласно результатам исследований [Ковылин, 2013], приходится на студенческий возраст. Хотя среди сорокалетних число прокрастинаторов значительно сокращается – до 15-20% [Steel, 2007], данная проблема в более старших возрастах, среди трудящегося населения, не исчезает.

Одним из качественных отличий прокрастинации, наряду с иррациональностью и осознанностью, являются неизбежные негативные эмоциональные и деятельностные последствия. Прокрастинация на рабочем месте значительно влияет как на психологическое благополучие и уровень зарплат сотрудников [Cadena et al., 2011], так и на общую производительность всего предприятия [D'Abate, Eddy, 2007].

Среди специалистов в сфере экономики и управления персоналом одним из «рычагов воздействия» на работников считается мотивация, понимаемая как система влияния на сотрудников с целью стимулирования эффективности их труда [Захаров, 2013].

Однако, такое узкое понимание мотивации постепенно исчезает [Солощенко, Саклаков, 2011; Kuvaas et al., 2016] – современные концепции содержат компоненты, проявляющиеся как внешние, так и внутренние побуждения человека выполнять ту или иную деятельность [Захаров, 2013].

В отличие от экономических, психологические исследования достаточно давно выявили существование внешней и внутренней мотивации: к внешней мотивации были отнесены стимулы, поступающие извне, т.н. мотиваторы [Ильин, 2000], и продукты, результаты деятельности [Леонтьев, 2016], а к внутренней – потребности личности (нужда или влечение). При этом внешняя и внутренняя мотивация резко противопоставлялись.

В рамках теории самодетерминации, продолжая изучение внешней и внутренней мотивации, Деси Э. с коллегами [Deci, Ryan, 2008] выявили неоднородность внешней мотивации. В зависимости от интернализации контроля оказалось возможным проследить переход от мотивации, основанной на сугубо внешних наградах или наказаниях, т.е. контролируемой, к мотивации, проявляющейся в идентификации человека с ценностью выполняемой деятельности [Осин и др., 2017], т.е. к более автономной.

Так, на смену оппозиции внутренней и внешней мотивации приходит представление о мотивационном континууме, который зависит от удовлетворенности трех базовых потребностей, обеспечивающих оптимальное функционирование, творческие достижения и психологическое благополучие [Гордеева, 2013]. Первая из этих трех потребностей – потребность в автономии, т.е. стремление чувствовать себя активным деятелем, инициатором и иметь право на выбор. Вторая – потребность в компетентности – подразумевает стремление быть эффективным и успешным в решении задач, профессионалом в своем деле. Последняя потребность – потребность в связанности с другими людьми – отражает социальный контекст и выражается в желании принадлежать к референтной группе, иметь поддержку от значимых людей.

Таким образом, в рамках теории самодетерминации, мотивационный континуум выстраивается от полного (Внутренняя мотивация) и частичного удовлетворения базовых потребностей (Внешняя) до абсолютного непонимания причин, побуждающих выполнять определенные действия (Амотивация) [Гордеева, 2010].

Эмпирические данные исследований подтверждают предлагаемую Э. Деси и Р. Райаном модель: типы мотивации, связанные с позитивными последствиями деятельности,

положительно влияют на настойчивость и прилагаемые усилия работников, а мотивация, связанная с негативными последствиями, порождает текучесть кадров, хотя и позволяет использовать оплату труда как фактор воздействия [Kuvaas et al., 2016]. Аналогичные результаты получены на отечественной выборке: автономная мотивация связана с увлеченностью работой и компетентностью, а контролируемая - со скукой и профессиональным выгоранием [Осин и др., 2017]. Кроме того, излишний контроль со стороны руководителя или слишком жесткие условия работы провоцируют прокрастинацию [Meyer, 2009].

В связи с этим, становится актуальным поиск механизма образования и функционирования прокрастинации, что поможет сформировать такие схемы управления персоналом, при которых снизится уровень прокрастинации сотрудников, повысится качество их работы, что в целом повлияет на эффективность деятельности организации.

Целью настоящего исследования является выявление прогностической роли профессиональной мотивации для прокрастинации, а также проверка предположения о том, что лицам, склонным откладывать дела на более поздний срок (прокрастинаторам), в большей степени характерна контролируемая мотивация.

Организация исследования и выборка

Исследование проводилось в традиционной форме и при помощи интернет-тестирования, в ходе которого респонденты переходили по предложенной организаторами исследования ссылке и заполняли электронные бланки опросников на сайте Survey Monkey. Общая выборка составила 515 человек в возрасте от 17 до 62 лет ($M=28,11$; $SD=10,47$), 40% мужчины.

Методы исследования

Для диагностики профессиональной мотивации был использован Опросник профессиональной мотивации [Осин и др., 2017], который состоит из 20 вопросов, позволяющих диагностировать 6 типов мотивации:

Шкала внутренней мотивации отражает стремление человека выполнять деятельность ради удовольствия, получаемого от процесса и результата, она связана с большим уровнем субъективного благополучия, не зависит от наград или наказаний и способствует повышению компетентности. Шкала интегрированной мотивации демонстрирует, насколько профессиональная деятельность человека гармонирует с другими сферами жизни. Высокие показатели по шкале Идентифицированной мотивации могут свидетельствовать о том, что деятельность выполняется ради достижения значимых целей, например, ради карьерного роста.

При Интроецированной мотивации профессиональная деятельность в качестве основной цели преследует внутренние награды или наказания, например, переживание гордости или чувства вины. Шкала экстеральной мотивации определяет, насколько человек руководствуется в профессиональной деятельности стремлением получать внешние награды или избегать негативные последствия. Шкала амотивации отражает отсутствие желания и осознания причин выполнять профессиональную деятельность.

Важно отметить, что внешняя мотивация не всегда негативным образом влияет на результаты деятельности: интегрированная и идентифицированная мотивации связаны скорее с положительными тенденциями. В связи с этим, внутренняя, интегрированная и идентифицированная мотивации рассматриваются как автономная, а Интроецированная, Экстеральная и Амотивация – как контролируемая.

Показатель надежности (α Кронбаха) для данных шкал составил от 0,71 (шкала внутренней мотивации) до 0,91 (шкалы интроецированной мотивации и амотивации) [Осин и др., 2017].

Выявление общего уровня прокрастинации было ре при помощи Шкалы общей прокрастинации К. Лэй в адаптации Виндекер О.С. и др. [Виндеер, Останина, 2014]. Опросник является одномерным и состоит из 20 утверждений, касающихся откладывания дел «на потом» в различных обстоятельствах. Надежность методики оценивалась при помощи вычисления коэффициента α (альфа) Кронбаха, которая варьировала от 0,93 до 0,94.

Результаты исследования

Выявление взаимосвязей компонентов профессиональной мотивации и прокрастинации при помощи корреляционного анализа показало, что Прокрастинация коррелирует со всеми показателями мотивации за исключением Интегрированной мотивации (Таблица 1).

Таблица 1 - Взаимосвязи показателей общего уровня прокрастинации и показателей профессиональной мотивации (N=515)

	Ср. ар.	Ст. откл.	Прокрастинация
Внутренняя мотивация	3,72	1,05	-0,17*
Интегрированная мотивация	3,52	1,09	-0,05
Идентифицированная мотивация	3,51	1,09	-0,09*
Интроецированная мотивация	3,07	1,12	0,15*
Экстрнальная мотивация	2,69	1,06	0,11*
Амотивация	2,23	1,01	0,23*
Автономная мотивация	3,58	0,97	-0,11*
Контролируемая мотивация	2,88	0,96	0,15*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,005$; *** $p < 0,001$.

Отрицательно с Прокрастинацией связаны Внутренняя мотивация ($r = -0,17$, $p < 0,05$) и Идентифицированная мотивация ($r = -0,09$, $p < 0,05$), а Интроецированная ($r = 0,15$, $p < 0,05$), Экстернальная ($r = 0,11$, $p < 0,05$) и Амотивация ($r = 0,23$, $p < 0,05$), связаны положительно. Обобщенные показатели профессиональной мотивации также демонстрируют значимые взаимосвязи с Прокрастинацией: Автономная мотивация – отрицательную ($r = -0,11$, $p < 0,05$), а Контролируемая – положительную ($r = 0,15$, $p < 0,05$).

Для выявления прогностических факторов прокрастинации среди мотивационных характеристик, касающихся профессиональной деятельности, был проведен регрессионный анализ с последовательным включением в рассматриваемую модель Пола, Возраста и параметров профессиональной мотивации. Доля объяснимой дисперсии независимой переменной небольшая – 12%, но результаты анализа позволяют уточнить картину выявленных взаимосвязей.

Таблица 2 – Вклад параметров профессиональной мотивации в общий уровень прокрастинации

Модель	Предиктор	R2	delta R2	delta F	Beta
1	Пол	0	-0,002	0,052	0,01
2	Пол	0,059	0,055	16,228***	0,017
	Возраст				-0,242***

Модель	Предиктор	R2	delta R2	delta F	Beta
3	Пол	0,077	0,071	14,398***	0,034
	Возраст				-0,222***
	Внутренняя мотивация				-0,137**
4	Пол	0,079	0,072	11,174***	0,043
	Возраст				-0,206***
	Внутренняя мотивация				-0,192**
	Интегрированная мотивация				0,075
5	Пол	0,087	0,078	9,835***	0,039
	Возраст				-0,223**
	Внутренняя мотивация				-0,165*
	Интегрированная мотивация				0,186*
	Идентифицированная мотивация				-0,159*
6	Пол	0,094	0,083	8,931***	0,038
	Возраст				-0,206***
	Внутренняя мотивация				-0,137*
	Интегрированная мотивация				0,184*
	Идентифицированная мотивация				-0,188*
	Интроецированная мотивация				0,092*
7	Пол	0,096	0,083	7,789***	0,036
	Возраст				-0,215***
	Внутренняя мотивация				-0,124
	Интегрированная мотивация				0,193*
	Идентифицированная мотивация				-0,188*
	Интроецированная мотивация				0,059
	Экстернальная мотивация				0,055
8	Пол	0,12	0,106	8,759***	0,037
	Возраст				-0,207***
	Внутренняя мотивация				-0,102
	Интегрированная мотивация				0,172*
	Идентифицированная мотивация				-0,126
	Интроецированная мотивация				0,015
	Экстернальная мотивация				0,001
	Амотивация				0,192***

Примечание: * p < 0,05; ** p < 0,005; *** p < 0,001.

Стоит отметить, что во всех рассматриваемых моделях предикторов Возраст является значимым прогностическим фактором прокрастинации – чем больше Возраст, тем меньше вероятность проявления Прокрастинации.

Все мотивационные характеристики, входящие в модель 6 могут выступать предикторами прокрастинации, делая свой отрицательный (Внутренняя, Идентифицированная) или положительный вклад (Интегрированная, Интроецированная). Однако, при добавлении в модель Экстернальной мотивации, теряют значимость Внутренняя, Идентифицированная и Интроецированная типы мотивации, а последующее включение Амотивации оставляет значимой только вклад Интегрированной.

Регрессионный анализ вклада суммарных показателей профессиональной мотивации – Автономной и Контролируемой мотивации, а также Пола и Возраста объясняет порядка 9% объяснимой дисперсии Прокрастинации.

Таблица 3 – Вклад суммарных показателей профессиональной мотивации в общий уровень прокрастинации

Модель	Предиктор	R2	delta R2	delta F	Beta
1	Пол	0	-0,002	0,052	0,01
2	Пол	0,059	0,055	16,228***	0,017
	Возраст				-0,242***
3	Пол	0,071	0,066	13,334***	0,02
	Возраст				-0,246***
	Автономная мотивация				-0,113**
4	Пол	0,095	0,088	13,578***	0,023
	Возраст				-0,218***
	Автономная мотивация				-0,072
	Контролируемая мотивация				0,16***

Примечание: * p <0,05; ** p <0,005; *** p <0,001.

Полученные данные свидетельствуют о значимом вкладе Возраста в прогнозирование Прокрастинации, кроме того, оба суммарных показателя профессиональной мотивации могут выступать предикторами Прокрастинации, причем Автономная мотивация снижает уровень Прокрастинации, а Контролируемая – повышает.

Можно заключить, что особенности профессиональной мотивации могут стать предикторами прокрастинации: Внутренняя и Идентифицированная мотивация снижают вероятность ее проявления, в то время как Интегрированная, Интроецированная, Экстернальная и Амотивация – повышают. При рассмотрении всех мотивационных факторов наибольший положительный вклад принадлежит Интегрированной мотивации и Амотивации, а из обобщенных показателей – Контролируемой.

Сравнение группы прокрастинаторов с группой лиц, которым откладывание дел на более поздний срок не свойственно, проведено при помощи t-критерия Стьюдента.

Таблица 4 – Сравнение прокрастинаторов и не прокрастинаторов по уровню выраженности различных типов мотивации (N=515)

Показатели	Группа лиц с низкими показателями прокрастинации (N=262)		Группа лиц с высокими показателями прокрастинации (N=253)		t-критерий Стьюдента
	Ср. ар.	Ст. откл.	Ср. ар.	Ст. откл.	
Внутренняя мотивация	3,85	1,03	3,57	1,06	3,16**
Интегрированная мотивация	3,58	1,14	3,44	1,03	1,53
Идентифицированная мотивация	3,60	1,13	3,41	1,03	1,98*
Интроецированная мотивация	2,96	1,09	3,20	1,14	-2,54**
Экстернальная мотивация	2,62	1,09	2,77	1,03	-1,62
Амотивация	2,08	0,99	2,40	1,02	-3,77***
Автономная мотивация	3,68	1,00	3,48	0,93	2,45*
Контролируемая мотивация	2,55	0,82	2,79	0,87	-3,29***

Примечание: * p <0,05; ** p <0,005; *** p <0,001.

Прокрастинаторы отличаются более выраженной Интроецированной мотивацией ($t=-2,54$, $p<0,005$), Амотивацией ($t=-3,77$, $p<0,001$) и в целом - Контролируемой мотивацией ($t=-3,29$, $p<0,001$), в то время как лица, не склонные откладывать дела на более поздний срок, имеют более высокие показатели по уровню выраженности Внутренней мотивации ($t=3,16$, $p<0,005$), Интроецированной мотивации ($t=1,98$, $p<0,05$) и Автономной ($t=2,45$, $p<0,05$).

Обсуждение полученных результатов

Внутренняя и Идентифицированная мотивация характерны в большей степени не прокрастинаторам, а также способствуют своевременному выполнению трудовых задач: импульс задают интерес к процессу деятельности и стремление к внутренне значимым, хоть и внешним по проявлению (например, успешная карьера) целям, что подтверждается рядом зарубежных исследований [Senecal et al., 1997; Brownlow, Reasinger, 2000].

Интроецированная и Экстернальная мотивация, напротив, повышают вероятность откладывания дел. Возможно, это связано со стремлением избежать наказаний (как внешних, так и внутренних) за недостаточное качество или несвоевременность выполнения. Подобное объяснение подтверждается тем, что у прокрастинаторов обнаружена выраженная мотивация избегания неудач [Василенко, Малышева, 2014].

Полученные данные свидетельствуют о выраженности Амотивации у прокрастинаторов и о ее прогностической роли: отсутствие сознательной вовлеченности в трудовой процесс, понимания связи между предпринятыми действиями и полученными результатами способствуют прокрастинации. О прямой связи прокрастинации с мотивационной недостаточностью также сообщается в работе Неяскиной Ю.Ю. с коллегами [Неяскина, Сибирцева, 2016], что косвенно подтверждает взаимосвязь амотивации и прокрастинации.

Интегрированная мотивация, согласно теории самодетерминации, в рамках мотивационного континуума находится ближе всего к внутренней мотивации - логичным было ожидать от нее отрицательного вклада. Однако, являясь значимым предиктором, Интегрированная мотивация демонстрирует отрицательный вклад. Вероятно, когда трудовая деятельность рассматривается как призвание и наиболее значимая жизненная ценность, прокрастинация может проявляться в других сферах жизни, нанося им ущерб (например, в сфере здоровья).

Если говорить о роли суммарных показателей, то стоит отметить, что Автономная мотивация снижает уровень прокрастинации, но, если в профессиональной ситуации начинает преобладать контролирующая среда, именно она станет ведущим прогностическим фактором: лишение возможности действовать самостоятельно и снижение осознанности побудителей профессиональной деятельности провоцируют откладывание.

Заключение

В ходе проведения настоящего исследования нами получены следующие результаты:

Прокрастинация положительно связана с Автономной мотивацией и отрицательно с Контролируемой. При этом, Внутренняя и Идентифицированная мотивация снижают вероятность откладывания дела на более поздний срок, а Интроецированная, Экстернальная и Амотивация – повышают.

При выявлении основных предикторов прокрастинации, наибольший вклад продемонстрировали Интегрированная мотивация и Амотивация.

Сравнение группы лиц с высоким уровнем прокрастинации и группы лиц с низким уровнем прокрастинации, оказалось, что им характерны различные типы мотивации. Прокрастинаторы демонстрируют более выраженную Контролируемую мотивацию, а именно Интроецированную и Амотивацию. У не прокрастинаторов преобладает Автономная, а именно Внутренняя и Интроецированная.

Анализируя полученные результаты, можно заключить, что профессиональная мотивация делает значимый вклад в уровень прокрастинации, а лицам, склонным откладывать дела на более поздний срок в большей мере характерна внешняя контролируемая мотивация.

Подводя итог, стоит заметить: когда человек получает удовольствие от процесса обучения или труда, им движет искреннее любопытство и интерес, стремление к саморазвитию, ощущению собственной компетентности, чувству гордости за себя и свои достижения, прокрастинация ему не характерна.

Если же сотрудник не чувствует своего вклада в результаты труда, когда у него нет возможности действовать самостоятельно в рамках своих должностных обязанностей, либо он не осознает глубинных причин, по которым продолжает выполнять свои должностные обязанности, объясняя выполнение рабочих дел попыткой избежать проблем с руководством, как правило, уровень прокрастинации будет достаточно высоким.

Прокрастинация сотрудников на рабочем месте может объясняться не только личностными особенностями последних [Uzun Özer, 2010]. Возможно, руководителям подразделений стоит пересмотреть существующую систему мотивации и, снизив постоянный контроль и угрозу негативных санкций, уделить внимание сплочению коллектива и формированию компетентности подчиненных.

Библиография

1. Василенко В.Е., Малышева О.И. Личностные особенности взрослых с разным уровнем и типом прокрастинации // Ананьевские чтения 2014. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: Материалы научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 307-309
2. Виндекер О.С., Останина М.В. Формальный и содержательный анализ шкалы общей прокрастинации С.Н. Lay (на примере студенческой выборки) // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 1. С. 116-126.
3. Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: дис. д-ра психол. наук. М., 2013. 444 с.
4. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. 2010. № 4 (12). С. 8-29.
5. Захаров А.Н. Проблемы мотивации и производительности труда работников сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2013. №7 (26). С. 51-62.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
7. Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. №2. С. 22-41.
8. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. №2. С. 3-182.
9. Неяскина Ю.Ю., Сибирцева Е.И. Личностные и профессиональные ресурсы лиц с различным уровнем прокрастинации // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. №5. С. 67-83.
10. Осин Е.Н. и др. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 4. С. 21-49.
11. Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций // Организационная психология. 2013. №1. С. 8-29.
12. Солощенко Е.А., Саклаков В.М. Эффективная система мотивации: желаемый результат и возможные ошибки // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. №1 (13). С. 90-95.

13. Brownlow S., Reasinger R.D. Putting off until tomorrow what is better done today: Academic procrastination as a function of motivation toward college work // *Journal of Social Behavior and Personality*. 2000. №15. P. 15-34.
14. Cadena X. et al. Fighting Procrastination in the Workplace: An Experiment (No. w16944). Colombia: National Bureau of Economic Research, 2011. <https://doi.org/10.3386/w16944>
15. D'Abate C.P., Eddy E.R. Engaging in Personal Business on the Job: Extending the Presenteeism Construct // *Human Resource Development Quarterly*. 2007. 18. P. 61-383. <https://doi.org/10.1002/hrdq.1209>
16. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // *Canadian Psychology*. 2008. Vol. 49. P. 182-185.
17. Kuranchie-Mensah E.B., Amponsah-Tawiah K. Employee Motivation and Work Performance: A Comparative Study of Mining Companies in Ghana // *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2016. 9(2). P. 255.
18. Kuvaas B. et al. Do you get what you pay for? Sales incentives and implications for motivation and changes in turnover intention and work effort // *Motivation and Emotion*. 2016. 40(5). P. 667-680. <http://dx.doi.org/10.1007/s11031-016-9574-6>
19. Meyer R.D., Dalal R.S., Bonaccio S. A meta-analytic investigation into the moderating effects of situational strength on the conscientiousness–performance relationship // *Journal of Organizational Behavior*. 2009. 30. P. 1077-1102.
20. Senecal C., Lavoie K., Koestner R. Trait and situational factors in procrastination: An interactional model // *J. of Soc. Behav. And Personality*. 1997. V. 12. № 4. P. 605-617.
21. Steel P. The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // *Psychological Bulletin*. 2007. V. 133. №1. P. 65-94.
22. Uzun Özer B. A Path analytic study of procrastination: Testing cognitive, affective, and behavioural components. Ankara: Middle East Technical University, 2010. 230 p.

Professional motivation as a predictor to the level of procrastination

Natal'ya A. Rudnova

Assistant,
Department of general and clinical psychology,
Perm State National Research University,
614990, 15, Bukireva st., Perm, Russian federation;
e-mail: chernysheva-n.a@yandex.ru

Abstract

The purpose of this study is to identify the contribution of professional motivation to the level of procrastination. The hypothesis about the predominance of autonomous motivation among those who tend to postpone the case until a later date is tested. The sample consisted of 515 people aged 17 to 62 years ($M = 28.11$; $SD = 10.47$), 40% of them were men. For the diagnosis of professional motivation, the Professional Motivation Questionnaire was used (Osin et al., 2017) and K. Lei's Scale of General Procrastination in the adaptation of O. Windecker and others. The results of the work confirm the importance of professional motivation for predicting the procrastination level of employees: Integrated motivation and Amotivation showed the greatest contribution in identifying the main predictors of procrastination. Comparing the group of people with a high level of procrastination and the group of people with a low level of procrastination, it turned out that procrastinators demonstrate a more pronounced Controlled motivation, namely Introjected and Amotivation. Non-procrastinators are dominated by Autonomous types, Internal and Introjected. It is concluded that the pleasure of the labor process, sincere curiosity and interest, the desire for self-development, a sense of self-competence, a sense of pride for themselves and their achievements prevent the postponement of affairs to a later date. The threat of punishment, excessive control by the head or the lack of the ability to act independently increase the likelihood of procrastination.

For citation

Rudnova N.A. (2018) Professional'naya motivatsiya i ee vklad v uroven' prokrastinatsii [Professional motivation as a predictor to the level of procrastination]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 7 (5A), pp. 201-211.

Keywords

Professional motivation, procrastination, self-determination theory, autonomous and controlled motivation, psychology.

References

1. Brownlow S., Reasinger R.D. (2000) Putting off until tomorrow what is better done today: Academic procrastination as a function of motivation toward college work. *Journal of Social Behavior and Personality*, 15, pp. 15-34.
2. Cadena X. et al. (2011) *Fighting Procrastination in the Workplace: An Experiment (No. w16944)*. Colombia: National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w16944>
3. D'Abate C.P., Eddy E.R. (2007) Engaging in Personal Business on the Job: Extending the Presenteeism Construct. *Human Resource Development Quarterly*, 18, pp. 61-383. <https://doi.org/10.1002/hrdq.1209>
4. Deci E.L., Ryan R.M. (2008) Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, pp. 182-185.
5. Gordeeva T.O. (2013) *Motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti shkol'nikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya. Doct. Dis.* [Motivation of educational activity of schoolchildren and students: structure, mechanisms, conditions of development. Doct. Dis.]. Moscow.
6. Gordeeva T.O. (2010) Teoriya samodeterminatsii: nastoyashchee i budushchee. Chast' 1: Problemy razvitiya teorii [Self-determination theory: present and future. Part 1: Problems of the theory development]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 4 (12), pp. 8-29.
7. Il'in E.P. (2000) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter Publ.
8. Kovylin V.S. (2013) Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena prokrastinatsii [Theoretical foundations of the study of the phenomenon of procrastination]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a changing world: health, adaptation, development], 2, pp. 22-41.
9. Kuranchie-Mensah E.B., Amponsah-Tawiah K. (2016) Employee Motivation and Work Performance: A Comparative Study of Mining Companies in Ghana. *Journal of Industrial Engineering and Management*, 9(2), pp. 255.
10. Kuvaas B. et al. (2016) Do you get what you pay for? Sales incentives and implications for motivation and changes in turnover intention and work effort. *Motivation and Emotion*, 40(5), pp. 667-680. <http://dx.doi.org/10.1007/s11031-016-9574-6>
11. Leont'ev D.A. (2016) Ponyatie motiva u A.N. Leont'eva i problema kachestva motivatsii [The concept of motive by A.N. Leontyev and the problem of quality of motivation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology], 2, pp. 3-182.
12. Meyer R.D., Dalal R.S., Bonaccio S. (2009) A meta-analytic investigation into the moderating effects of situational strength on the conscientiousness–performance relationship. *Journal of Organizational Behavior*, 30, pp. 1077-1102.
13. Neyaskina Yu.Yu., Sibirtseva E.I. (2016) Lichnostnye i professional'nye resursy lits s razlichnym urovnem prokrastinatsii [Personal and professional resources of persons with different levels of procrastination] *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki* [Proc. of ZabSU in Pedagogy], 5, pp. 67-83.
14. Osin E.N. et al. (2017) Professional'naya motivatsiya sotrudnikov rossiiskikh predpriyatii: diagnostika i svyazi s blagopoluchiem i uspeshnost'yu deyatel'nosti [Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and links with well-being and success of activity]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 7, 4, pp. 21-49.
15. Osin E.N., Ivanova T.Yu., Gordeeva T.O. (2013) Avtonomnaya i kontroliruemaya professional'naya motivatsiya kak prediktory sub"ektivnogo blagopoluchiya u sotrudnikov rossiiskikh organizatsii [Autonomous and controlled professional motivation as predictors of subjective well-being among employees of Russian organizations]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 1, pp. 8-29.
16. Senecal C., Lavoie K., Koestner R. (1997) Trait and situational factors in procrastination: An interactional model. *J. of Soc. Behav. And Personality*, 12, 4, pp. 605-617.
17. Soloshchenko E.A., Saklakov V.M. (2011) Effektivnaya sistema motivatsii: zhelaemyi rezul'tat i vozmozhnye oshibki [Effective system of motivation: the desired result and possible mistakes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Tomsk State University Bulletin. Economy], 1 (13), pp. 90-95.

18. Steel P. (2007) The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure. *Psychological Bulletin*, 133, 1, pp. 65-94.
19. Uzun Özer B. (2010) *A Path analytic study of procrastination: Testing cognitive, affective, and behavioural components*. Ankara: Middle East Technical University.
20. Vasilenko V.E., Malysheva O.I. (2014) Lichnostnye osobennosti vzroslykh s raznym urovnem i tipom prokrastinatsii [Personal characteristics of adults with different levels and types of procrastination]. In: *Anan'evskie chteniya 2014. Psikhologicheskoe obespechenie professional'noi deyatel'nosti: Materialy nauchnoi konferentsii* [Ananyevskie readings 2014. Psychological support of professional activity: Materials of a scientific conference]. St. Petersburg: Skifiya-print Publ.
21. Windecker O.S., Ostanina M.V. (2014) Formal'nyi i sodержatel'nyi analiz shkaly obshchei prokrastinatsii S.N. Lau (na primere studencheskoi vyborki) [Formal and informative analysis of the scale of total procrastination S.N. Lay (on the example of a student sample)]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 1, pp. 116-126.
22. Zakharov A.N. (2013) Problemy motivatsii i proizvoditel'nosti truda rabotnikov sel'skogo khozyaistva [Problems of motivation and labor productivity of agricultural workers]. *Vestnik NGIEI* [NSIEI Herald], 7 (26), pp. 51-62.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

